

Научный журнал

Основан в 2006 г.

Зарегистрирован в Федеральной службе по надзору в сфере связи,
информационных технологий и массовых коммуникаций
ПИ № ФС77-61039 от 5 марта 2015 г.

Учредитель:

Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение
высшего образования
«Тверской государственный университет»

Редакционная коллегия серии:

д-р юрид. наук, проф., заслуженный юрист РФ О.Ю. Ильина (*глав. редактор*);
д-р юрид. наук, проф., заслуженный юрист РФ Л.В. Гуманова;
д-р юрид. наук, доц. Н.А. Антонова;
д-р юрид. наук, проф. Л.Т. Бакулина;
д-р юрид. наук, проф. М.В. Баранова;
д-р юрид. наук, проф. А.Г. Безверхов;
д-р юрид. наук, проф. А.А. Воротников;
д-р юрид. наук, ассоциированный проф. Б.А. Джандарбек;
д-р юрид. наук, проф. И.Г. Дудко;
д-р юрид. наук, проф. М.А. Ефремова;
д-р юрид. наук, проф. А.И. Коробеев;
д-р юрид. наук, проф. В.И. Крусс;
д-р юрид. наук, проф. А.Н. Кузбагаров;
д-р юрид. наук, доц. А.Н. Левушкин;
д-р юрид. наук, проф. Т.Н. Михеева;
д-р юрид. наук, проф. Ю.А. Попова;
д-р юрид. наук, проф. В.Д. Потапов

Адрес редакции:

Россия, 170021, г. Тверь, ул. 2-я Грибоедова, д. 22, каб. 222
Тел.: +7 (4822) 70-06-57

*Все права защищены. Никакая часть этого издания
не может быть репродуцирована без письменного разрешения издателя.*

© Тверской государственный
университет, 2024

Scientific Journal

Founded in 2006

Registered by the Federal Service for Supervision of Communications,
Information Technology and Mass Media
PI № ФС77-61039 of March 5, 2015

Translated Title:

Herald of Tver State University. Series: Law

Founder:

Federal State Budget Educational Institution
of Higher Education
«Tver State University»

Editorial Board of the Series:

Doctor of Law, Professor, Honored Lawyer of the Russian Federation O.U. Ilina
(editor-in-chief);
Doctor of Law, Professor, Honored Lawyer of the Russian Federation L.V. Tumanova;
Doctor of Law, Professor N.A. Antonova;
Doctor of Law, Professor L.T. Bakulina;
Doctor of Law, Professor M.V. Baranova;
Doctor of Law, Professor A.G. Bezverkhov;
Doctor of Law, Professor A.A. Vorotnikov;
Doctor of Law, Professor B.A. Dzhandarbek;
Doctor of Law, Professor I.G. Dudko;
Doctor of Law, Professor M.A. Efremov;
Doctor of Law, Professor A.I. Korobeev;
Doctor of Law, Professor V.I. Kruss;
Doctor of Law, Professor A.N. Kuzbagarov;
Doctor of Law, Professor A.N. Levushkin;
Doctor of Law, Professor T.N. Mikheeva;
Doctor of Law, Professor Yu.A. Popova;
Doctor of Law, Professor V.D. Potapov

Editorial Office:

Office 222, 22, 2nd Griboyedova st., 170021, Tver, Russia
Tel.: +7 (4822) 70-06-57

*All rights reserved. No part of this publication
may be reproduced without the written permission of the publisher.*

© Tver State University, 2024

СОДЕРЖАНИЕ

Актуальные вопросы частного права

Гринева А.В.

О специфике содержания родительского правоотношения при
раздельном проживании ребенка с одним из родителей.....7

Козырева Е.В.

О преемственности взглядов С.А. Беляцкина на институт компенсации
морального вреда в гражданском праве.....20

Лепехин И.А., Павлова П.О.

Перспективы развития исламской ипотеки в России.....27

Сочнева О.И., Тарусина Н.Н.

О праве ребенка на образование: классика и современные вызовы.....36

Шершень Т.В.

Брачный договор, соглашение о разделе общего имущества супругов,
соглашение о выделе доли vs «любой иной договор» как основание
изменения режима общей совместной собственности супругов:
диссонанс доктринальных, законодательных и правоприменительных
подходов.....46

Актуальные вопросы публичного права

Антонова Н.А.

Обнародование муниципальных правовых актов: новеллы
законодательства и их правоприменение.....55

Афтахова А.В.

Субъекты гражданских процессуальных отношений: некоторые
вопросы классификации.....64

Вобликов А.Б.

Актуальные вопросы таможенного регулирования.....74

Крусс В.И.

К конституционной теории государственных функций.....85

Субботин Ю.Б.

Организационно-методологические основы таможенного контроля
оформляемых товаров.....95

Актуальные вопросы науки и правоприменительной практики

Барткова О.Г.

О недобросовестности лиц, оказывающих юридические услуги, в
контексте современного состояния частно-правового и публично-
правового регулирования.....103

Колмаков С.Ю.

Право на публичные мероприятия в Российской Федерации: проблемы
реализации и пути совершенствования законодательства.....114

Крусс И.А.

Основные направления совершенствования правового регулирования деятельности Банка России в аспекте укрепления банковской системы России.....127

Федина А.С.

К вопросу о реализации принципов права в судебном представительстве по гражданским делам.....135

Вопросы истории государства и права

Антонченко В.В.

Историко-теоретический подход в осмыслении уголовной политики России.....144

Зарубина К.А.

К вопросу об условиях формирования и развития профессиональной преступности в дореволюционной России.....156

Смирнов С.Н., Сухарев А.Н.

О почетном наименовании Тверского государственного университета: юридический аспект.....165

CONTENT

Topical issues of private law

- Grineva A.*
On the specifics of the content of the parental legal relationship when a child resides separately from one of the parents.....7
- Kozyreva E.*
On the continuity of S.A. Belyatskin's views on the institution of compensation for moral harm in civil law.....20
- Lepekhin I., Pavlova P.*
Prospects for the development of islamic mortgages in Russia.....27
- Sochneva O., Tarusina N.*
On the right of the child to education: classics and modern challenges.....36
- Shershen T.*
Marriage contract, agreement on the division of the common property of the spouses, agreement on the allocation of a share vs “any other agreement” as a basis for changing the regime of common common property of the spouses: dissonance of doctrinal, legislative and enforcement approach.....46

Topical issues of public law

- Antonova N.*
Promulgation of municipal legal acts: novelties of legislation and their enforcement.....55
- Aftakhova A.*
Subjects of civil procedure relations: some classification issues.....64
- Voblikov A.*
Current issues of customs regulation.....74
- Kruss V.*
Towards the constitutional theory of state functions.....85
- Subbotin Y.*
Organizing-methodological bases of the customs control arranged goods.....95

Topical issues of science and law enforcement practice

- Bartkova O.*
About disconnectivity of persons, providing legal services, in the context of the current state of private law and public legal regulation.....103
- Kolmakov S.*
The right to public events in the Russian Federation: problems of implementation and ways to improve legislation.....114
- Kruss I.*
The main directions of improving the legal regulation of the bank of Russia in the aspect of strengthening the banking system of Russia.....127

Fedina A.

On the issue of implementing the principles of law in judicial representation
in civil cases.....135

Issues of state history and law

Antonchenko V.

Historical and theoretical approach in understanding the criminal policy of
Russia.....144

Zarubina K.

On the question of the conditions of formation and development of
professional crime in pre-revolutionary Russia.....156

Smirnov S., Sukharev A.

About the honorary name of Tver State University: the legal aspect.....165

Актуальные вопросы частного права

УДК 347.61/.64

DOI: 10.26456/vtpravo/2024.1.007

О СПЕЦИФИКЕ СОДЕРЖАНИЯ РОДИТЕЛЬСКОГО ПРАВООТНОШЕНИЯ ПРИ РАЗДЕЛЬНОМ ПРОЖИВАНИИ РЕБЕНКА С ОДНИМ ИЗ РОДИТЕЛЕЙ

А.В. Гринева

ФГБОУ ВО «Юго-Западный государственный университет», г. Курск

Автор исследует родительское правоотношение при раздельном проживании ребенка с одним из родителей, акцентируя внимание на содержании родительских прав и обязанностей каждого из родителей. Особо автор подчеркивает правовые последствия ненадлежащего осуществления родительских прав и обязанностей каждым из родителей. Научная новизна исследования подтверждается принципиально новым подходом к исследованию: в отличие от позиции большинства ученых автор впервые выявляет и обосновывает особенности содержания родительского правоотношения при таких социальных обстоятельствах в контексте правовых последствий раздельного проживания ребенка с одним из родителей. Кроме того, изучение материалов современной правоприменительной практики позволило автору сделать вывод, что раздельное проживание одного из родителей с ребенком и осуществление родительских прав в неполном объеме может стать основанием для лишения этого родителя отдельных прав, основанных на факте родства с ребенком.

Ключевые слова: *родительское правоотношение, родитель, проживающий отдельно, осуществление родительских прав, лишение отдельных родительских прав.*

Родительское правоотношение как правоотношение между родителями и несовершеннолетним ребенком имеет достаточно императивный формат с точки зрения оснований возникновения и прекращения, предусмотренных Семейным кодексом Российской Федерации (далее – СК РФ). Содержание данного правоотношения, т. е. права и обязанности родителей по воспитанию, образованию и содержанию ребенка определено законодателем тоже достаточно конкретно, при этом объективно объяснимо отсутствие исчерпывающего перечня родительских прав и обязанностей, что в то же время компенсируется провозглашением определенных принципов осуществления родительских прав. Специфика последних заключается в сочетании возможного и должного поведения родителей, что следует из содержания ст. 61 СК РФ «Родители имеют равные права и несут равные обязанности в отношении своих детей (родительские права)» [2].

Длительный характер существования родительского правоотношения (как правило, до достижения ребенком совершеннолетия), к сожалению, может сопровождаться различными обстоятельствами, повлекшими в том числе и раздельное проживание ребенка с одним из родителей. Представители науки семейного права достаточно часто обращаются к проблематике осуществления родительских прав при раздельном проживании ребенка с одним из родителей. При этом вектор исследований весьма подвижен. Большинство ученых полагает, что при раздельном проживании с ребенком родитель имеет ограниченный объем родительских прав, поскольку фактическое разлучение с ребенком лишает родителя многих возможностей [15]. По мнению С.В. Зыкова «поскольку фактически ребенок остается с отцом только в исключительных случаях (примерно в каждом десятом случае неполной семьи), проблемы определения порядка общения с отдельно проживающим родителем касаются именно отцов» [13].

Напомним, что в соответствии со ст. 38 Конституции Российской Федерации «Забота о детях, их воспитание – равное право и обязанность родителей», что предполагает не столько равенство непосредственно прав и обязанностей родителей, сколько равную степень ответственности родителей в осуществлении заботы о детях, обеспечении всестороннего духовного, нравственного, интеллектуального и физического развития детей, воспитании в детях патриотизма, гражданственности, уважения к старшим (ст. 67.1 Конституции РФ) [1]. Раздельное проживание ребенка с одним из родителей после расторжения брака, как правило, исследуется в юридической литературе в пределах осуществления соответствующим родителем права на общение с ребенком, некоторые авторы апеллируют при этом и к праву ребенка на общение с родителем [14]. Коллеги также предлагают обратиться к опыту Кодекса о браке и семье РСФСР, в ст. 56 которого предусматривалась обязанность родителя, проживающего отдельно от ребенка, принимать участие в воспитании несовершеннолетнего [12]. В действующей редакции ст. 66 СК РФ, напомним, речь идет о праве родителя, который проживает отдельно от ребенка, принимать участие в его воспитании. Вряд ли это «игра слов», мы полагаем, что принцип общности родительских прав и обязанностей, объединенных понятием «родительские права» в ст. 61 СК РФ, снимает соответствующие вопросы.

Поводом для соответствующих наших рассуждений стал анализ актуальных материалов правоприменительной практики, при этом обращает на себя внимание тенденция к опровержению фактического преимущества родителя, с которым проживает ребенок, в осуществлении родительских прав. Примечательно, что одна из историй стала основанием для подачи жалобы в Конституционный Суд

Российской Федерации (далее – КС РФ) [5], а предметом рассмотрения явилась ч. 1 ст. 137 Уголовного кодекса Российской Федерации (далее – УК РФ) в той мере, в которой на ее основании решается вопрос о привлечении одного из родителей ребенка к ответственности. Так, гражданин Вильке установил на смартфон своего сына мобильное приложение «родительский контроль», что позволяло отцу не только контролировать место нахождения своего сына, но и слышать все, что происходит в непосредственной близости с ребенком. Кроме того, хранение соответствующих аудиозаписей на телефоне самого гражданина Вильке фактически позволило ему собирать сведения о частной жизни других лиц (матери ребенка и ее родственников), составляющие их личную или семейную тайну, при отсутствии осведомленности данных лиц. Гражданин Вильке был признан виновным в совершении соответствующего преступления и осужден. Не вдаваясь в уголовно-правовую характеристику деяния данного лица, обратимся к семейно-правовым аспектам соответствующей истории.

Итак, в период рассмотрения судом дела о расторжении брака место жительства несовершеннолетнего сына было определено с матерью, в этот же период отец и установил соответствующее программное средство родительского контроля на смартфон ребенка. Как следует из материалов дела, полученные аудиозаписи и их стенограммы гражданин Вильке представил в ходе бракоразводного процесса, кроме того, он сделал соответствующее заявление в правоохранительные органы, обосновывая свое требование о привлечении матери своего сына к административной ответственности за ненадлежащее исполнение родительских обязанностей.

Очевидно, есть все основания признать, что гражданин Вильке руководствовался интересами ребенка, искренне заботясь о безопасности несовершеннолетнего, о соблюдении прав и интересов ребенка в период проживания с матерью.

В контексте наших рассуждений о содержании родительского правоотношения при раздельном проживании ребенка с одним из родителей полагаем значимым отметить следующие акценты, сделанные КС РФ в названном постановлении.

Во-первых, насколько принятое одним из родителей решение отвечает праву ребенка на неприкосновенность его частной жизни. Да, на момент рассмотрения настоящего спора ребенок достиг еще только семилетнего возраста, но вполне обоснованно указание на перспективу возможных конфликтов «по мере осознания ребенком автономности своей личности».

Во-вторых, поскольку законодатель исходит не только из принципа равенства прав и обязанностей родителей, но и необходимости разрешения родителями всех вопросов, связанных с воспитанием и образованием детей, по их взаимному согласию исходя из интересов

детей и с учетом мнения детей (п. 2 ст. 65 СК РФ), то при раздельном проживании родителей возможно возникновение споров между ними по поводу использования программных средств родительского контроля. Так, КС РФ подчеркивает, что в равной степени свои возражения может заявить не только родитель, с которым проживает ребенок, но и тот из родителей, который проживает отдельно, поскольку программное средство может использоваться в период его встреч с ребенком, будучи установленным по инициативе другого родителя.

В-третьих, применение программного средства родительского контроля, а именно функции прослушивания, определенным образом сопровождается негласным (скрытым) вмешательством в частную жизнь не только ребенка, но и как каждого из родителей, так и иных лиц, являющихся членами их семей, а также лиц, взаимодействующих с ребенком или соответствующим родителем, в том числе просто находящихся с ними в одном пространстве. «В связи с этим использование программного средства родительского контроля хотя и направлено на защиту интересов ребенка, – указывает КС РФ, – но объективно (в силу технических особенностей его функционирования) создает и определенную угрозу охраняемым Конституцией Российской Федерации правам и законным интересам других лиц» [5].

В-четвертых, несмотря на существующую угрозу нарушения права на личную и семейную тайну, неприкосновенность частной жизни третьих лиц приоритетом выступает все-таки забота родителя о ребенке, который проживает отдельно от него. При условии, что родитель, установивший соответствующее программное средство и получивший информацию о частной жизни третьих лиц, не предпринимает попыток получения информации именно такого содержания, а также умышленного ее распространения либо использования для причинения вреда данным лицам, сам факт использования программного средства не может свидетельствовать о наличии состава преступления, предусмотренного ч. 1 ст. 137 УК РФ.

Представляется, что история гражданина Вильке демонстрирует нам такое понимание специфики родительских прав родителя, проживающего отдельно от ребенка, которое существенно отличается от сложившегося стереотипа. Согласимся, как правило, в судебном порядке или в соглашении родителей устанавливается порядок (место, продолжительность, периодичность и другие условия) встреч ребенка и родителя, проживающего отдельно от него, размер и порядок выплаты алиментов, возможно, что и дополнительных расходов. Таким образом, объем родительских прав отдельно проживающего родителя сужается до права на общение и обязанности содержать ребенка.

Следует признать, что законодатель исходит из принципа равенства прав родителей при раздельном проживании одного из них и ребенка, но в то же время как название соответствующей ст. 65 СК РФ

«Осуществление родительских прав родителем, проживающим отдельно от ребенка», так и ее содержание позволяют сделать все-таки вывод иного характера. В указанной статье упомянуты лишь некоторые из родительских прав, а именно: «права на общение с ребенком, участие в его воспитании и решении вопросов получения ребенком образования» (п. 1 ст. 66 СК РФ); «право на получение информации о своем ребенке из образовательных организаций, медицинских организаций, организаций социального обслуживания и аналогичных организаций» (п. 4 ст. 66 СК РФ); право заключить с другим родителем соглашение о порядке осуществления своих родительских прав (п. 2 ст. 66 СК РФ); право обратиться в суд с требованием о передаче ему ребенка исходя из интересов ребенка и с учетом мнения ребенка, если родитель, с которым проживает ребенок на основании решения суда, злостно не выполняет данное решение (п. 3 ст. 66 СК РФ).

Означает ли это, что иные родительские права, предусмотренные ст. 63–64 и другими СК РФ, родитель утрачивает, поскольку проживает отдельно от ребенка? Очевидно, что нет. Но раздельное проживание родителей ребенка (в рамках настоящей статьи исследуются семейные правоотношения после расторжения брака родителей ребенка, что в большей степени и определяет соответствующий формат проживания ребенка) объективно исключает как взаимное согласие родителей по всем вопросам, связанным с воспитанием и содержанием ребенка, так и полноценное участие родителя, проживающего отдельно от ребенка, в жизни последнего, а также осуществление всех родительских прав в полном объеме.

Родитель, который проживает отдельно от ребенка, испытывает в большей степени волнение за ребенка, его физическое и психическое состояние, поскольку сам факт установления раздельного проживания может оказать на несовершеннолетнего сильное негативное воздействие, вызвать душевные переживания, стресс, депрессию и т. п. В связи с этим «естественное родительское стремление убедиться в том, что ребенку в конкретный момент не угрожает опасность», по мнению КС РФ, может обусловить даже систематическое использование родителем доступного и не запрещенного законом программного средства родительского контроля.

Со стопроцентной уверенностью можно предположить, что названный акт КС РФ будет цитироваться впредь в соответствующих исковых заявлениях и решениях судебных инстанций, поскольку до этого момента не только использование программного средства родительского контроля, но и какой-либо иной формат осуществления заботы о ребенке не были предметом исследования при рассмотрении судом споров между родителями, один из которых проживает отдельно от ребенка.

Более того, именно на родителя, с которым определено место жительства ребенка, закон возлагает обязанность не препятствовать общению ребенка с другим родителем, если такое общение не причиняет вред физическому и психическому здоровью ребенка, его нравственному развитию (п. 1 ст. 66 СК РФ). Представляется, что это завуалированное преимущество одного из родителей в осуществлении родительских прав, поскольку законодатель даже не презюмирует того, что родитель, с которым проживает ребенок, может причинять соответствующий вред. Да, безусловно, суд может принять решение о передаче ребенка от одного из родителей другому, но для этого нужно или установить факт злостного невыполнения решения суда (п. 3 ст. 66 СК РФ) [9], или же заявить об основаниях ограничения либо лишения родительских прав родителя, с которым проживает ребенок.

«Родитель может предполагать риски для безопасности ребенка не только в конкретных и быстро проходящих событиях, для реагирования на которые в основном и предназначены программные средства родительского контроля, но в целом в той обстановке, в которой ребенок, в силу возраста не способный самостоятельно защитить свои интересы, проживает и воспитывается (точно так же, как и родитель, с которым этот ребенок постоянно проживает, может испытывать аналогичные опасения при общении ребенка с другим родителем). Неблагоприятное воздействие на ребенка – особенно если оно осуществляется в домашних условиях – отличается высокой степенью латентности, с одной стороны, и высокой степенью опасности отдаленных последствий, обусловленных влиянием как на физическую неприкосновенность ребенка, так и на его формирующуюся психику, в том числе если имеет место длительное (систематическое) невыполнение одним из родителей обязанностей по воспитанию ребенка или использование недопустимых методов такого воспитания, с другой стороны» [9].

Учитывая именно фактическую разлученность ребенка и одного из родителей мы признаем обоснованной целесообразность установить в СК РФ дополнительные гарантии осуществления родительских прав тем из родителей, который проживает отдельно от ребенка. В связи с этим полагаем необходимым дополнить статью п. 1 ст. 61 СК РФ, изложив его в следующей редакции: «Родители имеют равные права и несут равные обязанности в отношении своих детей (родительские права), в том числе и при раздельном проживании ребенка с одним из родителей».

Конечно же, соответствующая позиция КС РФ может быть воспринята большей частью родителей как сигнал к активному использованию различных программных средств родительского контроля, дабы обеспечить доказательства заявляемых впоследствии требований, связанных с осуществлением родительских прав при раздельном проживании одного из родителей с ребенком. Для науки

семейного права, как уже было отмечено, озвученная позиция КС РФ и ее аргументация позволяют расширить сложившиеся в теории представления о содержании родительского правоотношения при существовании такой модели семьи.

Кроме того, полагаем необходимым обратить внимание и на отдаленные правовые последствия как надлежащего, так и ненадлежащего осуществления родительских прав родителем, проживающим отдельно от ребенка. Как уже было отмечено, взаимодействие ребенка и родителя, с которым он проживает раздельно, обычно (напомним, что мы рассматриваем ситуации, сопровождающиеся решением суда или заключенным соглашением родителей о порядке общения) складывается в режиме встреч в соответствии с утвержденным графиком, выплаты алиментов, что вполне может сопровождаться и вступлением каждого из родителей в брак, то есть созданием новой семьи. В связи с этим ребенок фактически становится членом двух разных семей, что, как правило, исключает тесную эмоциональную связь между ребенком и каждым из родителей, между родителями в части решения вопросов, связанных с воспитанием и содержанием общего несовершеннолетнего ребенка, и т. д. Более того, у ребенка могут сложиться весьма тесные эмоциональные отношения с новым супругом родителя (отчимом или мачехой), что в принципе снизит потребность в общении с родителем, проживающим отдельно.

Справедливости ради отметим, что многие родители, проживающие отдельно от ребенка, выполняют «необходимый минимум» родительских прав, что как правило заключается в выплате алиментов. Можно ли при таких обстоятельствах впоследствии утверждать о неисполнении таким родителем своих прав и обязанностей надлежащим образом? Иначе говоря, фактическое устранение от личного участия в воспитании ребенка, безразличное отношение к процессу взросления несовершеннолетнего, пусть даже и сопряженное с редкими встречами и отсутствием конфликтов, может ли это в будущем свидетельствовать о ненадлежащем осуществлении родительских прав или даже об уклонении от исполнения родительских обязанностей? Данные вопросы представляются нам тоже значимыми с целью теоретического обоснования специфики содержания родительского правоотношения при раздельном проживании ребенка и одного из родителей.

Приведем еще один пример современной судебной практики. Так, О.Н. Назаренко в июне 2022 г. обратилась в суд с иском к А.Ю. Назаренко о лишении права на меры социальной поддержки как родителя при гибели военнослужащего [10]. Обосновала свое требование она следующим: в браке с ответчиком она состояла до декабря 2002 г., в браке родился сын А. Назаренко. К сожалению, сын погиб 21.05.2022 г. при исполнении обязанностей военной службы при

выполнении боевых задач в ходе специальной военной операции. О.Н. Назаренко полагает, что ее бывший муж должен быть лишен права на получение выплат, связанных с гибелью сына, поскольку при жизни последнего А.Ю. Назаренко уклонялся от исполнения обязанностей родителя, «с ребенком практически не общался, не занимался его воспитанием, материально не содержал, судьбой сына не интересовался, не предпринимал каких-либо мер для создания сыну условий жизни, необходимых для его физического, духовного и нравственного развития».

Было установлено, что в 2008 г. О.Н. Назаренко предъявила в суд заявление о взыскании с А.Ю. Назаренко алиментов на содержание сына. На основании выданного судебного приказа ответчик выплачивал истцу алименты в размере 600 рублей в месяц, в дальнейшем – 1 200 рублей в месяц, не оказывая сыну иной помощи.

Ссылаясь на изложенные выше основания, О.Н. Назаренко просила суд лишить ответчика права на получение соответствующей страховой суммы, единовременного пособия, предусмотренного Федеральным законом от 07.11.2011 г. № 306-ФЗ [3], а также единовременной выплаты, установленной Указом Президента Российской Федерации от 05.03.2022 г. № 98 [4]. Усть-Джегутинский районный суд Карачаево-Черкесской Республики исковое заявление матери погибшего удовлетворил, апелляционным определением судебной коллегии по гражданским делам Верховного Суда Карачаево-Черкесской Республики это решение было отменено, а новым решением в удовлетворении иска было отказано.

Судебная коллегия по гражданским делам Верховного суда РФ пришла к выводу, что судебными инстанциями были допущены существенные нарушения норм материального и процессуального права. Безусловно, исходя из цели настоящего исследования, нас интересуют нормы материального права, толкование и применение которых оказалось различным по содержанию в судебных инстанциях по делу О.Н. Назаренко.

Итак, что же послужило основанием для удовлетворения иска судом первой инстанции? Суд сослался на положения СК РФ о равенстве прав и обязанностей родителей, об осуществлении родительских прав родителем, проживающим отдельно от ребенка, на разъяснения Пленума Верховного Суда РФ о применении законодательства при лишении родительских прав [8] и пришел к следующим выводам:

– лишение родителя права на получение соответствующих выплат в связи с гибелью сына, являвшегося военнослужащим, возможно при наличии обстоятельств, которые могли бы быть основанием для лишения этого родителя родительских прав, в том числе в случае злостного уклонения отца от выполнения своих обязанностей по содержанию и воспитанию ребенка;

– уклонение родителя от исполнения своих обязанностей может выражаться в отсутствии заботы о здоровье ребенка, о физическом, психическом, духовном и нравственном развитии, об обучении.

Возражая против иска, ответчик заявил, что у него отсутствовала задолженность по выплате алиментов на содержание сына, он не был лишен родительских прав. Однако эти доводы были отклонены судом с указанием на то, что «выплата алиментов в незначительной сумме и факт того, что ответчик является биологическим отцом погибшего сына, не лишенным родительских прав, не свидетельствует о его участии в воспитании сына». Суд установил, что семейные связи между ответчиком и его сыном были утеряны, а вышеизложенные выводы послужили основанием для удовлетворения иска Назаренко О.Н.

Суд апелляционной инстанции, наоборот, подчеркнул, что лишение права на получение соответствующих выплат возможно лишь в том случае, если бы ответчик, отец погибшего военнослужащего, был бы лишен родительских прав.

Кроме того, на этом уровне было подчеркнуто, что А.Ю. Назаренко выплачивал алименты до совершеннолетия сына, к административной или уголовной ответственности за неисполнение родительских обязанностей не привлекался.

Особого внимания, по нашему мнению, заслуживает следующее: при рассмотрении дела судом первой инстанции не были опровергнуты доводы ответчика о том, что его взаимоотношения с истицей отразились и на взаимоотношениях с сыном, в связи с чем он интересовался жизнью сына через родственников, общался с сыном в социальной сети (соответствующие доказательства есть в материалах дела).

Данный пример наглядно демонстрирует обозначенную нами проблему: какие критерии позволяют оценивать осуществление родительских прав родителем, проживающим отдельно от ребенка, как надлежащее или наоборот? Отец выплачивал алименты, с сыном, очевидно, не имел возможности общаться лично, поскольку сложились сложные отношения с бывшей супругой и т.д. Кроме того, по прошествии стольких лет, учитывая печальные обстоятельства, исключена возможность получения информации непосредственно от ребенка.

Судебная коллегия Верховного Суда РФ, ссылаясь на постановления КС РФ от 17.07.2014 г. № 22-П, от 19.07.2016 г. № 16-П, отмечает также, что предусмотренные законом выплаты имеют целью «не только восполнить связанные с этим материальные потери, но и выразить от имени государства признательность гражданам, вырастившим и воспитавшим достойных членов общества – защитников Отечества» [6, 7].

Именно поэтому, считает Судебная коллегия, «круг лиц, имеющих право на получение мер социальной поддержки в случае гибели

(смерти) военнослужащего при исполнении обязанностей военной службы, среди которых родители такого военнослужащего, не исключает различий в их фактическом положении и учета при определении наличия у родителей погибшего военнослужащего права на меры социальной поддержки ... и имеющихся между ними фактических родственных и семейных связей» [6, 7].

Можно лишь предположить, какое в итоге будет принято решение по заявлению О.Н. Назаренко. Безусловно, Верховный Суд Карачаево-Черкесской Республики учтет все замечания, отмеченные в определении Судебной коллегии по гражданским делам Верховного Суда РФ.

Кстати, по аналогичному делу Судебная коллегия по гражданским делам Верховного Суда РФ уже выражала свою позицию. Так, И. обратилась в суд с иском о лишении Т. права на получение пособия в связи с гибелью их общего сына, являвшегося военнослужащим. Факт уклонения отца от исполнения родительских обязанностей был дважды подтвержден приговором мирового судьи о признании гражданина Т. виновным в совершении преступления, предусмотренного ч. 1 ст. 157 УК РФ (в 2008 и 2013 гг.). Кроме того, в судебном заседании мать заявила, что отец не поддерживал никаких родственных связей с сыном, не интересовался жизнью сына и не занимался его воспитанием до совершеннолетия, алименты не выплачивал, иной материальной поддержки не оказывал. Основываясь на том, что отец погибшего военнослужащего не был лишен родительских прав, суд первой инстанции отказал И. в удовлетворении иска, что поддержал и суд апелляционной инстанции. Однако Судебная коллегия Верховного Суда РФ посчитала такой подход к разрешению спора неправильным, поскольку нормы материального права были неверно истолкованы и применены судебными инстанциями: « ... имеющими значение для правильного разрешения спора по иску И. о лишении Т. права на получение единовременного пособия и страховой суммы в связи с гибелью при исполнении обязанностей военной службы сына А. являлись следующие обстоятельства: принимал ли Т. какое-либо участие в воспитании сына А., оказывал ли ему моральную, физическую, духовную поддержку, содержал ли несовершеннолетнего сына материально, включая уплату алиментов на его содержание, предпринимал ли Т. какие-либо меры для создания сыну А. условий жизни, необходимых для его развития, имелись ли между Т. и сыном А. фактические семейные связи» [11]. При этом судебная коллегия подчеркнула, что лишение права на получение мер социальной поддержки в виде единовременного пособия и страховой суммы в связи с гибелью военнослужащего возможно при наличии обстоятельств, которые могли бы служить основаниями к лишению родителей родительских прав, в том числе в случае злостного уклонения родителя от выполнения своих обязанностей по воспитанию и содержанию ребенка [11].

Заметим, в данном случае есть два приговора, подтверждающих злостное уклонение отца от выплаты алиментов на содержание несовершеннолетнего ребенка, что является безусловным доказательством злостного уклонения родителя от выполнения своей обязанности по содержанию ребенка. Согласимся, этого вполне достаточно было бы для лишения Т. родительских прав, в связи с чем вполне справедливым является и лишение данного отца права на получение выплат, связанных с гибелью сына при исполнении обязанностей военной службы.

Приведенные нами суждения по поводу существующей практики рассмотрения судами споров между родителями, проживающими (проживавшими) отдельно от ребенка, придают совершенно иное звучание вопросу о содержании родительского правоотношения при раздельном проживании ребенка с одним из родителей. Квалификация осуществления родительских прав таким родителем как ненадлежащего может стать основанием для лишения его впоследствии, даже после достижения ребенком возраста совершеннолетия, отдельных прав, основанных на факте родства с ребенком. При этом формальное подтверждение исполнения этим родителем обязанности по выплате алиментов на несовершеннолетнего может иметь совершенно иную степень значимости при рассмотрении спора судом, нежели отсутствие тесной эмоциональной связи с ребенком, постоянной заботы о его развитии, участия в воспитании ребенка.

Список литературы

1. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993 г. с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020 г.) // СПС «КонсультантПлюс».

2. Семейный кодекс Российской Федерации от 29.12.1995 г. № 223-ФЗ (ред. от 31.07.2023 г.) (с изм. и доп., вступ. в силу с 26.10.2023 г.) // СПС «КонсультантПлюс».

3. Федеральный закон от 07.11.2011 г. № 306-ФЗ «О денежном довольствии военнослужащих и предоставлении им отдельных выплат» // СПС «КонсультантПлюс».

4. Указ Президента РФ от 05.03.2022 г. № 98 «О дополнительных социальных гарантиях военнослужащим, лицам, проходящим службу в войсках национальной гвардии Российской Федерации, и членам их семей» // СПС «КонсультантПлюс».

5. Постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 18.01.2024 г. № 2-П «По делу о проверке конституционности части первой статьи 137 Уголовного кодекса Российской Федерации в связи с жалобой гражданина П.О. Вильке» // СПС «КонсультантПлюс».

6. Постановление Конституционного Суда РФ от 19.07.2016 г. № 16-П «По делу о проверке конституционности частей первой и третьей статьи 7 Закона Российской Федерации "О пенсионном обеспечении лиц, проходивших военную службу, службу в органах внутренних дел, Государственной

противопожарной службе, органах по контролю за оборотом наркотических средств и психотропных веществ, учреждениях и органах уголовно-исполнительной системы, Федеральной службе войск национальной гвардии Российской Федерации, и их семей" в связи с жалобой гражданина В.Н. Карпекина» // СПС «КонсультантПлюс».

7. Постановление Конституционного Суда РФ от 17.07.2014 г. № 22-П «По делу о проверке конституционности части 11 статьи 3 Федерального закона "О денежном довольствии военнослужащих и предоставлении им отдельных выплат" в связи с жалобой гражданки Г.Н. Куликовой» // СПС «КонсультантПлюс».

8. Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 14.11.2017 г. № 44 «О практике применения судами законодательства при разрешении споров, связанных с защитой прав и законных интересов ребенка при непосредственной угрозе его жизни или здоровью, а также при ограничении или лишении родительских прав» // СПС «КонсультантПлюс».

9. Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 27.05.1998 г. № 10 «О применении судами законодательства при разрешении споров, связанных с воспитанием детей» // СПС «КонсультантПлюс».

10. Определение Судебной коллегии по гражданским делам Верховного Суда Российской Федерации от 22.01.2024 г. № 30-КГ23-9-К5 // СПС «КонсультантПлюс».

11. Обзор судебной практики Верховного Суда Российской Федерации № 4 (2020), утв. Президиумом Верховного Суда Российской Федерации 23.12.2020 г. // СПС «КонсультантПлюс».

12. Зубарева О.Г., Маевская М.В. Реализация принципа равенства родительских прав и обязанностей в условиях раздельного проживания родителей в Российской Федерации // Семейное и жилищное право. 2021. № 4. С. 3–7.

13. Зыков С.В. Осуществление права отцовства в современной России: правоприменительные и законодательные препятствия // Право. Журнал Высшей школы экономики. 2020. № 3. С. 44–71.

14. Ильина О.Ю., Русаковская О.А., Туманова Л.В. Некоторые психолого-юридические вопросы обязательного учета мнения ребенка, достигшего возраста десяти лет, при рассмотрении судами споров о его воспитании // Психология и право. 2022. № 3. С. 27–38.

15. Тригубович Н.В., Хазова О.А., Чашкова С.Ю., Чефранова Е.А. О Концепции совершенствования законодательства, регулирующего отношения детей и родителей // Закон. 2022. № 1. С. 28–38.

Об авторе:

ГРИНЕВА Анна Владимировна — кандидат юридических наук, доцент кафедры гражданского права ФГБОУ ВО «Юго-Западный государственный университет» (305040, Курская область, г. Курск, ул. 50 лет Октября, 94), SPIN-код: 2936-2603, annagrין@rambler.ru

ON THE SPECIFICS OF THE CONTENT OF THE PARENTAL LEGAL RELATIONSHIP WHEN A CHILD RESIDES SEPARATELY FROM ONE OF THE PARENTS

A.V. Grineva

Southwest State University, Kursk

The author examines the parental legal relationship when a child resides separately from one of the parents, focusing on the content of the parental rights and responsibilities of each parent. The author especially emphasises the legal consequences of improper exercise of parental rights and responsibilities by each parent. The scientific novelty of the study is confirmed by a fundamentally new approach to the study: in contrast to the position of most scientists, the author for the first time identifies and substantiates the specifics of the content of the parental legal relationship under such social circumstances in the context of the legal consequences of the living separately from one of the parents. In addition, basing on modern law enforcement practice the author concludes that the separation of one of the parents from the child and the incomplete exercise of parental rights may become the basis for depriving this parent of certain rights based on the fact of kinship with the child.

Keywords: *parental legal relationship, parent who resides separately, exercise of parental rights, deprivation of individual parental rights.*

About author:

GRINEVA Anna – PhD in Law, Associate Professor of the Department of Civil Law of the Southwest State University (305040, Kursk region, Kursk, st. 50 years of October, 94), SPIN-code: 2936-2603, annagrin@rambler.ru

Гринева А.В. О специфике содержания родительского правоотношения при раздельном проживании ребенка с одним из родителей // Вестник ТвГУ. Серия: право. 2024. № 1 (77). С. 7–19.

Статья поступила в редакцию 10.02.2024 г.

Подписана в печать 14.03.2024 г.

О ПРЕЕМСТВЕННОСТИ ВЗГЛЯДОВ С.А. БЕЛЯЦКИНА НА ИНСТИТУТ КОМПЕНСАЦИИ МОРАЛЬНОГО ВРЕДА В ГРАЖДАНСКОМ ПРАВЕ

Е.В. Козырева

ФГБОУ ВО «Тверской государственной университет», г. Тверь

Статья посвящена вопросам преемственности взглядов известного русского цивилиста С.А. Беляцкого на институт компенсации морального вреда в гражданском праве, которые воплотились в Гражданский кодекс РФ, часть первую, вторую и четвертую. Исследование труда С.А. Беляцкого «Возмещение морального (неимущественного) вреда, изданного в 1913 г., показывает насколько сейчас продвинулся институт компенсации морального вреда в своем развитии и сколько еще требуется преодолеть преград с учетом потребностей практики, чтобы взгляды ученого претворились в букву закона. Цель статьи – показать преемственность взглядов ученого на институт компенсации морального вреда, которые отразились в гражданском законодательстве. Сделан вывод, что требуется дальнейшее совершенствование института компенсации морального вреда с учетом потребностей практики и, в частности, разработка критериев компенсации морального вреда применительно к оказанию медицинских услуг, когда причиняется вред жизни, здоровью граждан, что обусловлено развитием искусственного интеллекта и применением его в медицине. Методами исследования являются: формальная логика, сравнительный анализ правовых категорий, синтез, обобщение, комплексность и системный подход. Проведенное исследование научного произведения С.А. Беляцкого «Возмещение морального (неимущественного) вреда» показало преемственность его взглядов на институт компенсации морального вреда в гражданском праве, что нашло отражение в гражданском законодательстве.

Ключевые слова: *компенсация морального вреда, преемственность взглядов, личные неимущественные права, нематериальные блага, имущественные права, критерии компенсации морального вреда, поколения юристов.*

Вопросы компенсации морального вреда издавна привлекали внимание ученых. Современное развитие нашего общества в экономическом ключе не снимает остроты данных вопросов и требует дальнейшего изучения института компенсации морального вреда, в частности, с учетом потребностей практики [7, 22–26].

Можно с уверенностью сказать о том, что институт компенсации морального вреда занял достойную нишу как способ защиты гражданских прав. И принятие двух постановлений: Постановления

Конституционного Суда РФ «По делу о проверке конституционности статьи 151 ГК РФ в связи с жалобой гражданина С.Ф. Шиловского» от 26.10.2021 г. № 45-П [3] и Постановления Пленума Верховного Суда РФ «О практике применения судами норм о компенсации морального вреда» от 15.11.2022 г. № 33 [4] – объясняет его значимость и позволяет говорить о расширении границ применения компенсации морального вреда с учетом практики и, главным образом, подхода к ней, выработанного Конституционным Судом РФ.

С учетом изложенного, целесообразно обратиться к творчеству одного из цивилистов – С.А. Беляцкина, который обосновал необходимость введения данного института гражданского права в Гражданское уложение России, и в 1913 г. им было издано научное произведение «Возмещение морального (неимущественного) вреда». А до издания своего труда в 1910 г. С.А. Беляцкин выступил в юридическом обществе, в котором состоял в Санкт-Петербурге, с докладом на тему: «О возмещении морального (неимущественного) вреда». С 1922 по 1940 гг. он работал на юридическом факультете Каунасского университета и с 1923 г. занимал должность профессора [6, с. 3].

Семен Абрамович Беляцкин родился 1 октября 1874 г. в городе Могилеве, а погиб в 1944 г. в концентрационном лагере Освенциме. Будучи ученым – профессором, он также осуществлял свою практическую деятельность как адвокат. Им было издано целый ряд произведений, которые по праву можно назвать значимыми для науки, и, в особенности, для развития цивилистической мысли поколения юристов: «Новое авторское право в его основных принципах» (СПб., 1912); «Возмещение морального (неимущественного) вреда» (СПб., 1913); «Частное право в основных принципах (Курс гражданского права), (Каунас, 1928); «Защита по уголовным делам (Каунас, 1931) и др. [6, с. 3].

Но на сегодняшних страницах печати обратимся только к одному из научных произведений С.А. Беляцкина – «Возмещение морального (неимущественного) вреда», в котором он:

- обосновал необходимость введения в гражданское уложение института компенсации морального вреда и показал его поступательное развитие в России, так и в зарубежном законодательстве, основываясь на конкретных примерах из судебной практики;

- рассмотрел позитивное, негативное отношение к данному институту и обратился к критике «противников» его введения в гражданское законодательство;

- сформулировал понятие морального вреда, которое было позаимствовано законодателем в ст. 151 Гражданского кодекса РФ (далее – ГК РФ), а также определил его форму;

– назвал моральный вред – неимущественным вредом, что нашло отражение в Постановлении Пленума Верховного Суда РФ «О некоторых вопросах применения законодательства о компенсации морального вреда» от 20 декабря 1994 г. № 10, ныне утратившим силу [11], и в Постановлении Пленума Верховного Суда РФ «О практике применения судами норм о компенсации морального вреда» от 15.11.2022 г. № 33 [4];

– уделил внимание критериям компенсации морального вреда, которые были восприняты законодателем и нашли отражение в ст. 151 ГК РФ, ст. 1099–1101 ГК РФ и в последующем в названном постановлении Пленума Верховного Суда РФ № 33 от 15.11.2022 г. [1, 2, 4];

– исследовал судебное усмотрение применительно к данной категории дел, показав его значимость и необходимость применения судом.

Все это, как никогда, объясняет преемственность взглядов уважаемого ученого на институт компенсации морального вреда в гражданском праве и предопределяет необходимость в более глубоком изучении его труда, что мы и сделаем, поскольку это является весьма ценным для последующих поколений юристов.

Начнем с того, что в русском дореволюционном праве к институту компенсации морального вреда было неоднозначное отношение. При чем такое отношение было характерно не только для российских ученых, но и зарубежных. Отметим, что это было связано с традицией римского права о том, что причиненный вред имеет только имущественную оценку [9, с. 222].

«Принципом новых гражданских прав, – указывал Л.И. Петражицкий, – в отличие от прав менее культурного типа, является ограничение гражданской ответственности правонарушителя обязанностью возместить причиненные имущественные убытки, так что теперь потерпевший никакой имущественной прибыли из чужого проступка не извлекает» [10, с. 12]. По сути, называя «имущественную прибыль из чужого проступка», Л.И. Петражицкий имел в виду и компенсацию морального вреда.

С.А. Беляцкий в своей работе проанализировал взгляды ученых не только российских, но и зарубежных на институт компенсации морального вреда и подчеркнул, что «проблема возмещения морального вреда касается большой важности ... Выяснение и правильное разрешение этой проблемы связаны с существеннейшими интересами нашего правосудия и права» [5, с. 15]. Наверное, четче, чем сказал ученый, просто невозможно выразиться.

«Под моральным вредом, подлежащим возмещению, разумеют страдания и лишения физические и нравственные, причиненные потерпевшему неправомерной деятельностью делинквента», в

результате «нападений на блага имущественные или блага личные» [5, с. 15]. Нетрудно догадаться, что законодатель позаимствовал данное определение морального вреда, как физические и нравственные, и сформулировал в ст. 151 ГК РФ следующее: «Если гражданину причинен моральный вред (физические или нравственные страдания) действиями, нарушающими его личные неимущественные права либо посягающими на принадлежащие гражданину другие нематериальные блага, а также в других случаях, предусмотренных законом, суд может возложить на нарушителя обязанность денежной компенсации указанного вреда» [1, 2].

Заслуживает внимание указание С.А. Беляцкина на «результат нападения, насколько он отразился на имущественной или моральной сфере пострадавшего» [5, с. 15]. Переводя данные слова в сегодняшнюю плоскость развития права, отметим, что речь идет, вероятно, о наступлении правовых последствий действия (бездействия). И, конечно, не следует забывать о положении ученого о применении института компенсации морального вреда не только при нарушении личных неимущественных прав, нематериальных благ, но и имущественных прав (ст. 1099 ГК РФ, Постановления Конституционного Суда РФ от 26.10.2021 г. № 45-П [3]. «Поставить нематериальный вред наряду с материальным и в то же время отклонить возмещение нематериального вреда потерпевшему значило бы расписаться в бессилии гражданского права и гражданского суда. А так как единственным способом возмещения морального вреда является вознаграждение потерпевшего по справедливому усмотрению суда, то к этому способу может и должен прибегнуть суд» [5, с. 52].

Право на компенсацию морального вреда возникает при наличии следующих условий:

- претерпевание физических и или нравственных страданий;
- неправомерное действие (бездействие) причинителя вреда;
- причинная связь между неправомерным действием и моральным вредом;
- вина причинителя [8, с. 13].

Компенсация морального вреда является способом защиты гражданских прав и ей посвящены ст. 151 части первой ГК РФ и ст. 1099–1101 части второй ГК РФ. Если в ст. 151 части первой ГК РФ сформулировано понятие морального вреда, то в части второй ГК РФ в гл. 59 «Обязательства вследствие причинения вреда» предусмотрены положения о компенсации морального вреда применительно к деликтным обязательствам. Отметим, что в данной главе раскрыты 5 специальных деликтов:

- ответственность за вред, причиненный деятельностью, создающей повышенную опасность для окружающих;
- ответственность за вред, причинный публичной властью;

– ответственность за вред, причиненный несовершеннолетними, недееспособными, лицами, признанными ограниченными в дееспособности;

– ответственность за вред, причиненный жизни и здоровью граждан;

– ответственность за вред, причиненный вследствие недостатков товаров, работ и услуг.

При этом моральный как неимущественный вред, как таковой возможен по каждому специальному деликту.

Следует отметить, что компенсация морального вреда как способ защиты гражданских прав предусмотрен и в ст. 1251 части четвертой ГК РФ «Защита личных неимущественных прав на результаты интеллектуальной деятельности». Однако данный способ не применим при защите исключительных прав на результаты интеллектуальной деятельности и об этом следует помнить с учетом положений ст. 1226, 1229 ГК РФ, где говорится о том, что исключительное право является имущественным правом.

Особо выделим критерии компенсации морального вреда, которые называл С.А. Беляцкий:

- индивидуальные обстоятельства каждого дела;
- серьезность вреда;
- повторное причинение вреда;
- «ослабление чужой индивидуальности»;
- «искренность страданий»;
- «справедливое усмотрение» и др. [5, с. 17, 31, 33, 45, 48].

Нетрудно заметить, что вышеназванные критерии нашли отражение в ст. 151 ГК РФ, где законодатель говорит о индивидуальных особенностях, заслуживающих внимание обстоятельствах, а также в п. 24–28 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 15.11.2022 г. № 33 [4].

Конечно, рано ставить точку по исследованию вопросов компенсации морального вреда, хотя бы потому, что сама жизнь диктует нам принятие новых вызовов, которые пока еще недостаточно отработаны практикой. В частности, назрела необходимость в выработке критериев компенсации морального вреда при ненадлежащем оказании медицинских услуг, что отчасти получило разрешение в разъяснениях, принятых в постановлении Пленума Верховного Суда РФ от 15.11.2022 г. № 33 (п. 48–50) [4], и вызвано развитием искусственного интеллекта. Нуждается в дополнениях и Постановление Пленума Верховного Суда РФ по защите прав потребителя применительно к данным услугам. Но все это звенья одной цепи, которые наш институт сумел преодолеть. А сегодня, как никогда, на страницах печати, хотелось бы обратить внимание на важность классической цивилистической литературы, в частности, труда

С.А. Беляцкина, который сумел разрешить целый ряд вопросов, применительно к институту компенсации морального вреда, которые сегодня успешно решены законодателем, а мы являемся свидетелями того, насколько емко, грамотно и, как говорят, на «злобу дня» изложил автор свои мысли и насколько они претворены в букву закона в настоящее время. Именно разрешительная сила закона позволила применить институт компенсации морального вреда в полную силу, не только в случаях причинения имущественного вреда по Федеральному закону «О защите прав потребителя», но и в других случаях, о чем подчеркнул Пленум Конституционного Суда РФ в своем постановлении. Взгляды С.А. Беляцкого на институт компенсации морального вреда претворены по истине в жизнь, о чем мы можем сказать с уверенностью сегодня. И нашему молодому поколению юристов очень важно читать классическую литературу, воспитываться на ней, чтобы претворять положения закона в жизнь и помнить тех, кто своим личным примером показал преэминентность взглядов, проявил мужество. Творчество С.А. Беляцкина по истине является личным примером служения Отечеству.

Список литературы

1. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) от 30.11.1994 г. № 51-ФЗ (ред. от 24.07.2023 г.) // СПС «КонсультантПлюс».
2. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть вторая) от 26.01.1996 г. № 14-ФЗ (ред. от 24.07.2023 г.) // СПС «КонсультантПлюс».
3. Постановление Конституционного Суда РФ от 26.10.2021 г. № 45-П «По делу о проверке конституционности статьи 151 ГК РФ в связи с жалобой гражданина С.Ф. Шиловского» // СПС «КонсультантПлюс».
4. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 15.11.2022 г. № 33 «О практике применения судами норм о компенсации морального вреда» // СПС «КонсультантПлюс».
5. Беляцкий С.А. Возмещение морального (неимущественного) вреда. М.: Юридическое бюро «Городец», 1997. 64 с.
6. Борисова Е.А. Об авторе и его сочинении // В кн.: Беляцкина С.А. Возмещение морального (неимущественного) вреда. М., Городец, 1997. С. 3.
7. Козырева Е.В. О развитии института компенсации морального вреда с учетом потребностей практики // Вестник ТвГУ. Серия: Право. 2023. № 1 (73). С. 22–26.
8. Козырева Е.В. Процессуальные особенности рассмотрения судами гражданских дел о компенсации морального вреда: монография. Тверь: Тверской государственный университет, 2002. 138 с.
9. Новицкий И.Б. Римское право. М., 1996.
10. Петражицкий Л.И. Возмещение нематериального вреда // Право. 1900. № 16. С. 12.
11. Сборник постановлений Пленума Верховного Суда и Высшего Арбитражного Суда РФ по гражданским делам. М.: Проспект, 1999.

Об авторе:

КОЗЫРЕВА Елена Владимировна – кандидат юридических наук, доцент кафедры гражданского права ФГБОУ ВО «Тверского государственного университета» (170100, г. Тверь, ул. Желябова, 33), ORCID: 0000-0002-3103-6386, SPIN-код: 4580-8101, e-mail: Kozyreva.EV@tversu.ru

ON THE CONTINUITY OF S.A. BELYATSKIN'S VIEWS ON THE INSTITUTION OF COMPENSATION FOR MORAL HARM IN CIVIL LAW

E.V. Kozyreva

Tver State University, Tver

The article is devoted to the continuity of views of the famous Russian civilist S.A. Belyatskin on the institution of compensation for moral harm in civil law, which were embodied in the Civil Code of the Russian Federation, Parts One, Two and Four. The study of S.A. Belyatskin's work «Compensation for Moral (Non-Property) Harm» published in 1913 shows how much the institution of compensation for moral harm has advanced in its development now and how many more obstacles need to be overcome, taking into account the needs of practice, in order for the scientist's views to be embodied in the letter of the law. The purpose of the article is to demonstrate the continuity of the scientist's views on the institution of compensation for moral harm, which were reflected in civil legislation. Further improvement of the institution of compensation for moral harm is required, taking into account the needs of practice, and in particular, the development of criteria for compensation for moral harm in relation to the provision of medical services, when harm is caused to the life and health of citizens, which is due to the development of artificial intelligence and its application in medicine. The research methods are: formal logic, comparative analysis of legal categories, synthesis, generalization, complexity and a systematic approach. The conducted study of S.A. Belyatskin's scientific work «Compensation for Moral (Non-Property) Harm» showed the continuity of his views on the institution of compensation for moral harm in civil law, which was reflected in civil legislation.

Keywords: *compensation for moral harm, continuity of views, personal non-property rights, intangible benefits, property rights, criteria for compensation for moral harm, generations of lawyers.*

About author:

KOZYREVA Elena – PhD in Law, associate Professor of the Department of Civil Law of the Tver State University (33 Zhelyabova Str., Tver, 170100), ORCID: 0000-0002-3103-6386, SPIN-code: 4580-8101, e-mail: Kozyreva EV@tversu.ru

Козырева Е.В. О преемственности взглядов С.А. Беляцкина на институт компенсации морального вреда в гражданском праве // Вестник ТвГУ. Серия: право. 2024. № 1 (77). С. 20–26.

Статья поступила в редакцию 10.02.2024 г.

Подписана в печать 14.03.2024 г.

ПЕРСПЕКТИВЫ РАЗВИТИЯ ИСЛАМСКОЙ ИПОТЕКИ В РОССИИ

И.А. Лепехин¹, П.О. Павлова²

¹ ФГБОУ ВО «Тверской государственный технический университет», г. Тверь

² АО «Газпром газораспределение Тверь», г. Тверь

Статья посвящена исследованию актуальных вопросов, связанных с принятием в 2023 г. закона об экспериментальном правовом режиме осуществления в четырех пилотных регионах Российской Федерации деятельности по партнерскому финансированию – исламскому банкингу. При этом особое внимание уделяется новому для России институту исламской ипотеки, возникновение и развитие которого связано с принятием и вступлением в силу соответствующего законодательства. В статье дана общая характеристика системы исламского банкинга и предоставляемых продуктов в рамках реализации данного эксперимента. Раскрыта сущность исламской ипотеки, рассмотрены условия ее предоставления российскими банками. Проведен сравнительный анализ исламской ипотеки с лизингом недвижимости и классическим ипотечным кредитованием. Определены ключевые на сегодняшний день проблемы в области внедрения в России исламской ипотеки и обозначены возможные пути их решения.

Ключевые слова: ипотека, исламский банкинг, недвижимость, исламская ипотека, квартира, земельный участок, нормы шариата, банк, заемщик, сделка, ипотечный кредит, мурабаха, лизинг недвижимости.

В современной России на фоне сложившейся геополитической ситуации в мире четко определен вектор развития в направлении активного сотрудничества со странами Азии, Африки, Ближнего Востока. В связи с этим в числе стоящих задач по развитию сотрудничества со странами, исповедующими ислам, существует необходимость в преодолении различий в организации финансовых систем в России и ряде мусульманских стран. Это необходимо как для создания благоприятных условий по привлечению инвестиций из стран, исповедующих ислам, так и в целом для стимулирования торговли и финансовых отношений между Российской Федерацией и мусульманскими странами.

Отдельно нужно отметить и тот факт, что согласно последним официальным данным статистики, в России по состоянию на 2023 г. проживает около 25 миллионов мусульман, что составляет почти 17 % от общего населения страны [14].

При этом до 01.09.2023 г. в России фактически отсутствовала специальная законодательная база, регулирующая деятельность исламских финансовых организаций на территории страны. Вследствие

этого данный вид организаций имел банковскую лицензию с явным сужением спектра своих услуг [4] в силу противоречий существующего законодательства и норм шариата, исламской этики.

Для целей совершенствования и развития системы исламского банкинга в Российской Федерации был разработан и принят специальный закон [1] об экспериментальном правовом режиме осуществления деятельности по партнерскому финансированию – исламскому банкингу, который с 01.09.2023 г. вступил в силу. Соответствующим федеральным законом определены требования к деятельности организаций, участвующих в данном эксперименте, а также вопросы регулирования, контроля и надзора за их деятельностью [10]. Участие в реализации новой банковской системы является добровольным и не ограничивает инвесторов, планирующих использовать или уже использующих классические финансовые инструменты [9].

Исламский банкинг является определенной альтернативой существующей традиционной модели финансирования, построенной на ссудном проценте. В отличие от нее, исламская финансовая модель базируется на исламских конфессионально-этических принципах, которые не предполагают классические в нашем понимании ссудные проценты по займам и кредитам [11].

Эксперимент по исламскому банкингу продлится с 01.09.2023 г. по 01.09.2025 г. в четырех пилотных регионах Российской Федерации: на территориях Республики Башкортостан, Республики Дагестан, Республики Татарстан (Татарстан), Чеченской Республики [11]. Однако, вполне возможно, что число таких пилотных регионов в процессе проведения данного эксперимента будет расширяться. Например, Ак Барс Банк уже предоставляет в ограниченном тестовом формате исламскую ипотеку в Москве и Санкт-Петербурге [3].

Рассматриваемый закон не только создает правовую основу деятельности исламских финансовых организаций в России, но и должен позволить выяснить, какие дополнительные нормы для развития исламского банкинга в стране еще нужны [11].

Со слов главы Комитета Государственной Думы по финансовому рынку Анатолия Аксакова, реализация данного эксперимента должна позволить привлечь в Россию свыше 11 млрд \$ в совместные проекты с исламскими странами [9].

Кроме этого, принятие нового законодательства также должно положительно отразиться и внутри государства: граждане, являющиеся мусульманами, получают возможность стать более активными участниками/пользователями банковской системы страны в соответствии с нормами своей религии.

Исламский банкинг представляет собой организацию банковской системы строго по правилам и нормам шариата. Классическая банковская система в России в значительной мере противоречит данным правилам, в

частности, харамными действиями (греховными деяниями) в исламе являются:

- проведение сделки, приносящей процентный доход;
- приобретение облигаций и привилегированных акций;
- участие в рискованных сделках;
- работа со спекулятивными инструментами;
- вложения в криптовалюту;
- инвестирование средств в фонды, бизнесы, занимающиеся запретной для мусульман деятельностью (реализация алкогольной и табачной продукции, свиноводство и пр.) [10].

Кредитные организации, работающие по системе исламского банкинга или партнерского финансирования, предлагают новые банковские и инвестиционные решения для граждан России, проповедующих ислам, на основе шариатских стандартов ААОИФИ¹ с учетом религиозных особенностей, в частности, сюда можно отнести следующие банковские продукты [9]:

1. Мушарака – исламский инвестиционный депозит. Группа инвесторов вкладывает свои средства в банк, который, в свою очередь, вкладывает их в инвестиционный проект. В данной операции инвестор рассчитывает на долю от прибыли, а не на процент от сделки, что является харамом.

2. Мурабаха – исламская ипотека. Торговое соглашение, при котором банк приобретает товар для дальнейшей продажи клиенту. Клиент, в свою очередь, помимо оплаты товара также оплачивает вознаграждение за организацию и сопровождение сделки банком.

3. Мудараба – исламский депозит. Инструмент пассивного дохода, где клиент вкладывает свои средства, а банк инвестирует их, гарантируя халяльность инвестиций.

4. Кард аль-хасан – беспроцентная ссуда. Данная услуга позволяет занять средства у банка, однако вместо классической выплаты процентов заемщик оплачивает взнос за понесенные расходы банком.

5. Бей-би-силаа – рассрочка. Данный вид услуги дублирует классическую рассрочку – оплата товара частями.

6. Иджара – исламский лизинг. Аренда с правом выкупа – аналог лизинга недвижимости в классической банковской системе.

7. Сукук – инвестиции в исламские ценные бумаги, которые являются беспроцентными облигациями.

8. Истисна – договор на поставку актива в будущем. Заключение договора купли-продажи актива, передача которого будет произведена в будущем в соответствии с ранее утвержденными характеристиками.

¹ ААОИФИ – международная некоммерческая организация, основанная в 1991 г. в Бахрейне и разрабатывающая шариатские стандарты для мировой индустрии исламских финансов [13].

Анализируя существующее положение дел в классической банковской системе и предлагаемые условия в системе исламского банкинга, можно говорить о том, что основные различия двух систем в основном сосредоточены в деталях реализации соответствующих банковских продуктов. По своей сути данные финансовые инструменты дублируют друг друга или, как минимум, имеют определенные сходства. Однако стоит учитывать, что осуществление деятельности в системе исламского банкинга является, как правило, более затратным и многоступенчатым, соответственно, все издержки при оформлении таких финансовых продуктов будут ложиться на плечи заемщиков в виде повышения стоимости, например, приобретаемой недвижимости, более тщательной оценки платежеспособности [10] и т. п.

Одним из наиболее интересных и востребованных продуктов исламского банкинга, безусловно, является исламская ипотека (мурабаха). Она представляет собой реализацию недвижимости не под процент, как при классическом ипотечном кредитовании, а в форме рассрочки с наценкой от банка за понесенные издержки при помощи организации-посредника. Привлечение посредников необходимо для исключения харамных действий для заемщика.

Для клиента-заемщика стоимость приобретаемой с наценкой недвижимости остается фиксированной на весь срок действия договора, которым не предусматриваются дополнительные комиссии, пени или изменение стоимости [8].

Как отмечает М.М. Садриев, руководитель направления исламского банкинга Ак Барс Банка, уже работающего в России по программам исламской ипотеки: «Размер наценки на квартиру определяется индивидуально и зависит от срока договора, размера первоначального взноса и других параметров. Наценка сопоставима с переплатой по стандартной ипотеке на вторичную недвижимость» [8].

На сегодняшний день финансирование в соответствии с нормами шариата осуществляется в Ак Барс Банке по двум направлениям [7]:

1. Ипотека на приобретение квартиры в построенном многоквартирном доме (срок финансирования: 1–30 лет; минимальная сумма: 500 000 руб.; первоначальный взнос: от 10 %). Необходимо отметить, что процедура оформления исламской ипотеки преимущественно схожа с таким классическим финансовым инструментом, как лизинг недвижимости, который представляет собой фактически аренду недвижимости с ее последующим выкупом: недвижимое имущество приобретает лизингодатель, который передает это имущество в аренду лизингополучателю, заключив договор, содержащий условия о размере первоначального взноса, размере ежемесячной платы и прочих аспектах данной сделки [15].

2. Ипотека на дом и земельный участок (срок финансирования: 1–30 лет; минимальная сумма: 500 000 руб.; первоначальный взнос: от 20 %).

Стоит отметить, что в России в настоящее время в отношении земельных участков преимущественно оформляется ипотека на земельный участок с домом или на земельный участок с его дальнейшей индивидуальной жилой застройкой [5]. Эту тенденцию можно заметить и в исламском банкинге в России, в частности, осуществляемом Ак Барс Банком в рамках исламской ипотеки.

Внедрение системы исламского банкинга в России должно удовлетворить определенные потребности граждан-мусульман в соответствующих финансовых продуктах. По существу, исламский банкинг дублирует классические финансовые продукты, однако их реализация осуществляется с некоторыми изменениями, внесенными для достижения соответствия конфессионально-этическим принципам.

Касательно исламской ипотеки, основным вектором ее развития является внедрение новых видов ипотечного кредитования: исламская ипотека на новостройки, земельные участки, масштабирование существующих положений и дополнение действующего законодательства в части реализации продуктов исламской ипотеки и т. п.

В последние годы в России наблюдался активный рост жилищного строительства, в связи с чем объемы ввода жилого фонда также росли (в 2022 г. было достигнуто рекордное количество ввода квадратных метров жилья: 102 712,7 тысяч кв. м., рост 11 % по сравнению с предыдущим годом [6]). Отсюда следует, что для заемщиков внедрение исламской ипотеки на жилье, приобретаемое на этапе строительства, также будет актуальным и востребованным. Однако на пути развития этого финансового продукта стоит вопрос урегулирования юридических аспектов реализации новостроек посредством исламской ипотеки. Как вариант, возможно, банк будет выкупать соответствующий объект недвижимости у застройщика, а затем продавать его клиенту в рассрочку, указав размер своей прибыли, или станет реализовывать недвижимость через застройщика на специальных условиях [10].

Основой для разработки законодательных норм и правил регулирования исламской ипотеки в России может стать правовая база лизинга недвижимости, что поспособствует решению проблем сочетания такого финансового инструмента, как исламская ипотека с действующим российским законодательством, ведь данные финансовые продукты имеют схожий характер:

- приобретение имущества сторонней организацией / физическим лицом;
- наличие аспектов, схожих с процедурой оформления аренды недвижимости;
- возможность не использовать терминологию процентной ставки, недопустимой к использованию в исламском банкинге;
- первоначальный взнос может быть даже ниже, чем при оформлении классического ипотечного кредитования.

Однако касательно оформления лизинга недвижимости можно выделить и ряд недостатков [15], которых необходимо избежать при формировании базы правового регулирования исламской ипотеки в России:

- невозможность передавать в лизинг земельные участки (в соответствии с действующим законодательством о лизинге предметом лизинга не могут быть земельные участки и другие природные объекты [2]);
- риск банкротства лизингодателя, что повлечет за собой возможность обращения взысканий кредиторов на имущество лизингодателя;
- отсутствие четкого регулирования процедур оформления лизинга и передачи соответствующего имущества после выполнения всех обязательств лизингополучателем.

Приведенные недостатки системы правового регулирования лизинга недвижимости в современной России позволяют сделать вывод о том, что ей требуется дальнейшее совершенствование и изменения; в частности, нужны дополнения в части лизинга земельных участков и минимизации рисков лизингополучателей. Данные изменения, апробированные на практике, позволят учесть соответствующий опыт при принятии норм, направленных на дальнейшее развитие института правового регулирования исламской ипотеки.

Дополнительным вектором для развития исламской ипотеки в России может стать и популяризация ипотечного кредитования земельных участков. Для достижения данной цели необходимо решение ряда проблем как экономико-рыночного, так и правового характера.

На сегодня для банков классическое ипотечное кредитование под залог земельного участка сопровождается серьезными рисками в связи с недостаточной определенностью в ликвидности такого объекта недвижимости. В большинстве случаев для расчета ликвидности объекта прибегают к методу аналогий, который не подходит в данном случае. Каждый земельный участок имеет индивидуальные, ни на что не похожие характеристики, что не дает корректно дифференцировать объекты по схожим признакам для проведения расчетов. Откуда следует, что для банка ипотека земельного участка является рискованной предложением [12].

Отдельно стоит отметить, что в действующем законодательстве об ипотеке содержатся лишь общие и не получившие должного уточнения нормы и правила в части ипотечного кредитования земельных участков. Откуда следует возникновение различного рода коллизий, что также негативно влияет на развитие данного вида кредитования [5].

Вышеописанные проблемы имеют место как при классическом ипотечном кредитовании под залог земельных участков, так и применительно к исламской ипотеке земель. На основании этого следует вывод о необходимости внесения соответствующих изменений в

законодательство, регулирующее ипотечное кредитование земельных участков в Российской Федерации. В этом случае обновленный институт ипотечного кредитования станет надежным фундаментом для создания качественной правовой базы исламской ипотеки в России в части ипотечного кредитования земельных участков. Толчком для более активного развития данного вида ипотечного кредитования могли бы служить меры государственной поддержки, направленные на поддержание и популяризацию ипотечного кредитования земель (они были бы востребованными как в классической системе ипотечного кредитования, так и в системе исламского банкинга).

Подводя итог всему вышеприведенному, можно с уверенностью предположить, что исламская ипотека получит в ближайшие годы активное развитие в регионах России с преобладающим мусульманским населением. Вследствие этого в будущем возникнет необходимость внесения соответствующих изменений и в федеральное ипотечное законодательство, в том числе в части закрепления реализации кредитной организацией исламской ипотеки без посредников, внедрения понятия-аналога «налоговый вычет» в соответствии с нормами шариата, халяльных продуктов в части страхования жизни и здоровья заемщика и т. п. [10].

На сегодняшний день исламская ипотека в России реализуется на условиях исламского банкинга в рамках 2-летнего эксперимента на территории пилотных регионов. После получения результатов соответствующего эксперимента, вероятно, будут приняты решения о дополнении существующего законодательства об ипотечном кредитовании для нормирования данного спектра услуг.

Представляется, что основными направлениями совершенствования исламской ипотеки в России в ближайшие годы будут: внедрение на практике большего количества соответствующих ипотечных продуктов, более детальная законодательная проработка аспектов процедуры оформления и дальнейшего ведения исламской ипотеки, а также внедрение различных льготных предложений с мерами государственной поддержки этого нового для нашей страны вида ипотечного кредитования.

Список литературы

1. Федеральный закон от 04.08.2023 г. № 417-ФЗ «О проведении эксперимента по установлению специального регулирования в целях создания необходимых условий для осуществления деятельности по партнерскому финансированию в отдельных субъектах Российской Федерации и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» // СПС «Гарант».

2. Федеральный закон от 29.10.1998 г. № 164-ФЗ «О финансовой аренде (лизинге)» // СЗ РФ. 1998. № 44. Ст. 5394.

3. «Ак Барс» начал предоставлять исламскую ипотеку в Москве и Санкт-Петербурге // Открытый журнал [Электронный ресурс]. URL:

<https://journal.open-broker.ru/novosti/ak-bars-nachal-predostavlyat-islamskuyu-ipoteku/> (дата обращения: 05.01.2024).

4. Воскобойник Ю.В. Правовые аспекты развития исламских финансов в России // НИУ «ВШЭ» [Электронный ресурс]. URL: <https://we.hse.ru/irs/blog2> (дата обращения: 05.01.2024).

5. Джиджиков М.Д., Лепехин И.А. Ипотечное кредитование земельных участков в современной России // Вестник Тверского государственного университета. Серия: Право. 2023. № 2 (74). С. 7–15.

6. Жилищное строительство в России в 2022 году выросло на 11 %, до 102,7 млн. кв. м // Интерфакс [Электронный ресурс]. URL: <https://www.interfax.ru/business/883428> (дата обращения: 05.01.2024).

7. Исламская ипотека // АК БАРС [Электронный ресурс]. URL: <https://www.akbars.ru/individuals/islamskaya-ipoteka/> (дата обращения: 05.01.2024).

8. Исламская ипотека от Ак Барс Банка // Коммерсантъ [Электронный ресурс]. URL: <https://www.kommersant.ru/doc/4722731> (дата обращения: 05.01.2024).

9. Исламский банкинг в России: в чем суть партнерского финансирования // РБК Инвестиции [Электронный ресурс]. URL: <https://quote.rbc.ru/news/article/64d61d2a9a7947eb00acb24b> (дата обращения: 05.01.2024).

10. Исламский банкинг: что это такое и как работает // ЦИАН [Электронный ресурс]. URL: <https://tver.cian.ru/stati-islamskij-banking-chto-eto-takoe-i-kak-rabotaet-332691/> (дата обращения: 05.01.2024).

11. Кредиты без процентов: как в России собираются внедрить исламский банкинг // Сравни [Электронный ресурс]. URL: <https://www.sravni.ru/text/islamskij-banking/> (дата обращения: 05.01.2024).

12. Павлова П.О. Ипотечное кредитование земель: актуальные проблемы и пути их решения // Студенческое научное общество: научные достижения: Материалы студенческой конференции, Тверь, 18 мая 2022 года / под ред. Т.Б. Новиченковой. Тверь: Тверской государственный технический университет, 2022. С. 72–76.

13. Пестич А. Россия впервые приняла участие в конференции ААОIFI по исламскому финансированию // ТАСС [Электронный ресурс]. URL: <https://tass.ru/ekonomika/7076522> (дата обращения: 05.01.2024).

14. Сколько мусульман проживает в России в 2023 году? Численность населения и статистика // Справочник мусульманина [Электронный ресурс]. URL: <https://musulmauk.ru/medrese/Skolko-Musulman-v-Rossii-na-2023-God-Sostavliaet-Chislennost-Naseleniia-ai01lia.html> (дата обращения: 05.01.2024).

15. Сравнительный анализ ипотечного кредита и лизинга недвижимости / А.А. Артемьев, И.А. Лепехин, П.О. Павлова, А.Д. Суркова // Междисциплинарные исследования экономических систем: Материалы Всероссийской научно-практической конференции, Тверь, 27 мая 2021 года / под ред. А.Н. Бородулина. Тверь: Тверской государственный технический университет, 2022. С. 117–125.

Об авторах:

ЛЕПЕХИН Илья Александрович – кандидат юридических наук; доцент

кафедры геодезии и кадастра ФГБОУ ВО «Тверской государственный технический университет» (Россия, г. Тверь, наб. А. Никитина, д. 22); SPIN-код: 6210-5988; AuthorID: 538705; e-mail: ilja-lepehin@rambler.ru

ПАВЛОВА Полина Олеговна – специалист 1 категории землеустроительного отдела АО «Газпром газораспределение Тверь» (Россия, г. Тверь, ул. Фурманова, д.12/4); SPIN-код: 6116-2029; AuthorID: 1123368; e-mail: pawlowa.polya2010@yandex.ru

PROSPECTS FOR THE DEVELOPMENT OF ISLAMIC MORTGAGES IN RUSSIA

I.A. Lepekhin¹, P.O. Pavlova²

¹ Tver State Technical University, Tver

² JSC Gazprom Gas Distribution Tver, Tver

The article is devoted to the study of topical issues related to the adoption in 2023 of a law on an experimental legal regime for the implementation of partner financing activities in four pilot regions of the Russian Federation - "Islamic banking". At the same time, special attention is paid to the new institution of "Islamic mortgages" for Russia, the emergence and development of which is associated with the adoption and entry into force of the relevant legislation. The article gives a general description of the Islamic banking system and the products provided as part of the implementation of this experiment. The essence of the Islamic mortgage was disclosed, the conditions for its provision by Russian banks were considered. A comparative analysis of Islamic mortgages with real estate leasing and classic mortgage lending was carried out. The key problems in the implementation of Islamic mortgages in Russia to date have been identified and possible ways to solve them have been identified.

Keywords: mortgage, Islamic banking, real estate, Islamic mortgage, apartment, land plot, sharia norms, bank, borrower, transaction, mortgage loan, murabaha, real estate leasing.

About authors:

ЛЕПЕХИН Илья – PhD in Law, Associate Professor, Department of Geodesy and Cadastre Tver State Technical University (Russia, Tver, embankment A. Nikitina, d. 22), SPIN-code: 6210-5988, AuthorID: 538705, e-mail: ilja-lepehin@rambler.ru

ПАВЛОВА Polina – specialist of the 1st category of the Land Management Department of Gazprom Gas Distribution Tver JSC (12/4 Furmanova str., Tver, Russia); SPIN-code: 6116-2029; AuthorID: 1123368; e-mail: pawlowa.polya2010@yandex.ru

Лепехин И.А., Павлова П.О. Перспективы развития исламской ипотеки в России // Вестник ТвГУ. Серия: Право. 2024. № 1 (77). С. 27–35.

Статья поступила в редакцию 09.01.2024 г.

Подписана в печать 14.03.2024 г.

О ПРАВЕ РЕБЕНКА НА ОБРАЗОВАНИЕ: КЛАССИКА И СОВРЕМЕННЫЕ ВЫЗОВЫ

О.И. Сочнева, Н.Н. Тарусина

ФГБОУ ВО «Ярославский государственный университет
им. П.Г. Демидова», г. Ярославль

В статье рассматриваются вопросы соотношения права ребенка на воспитание и образование во взаимодействии с соответствующими правами и обязанностями его родителей и других законных воспитателей. Дается характеристика элементов содержания права на образование, конкретизируются наиболее актуальные из них – выбор образовательного учреждения, индивидуальное обучение, безопасность образовательной среды и др. Анализируется конструкция обязанностей ребенка в образовательной сфере в сравнении с семейным законодательством, в котором она отсутствует, хотя и подразумевается через право родителей на воспитание и образование ребенка.

Ключевые слова: *ребенок, право на образование, содержание, актуальные аспекты, конструкция обязанности.*

Ключевым содержательным и динамическим компонентом в пространстве ребенка является его воспитание родителями и другими законными попечителями (включая такую своеобразную фигуру, с точки зрения семейного закона, как «фактические воспитатели»), уполномоченными на то педагогами/воспитателями/госслужащими (муниципальными служащими), сотрудниками учреждений дополнительного образования, различных общественных объединений с детским участием, в более удаленном от ребенка режиме – представителями самых различных государственных (муниципальных) структур, учреждений культуры, медицины, СМИ, граждан и т. д. При этом далеко не все перечисленные типы субъектов одновременно являются носителями обязанности по надлежащему воспитанию: специальные, характерные именно для рассматриваемой юридической возможности (права на воспитание) формы существования, конструкции «права-обязанности», присущи только лицам, призванным законом к прямому воздействию на «маленького человека». С правом ребенка на воспитание имманентно связано его право на получение образования, поскольку последнее оказывает существенное влияние на развитие личности несовершеннолетнего ребенка, формирование его духовного и интеллектуального потенциала, когнитивных способностей и жизненных компетенций. В определенном смысле его можно рассматривать и как элемент содержания права на воспитание, и как самостоятельную конструкцию, наполненную своей собственной

сущностью. Данное право в общем виде (и означенной вариации) сформулировано в норме ст. 43 Конституции Российской Федерации (далее – Конституция РФ) как право каждого на получение образования [1]. Его качественные характеристики конкретизированы в конституционных поправках – положениях об уважении памяти предков, патриотизме, нравственном долге, уважительном отношении к старшим (ч. 4 ст. 67.1 Конституции РФ). Отраслевая его конкретизация, формы осуществления «онормативлены» специальным Федеральным законом от 29.12.2012 г. № 273-ФЗ «Об образовании в Российской Федерации» (далее – Закон об образовании), и применительно к детям также обеспечивается соответствующей деятельностью различных субъектов: родителей (лиц, их заменяющих) педагогов, государства [5].

Прежде всего, за образование ребенка ответственными признаются его родители, что следует из закрепления на уровне Конституции РФ (ч. 4 ст. 43 Конституции РФ), а далее – на уровне семейного законодательства (п. 2 ст. 63 Семейного кодекса РФ, далее – СК РФ) [3] их соответствующей обязанности обеспечить получение ребенком основного общего образования. При этом по смыслу абз. 2 ст. 69 СК РФ неосуществление данной обязанности может быть квалифицировано как уклонение от выполнения обязанностей родителей и стать основанием для лишения родителей родительских прав (усыновителей/удочерителей – для отмены усыновления/удочерения, опекунов/попечителей – для прекращения опеки/попечительства). Судебной практике известны случаи, когда при рассмотрении иска о лишении родительских прав ключом к оценке «качества» воспитания являлось неисполнение именно данной обязанности. Так, прокурором Даниловского района Ярославской области был предъявлен иск о лишении родительских прав проживающих в отдаленной деревне родителей в связи с тем, что их дети (в возрасте 12 и 15 лет) не посещали школу, а также не проходили промежуточной и итоговой аттестации в каких-либо образовательных организациях. Вместе с тем, рассматривая данное дело, суд установил, что дети при этом умеют свободно читать и писать, имеют навыки работы на компьютере, пользуются библиотекой ближайшего населенного пункта, обеспечены необходимой для обучения литературой, проинформированы о возможности прохождения аттестации, от общения со сверстниками не отказываются. Такое отношение к образованию детей родители объяснили тем, что только в условиях, отдаленных от цивилизации и приближенных к природе, можно вырастить психически и физически здоровых детей, поэтому с учетом мнения детей избрали семейное обучение. Отказывая в удовлетворении иска о лишении родительских прав, суд исходил из необходимости соблюдения интересов родителей и детей, сохранения нормального эмоционального, психологического и физического состояния последних. По мнению суда, факт непрохождения детьми

аттестации уровня знаний не может быть признан уклонением родителей от выполнения родительских обязанностей, поскольку установлено, что в данном случае это совпадает и с позицией детей. С решением Даниловского районного суда Ярославской области от 05.10.2016 г. № 2-729/2016 согласился и Ярославский областной суд.

Признавая его правильность, полагаем необходимым добавить, что родители имеют преимущественное право на образование своих детей, вправе с учетом мнения ребенка выбирать формы его получения, включая семейное образование и самообразование, а прохождение промежуточной госаттестации является их правом, а не долженствованием (ст. 17, 34, 44, 45 Закона об образовании). В настоящее время основными формами такового являются: обучение в образовательной организации, семейное образование и самообразование. Наряду с этим международное законодательство не сводит рассматриваемое право исключительно к обеспечению освоения им соответствующих образовательных программ. В частности, Конвенция о правах ребенка от 20.11.1989 г. в норме ст. 29 в общем виде определяет цели образования, среди которых обозначены: его направленность на развитие личности, талантов умственных и физических способностей ребенка в их самом полном объеме; воспитание уважения к родителям ребенка, его культурной самобытности, языку и ценностям, к национальным ценностям страны, в которой ребенок проживает, страны его происхождения и к цивилизациям, отличным от его собственной. Готовность ребенка к самостоятельной жизни в обществе закреплена в качестве базовой ценности в преамбуле Конвенции. В приведенном случае родители организовали освоение детьми достаточного для социализации уровня общей грамотности, а также приобретение хозяйственно-бытовых навыков, необходимых для тех условий, в которых они проживали [2].

Поскольку речь идет о праве ребенка на образование как субъекта, обладающего дееспособностью, пусть и неполной, объем которой с возрастом (и при наборе определенных юридических фактов) возрастает [11], необходимо определить его содержательные элементы. В данном вопросе очевидно взаимодействие законодательства об образовании и семейного закона. В этом смысле ключевым является положение об учете мнения ребенка (не обусловленное нижней возрастной границей) и правило о даче им согласия на совершение ряда семейно-правовых актов (ст. 57 СК РФ), которое имеет императивную природу и базируется на исчерпывающем перечне оснований. Последняя конструкция, на наш взгляд, может быть «реципирована» и в нормы ст. 34 Закона об образовании с указанием «стартового» возраста учащегося (с помощью цифры или другого критерия) и фиксацией перечня соответствующих образовательных ситуаций. Кроме того, следует иметь в виду, что ребенок, без ограничения по возрасту, обладает

правом на административную защиту от различных злоупотреблений родителей, а с 14 лет – на самостоятельную судебную защиту, в том числе при невыполнении родителями обязанностей по его образованию (ст. 56 СК РФ). Конечно, подобный «экстрим» – чрезвычайен по своему характеру, но, как видим, отнюдь не исключен. Соответственно, ребенку (также без указания возраста) предоставлено право на обжалование актов образовательного учреждения, сопровождаемое классическим в своей неопределенности уточнением: «в установленном законодательством РФ порядке» (ст. 34 Закона об образовании).

Среди основных элементов права ребенка на образование: 1) выбор образовательной организации (с учетом аналогичного права родителей и других законных воспитателей, то есть, по сути, на основе консенсуса); 2) обучение по индивидуальному плану (ускоренное, инклюзивное и др.), участие в формировании содержания своего образования (с обязательным учетом госстандартов и учебных планов школы); 3) уважение достоинства, защита от психического и физического насилия; 4) свобода на выражение своих взглядов и убеждений; 5) право пользования необходимыми информационными ресурсами; 6) право на поощрение, участие в управленческом процессе, различных объединениях с «детским элементом» и др. Проблемность первого элемента заключается не только в необходимости договориться с родителями (другими попечителями), но и в своеобразной «территориальной конкуренции» образовательных учреждений – с преимущественным правом выбора, обусловленного местом жительства (регистрацией) ребенка (за исключением специализированных школ, лицеев при вузах и т. п.), т. е. необходимостью обеспечения их территориальной доступности. Подобное условие моделирует для детей и родителей, проживающих в отдалении от школы, «отсроченное право» (реализуемое во вторую очередь – после детей «ближнего круга проживания»), что критикуется в доктрине как не соответствующее духу Основного закона РФ [10].

Среди вариаций индивидуализации обучения наиболее актуальными, на наш взгляд, являются две. Первая: обеспечение комфортной (или хотя бы приемлемой) образовательной среды для детей с инвалидностью (доступ в здание, аудитории, библиотеку и т. д.; сопровождение обучения кураторами (тьюторами); помощь в получении технических средств; при необходимости организация дистанционного режима и т. д.). Целеполагание в этом вопросе заявлено на законодательном уровне (федеральном и региональном), однако реализация затруднена объективными и субъективными факторами – финансовыми, организационными, кадровыми, техническими [8] (например, не каждое здание школы и другого образовательного учреждения может быть оборудовано удобным въездом, лифтом (а специальное кресло-подъемник – не вполне надежно и комфортно). В то

же время после получения «всем и вся» богатого опыта по организации дистанционного обучения в период пандемии 2019–2021 гг. по крайней мере этот компонент инклюзива стал вполне работающим. Следует, впрочем, заметить, что данная технология, даже и для детей с инвалидностью, должна быть, по возможности, факультативной и не заменять прямого общения с педагогами и другими воспитателями [9]. Вторая «вариация» индивидуализации образования, предполагающая персонафицированный план обучения, на наш взгляд, пока системно не проработана: она не обеспечена ни идеологически, ни кадрово, ни финансово, ни организационно. Каждый ли ребенок обладает данной возможностью или только с особенностями развития (вундеркинд, с талантами в определенной области, инвалидностью, чрезвычайной отдаленностью проживания и т. д.)? Прямого ответа на этот вопрос в законодательстве нет. Равным образом отсутствует и кадровая предпосылка: при такой форме обучения резко возрастает педагогическая нагрузка, что требует дополнительного штата сотрудников (а учителей в России не хватает, особенно в провинции).

К наиболее актуальным аспектам реализации права на образование, безусловно, относится и право ребенка на информацию, возможность пользования информационными ресурсами, в том числе цифровыми. Как всякая правовая свобода означенная возможность подлежит ограничению (ст. 55 Конституции РФ), особенно в отношении детей: вредоносная информация должна блокироваться, Интернет-зависимость – профилактироваться, «цифровая жизнь» детей в целом – контролироваться родителями и педагогами. Одним из ярких примеров подобного рода явился, после активной дискуссии, запрет пользования «гаджетами» (средствами связи) на уроках (ФЗ от 19.12.2023 г. № 618-ФЗ «О внесении изменений в Федеральный закон “Об образовании в Российской Федерации”») [6].

Содержание образования должно отвечать стандартам качества. Это обеспечивается не только соответствием занятий заявленной образовательной программе, квалификацией и добросовестностью педагогов, но и созданием безопасных условий пребывания в самом образовательном учреждении, на прилегающей территории, в иных местах проведения образовательных мероприятий (например, во время экскурсий, посещения кино, организаций общественного питания и т. п.), включая соблюдение санитарно-гигиенических требований, пожарной безопасности, а также путем должного надзора за ребенком со стороны образовательного учреждения (ст. 28 Закона об образовании). В случае невыполнения указанных требований оно несет ответственность как за действия ребенка, так и за причинение вреда его жизни и здоровью. В соответствии с положениями п. 3 ст. 1073 Гражданского кодекса Российской Федерации (далее – ГК РФ) [4], а также разъяснениями абз. 3 п. 14 Постановления Пленума Верховного

Суда РФ от 26.01.2010 г. № 1 «О применении судами гражданского законодательства, регулирующего отношения по обязательствам вследствие причинения вреда жизни или здоровью гражданина» в случае причинения вреда малолетним (в том числе и самому себе) в период его временного нахождения в образовательной, медицинской организации или иной структуре, у лица (на основе договора), осуществлявших за ним в этот период надзор, к последним может быть предъявлена претензия о возмещении причиненного вреда, если они не докажут отсутствия в том своей вины [7].

Ненадлежащий присмотр включает в себя: отсутствие во время инцидента педагога (в нарушение должностной инструкции) в здании или на прилегающей к нему территории, причем не только в период, когда ребенок, согласно расписанию, находился или должен был находиться на занятиях, но и в пределах режима работы образовательного учреждения в целом. В частности, в судебной практике есть примеры, когда последнее привлекалось к ответственности за вред, полученный ребенком во время игры, пользования спортивным оборудованием на пришкольной территории именно за пределами расписания занятий. В этих случаях суды, принимая решение, акцентировали внимание на том, что школа не обеспечила надлежащий контроль. Так, например, Решением Дзержинского районного суда г. Ярославля по гражданскому делу № 2-3300/2023 от 01.11.2023 г. частично удовлетворены иски требования О.С.А. (матери ребенка) к ИП З.П.М. о компенсации морального вреда и взыскании штрафа в размере 50 % от присужденной судом суммы. Исковые требования были мотивированы тем, что ее сын Р. (10 лет) получил травму во время прогулки, являясь слушателем курсов по программе «Летний городской IT-лагерь» на основании договора, заключенного между О.С.А. и ИП З.П.М. от 28.07.2022 г. В этот момент ребенок находился под присмотром водителя (сотрудника ответчика) – А.Е.О. Непосредственной причиной травмы стало падение Р. во время организованной прогулки с самоката, который он принес из дома. При этом суд оставил без внимания доводы ответчика о том, что данный самокат ребенок ежедневно приносил в лагерь и использовал на прогулках с ведома матери. Кроме того, на протяжении всей прогулки ответчик присутствовал, соответственно, дети, в том числе и Р., не были предоставлены сами себе, прогулка была организована в месте, обеспечивающем безопасные для этого условия, – на территории спортивного стадиона МОУ СШ № 90, травма Р. во время прогулки не была следствием нарушения дисциплины им самим либо другими детьми. Ребенок получил ее при обычном катании на самокате, которое не было связано с высокой скоростью, исполнением трюков и т. п.

Следует заметить, что нахождение ребенка под надзором образовательного учреждения само по себе не снимает с его родителей

и лиц, их заменяющих, ответственности за его поведение, жизнь и здоровье. Присутствие в законе презумпции вины образовательной организации в ненадлежащем надзоре за обучающимся несовершеннолетним (п. 3 ст. 1073 ГК РФ), наряду с общим правилом о преимущественно родительской ответственности как за причиненный ребенком, так и нанесенный ему вред (п. 1 ст. 1073 ГК РФ), в судебных спорах данной категории создает проблему разграничения ответственности родителей и образовательной организации. Так, например, Ш.А.П. (родитель несовершеннолетнего Ш.П.) обратился в Якутский городской суд с иском к средней общеобразовательной школе № 15 г. Якутска о взыскании компенсации морального вреда в связи с тем, что его сын, находясь в здании школы, получил травму в результате действий одноклассника – Т.А., который толкнул его сына в школьной раздевалке. Проанализировав и оценив представленные доказательства в их совокупности, суд пришел к выводу о частичном удовлетворении заявленных требований, возложив ответственность за вред, помимо школы, и на мать ребенка, толкнувшего сына истца. Суд счел, что поведение малолетнего Т.А. находится в причинной связи с недостатками в воспитании ребенка со стороны его матери С.И.Е., которые были подробно изложены судом (решение Якутского городского суда Республики Саха (Якутия) по делу № 2-2432/2020 от 28.05.2020 г.).

Особое внимание следует обратить на конструкцию обязанности, которая, в отличие от семейного законодательства, где о ней не упоминается ни единого раза, в законодательстве об образовании присутствует – к долженствованию дети призваны самым непосредственным образом: в соответствии с нормами ст. 43 Закона об образовании ребенок, независимо от возраста, обязан соблюдать локальные нормативные акты образовательного учреждения (устав, правила внутреннего распорядка, учебный план и т. п.), уважительно относиться к педагогам, другим сотрудникам, одноклассникам; по факту невыполнения/нарушения установленных правил он (начиная со старших классов, т. е. примерно с 10-летнего возраста) может быть привлечен к дисциплинарной ответственности – от замечания до отчисления из школы (иного учреждения подобного типа). В этом плане Закон об образовании принципиально отличается от другого отраслевого законодательства, регулирующего те или иные отношения с детским элементом, в котором относительно конструкции детских обязанностей, как правило, либо вообще не сообщается (семейный закон), либо «намекается» лишь опосредованно (например, при реализации права на труд, распоряжении своим доходом, участии в публичных мероприятиях и т. д.).

Добротность реализации права на образование зависит от множества факторов: от мотивированности ребенка, таланта педагога,

доступности и оснащенности образовательных учреждений и т. п., в том числе обеспечения их учебниками (обычными и электронными), – не только развивающими способности ребенка в различных областях знания, но и воспитывающих в нем гражданственность, гуманитарное начало (конечно, это касается не только литературы, истории, обществознания, но также и математики (можно предложить задачи с коммерческим уклоном, а можно – с добрым, житейским) и других учебных дисциплин).

Кроме того, в последние годы государство (в лице своих наиболее пассионарных представителей) озадачилось идеей о необходимости возрождения детской активности – по типу пионерии, комсомола и подобных общественных движений. Организованы «Юнармия», «Движение первых» и др. Развитию творческого потенциала детей способствуют олимпиады, конкурсы, кружки (с тенденцией на ослабление коммерческого в них начала и, напротив, развития системы поощрения, в том числе материального). Все это в той или иной мере замещает потери от замены выпускных экзаменов ЕГЭ (как бы его организаторы ни убеждали общественность в его преобразовании из «апологета тестирования» в творческую форму контроля знаний). Конечно, специализированные классы в школах, лицеи при вузах, школы воскресного дня существовали и ранее, однако система «образование–воспитание–talant–гражданственность» во многом была ослаблена или дезориентирована. Маркером новейшего времени стали также добровольчество, благотворительность (в меру детских сил), иные формы гражданской активности «маленьких людей» (письма участникам СВО, концертные программы для ветеранов и т. д.). Все это обогащает образовательный процесс – в широком его понимании и создает предпосылки для возвращения образования в лоно классических ценностей российского общества, но – на основе современного их прочтения и технологического обеспечения.

Список литературы

1. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993 г. с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020 г.) // СПС «КонсультантПлюс».
2. Конвенция о правах ребенка (одобрена Генеральной Ассамблеей ООН 20.11.1989 г.) (вступила в силу для СССР 15.09.1990 г.) // СПС «КонсультантПлюс».
3. Семейный кодекс Российской Федерации от 29.12.1995 г. № 223-ФЗ
4. (ред. от 31.07.2023 г.) (с изм. и доп., вступ. в силу с 26.10.2023 г.) // СПС «КонсультантПлюс».
5. Федеральный закон от 29.12.2012 г. № 273-ФЗ (ред. от 25.12.2023 г.) «Об образовании в Российской Федерации» (с изм. и доп., вступ. в силу с 01.01.2024 г.) // СПС «КонсультантПлюс».

6. Федеральный закон от 19.12.2023 г. № 618-ФЗ «О внесении изменений в Федеральный закон "Об образовании в Российской Федерации"» // СПС «КонсультантПлюс».

7. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 26.01.2010 г. № 1 «О применении судами гражданского законодательства, регулирующего отношения по обязательствам вследствие причинения вреда жизни или здоровью гражданина» // СПС «КонсультантПлюс».

8. Егупова М.А. Практика обеспечения доступности образования для детей с ограниченными возможностями здоровья (на основе анализа деятельности уполномоченных по правам ребенка в регионах Южного федерального округа // Южно-российский журнал социальных наук. 2021. Т. 22. № 3. С. 72–84.

9. Конева Е.В., Тарусина Н.Н. Дистанционное обучение: между правомерностью и вредоносностью // Вестник ЯрГУ. Серия Гуманитарные науки. 2022. Том 16. № 4. С. 634–641.

10. Рязанова Е.А. Некоторые аспекты реализации конституционного права ребенка на образование, связанные с местом его проживания // Вестник ТвГУ. Серия: Право. 2019. № 3 (59). С. 13–19.

11. Тарусина Н.Н. Возраст как юридический факт в сфере семьи: соблазны и условность цифры // Lex Russica (Русский закон). 2022. Т. 75. № 10. С. 17–32.

Об авторах:

СОЧНЕВА Ольга Игоревна – старший преподаватель кафедры социального и семейного законодательства ФГБОУ ВО «Ярославский государственный университет им. П.Г. Демидова», SPIN-код: 2913-8840, AuthorID: 644867, e-mail: o.sochneva@uniyar.ac.ru

ТАРУСИНА Надежда Николаевна – кандидат юридических наук, профессор, заведующий кафедрой социального и семейного законодательства ФГБОУ ВО «Ярославский государственный университет им. П.Г. Демидова», Заслуженный юрист РФ, SPIN-код: 5565-5523, AuthorID: 525260, e-mail: nant@uniyar.ac.ru

ON THE RIGHT OF THE CHILD TO EDUCATION: CLASSICS AND MODERN CHALLENGES

O.I. Sochneva, N.N. Tarusina

Yaroslavl State University named after P.G. Demidov, Yaroslavl

The article examines the issues of the relationship between the child's right to upbringing and education – in interaction with the relevant rights and obligations of his parents and other legal educators. The characteristics of the elements of the content of the right to education are given, the most relevant of them are specified – the choice of an educational institution, individual training, the safety of the educational environment, etc. The author analyzes the structure of the child's responsibilities in the educational sphere – in comparison with family legislation, in which it is absent, although it is implied through the right of parents to raise and educate a child.

Keywords: *the child, the right to education, content, relevant aspects, the construction of responsibilities.*

About authors:

SOCHNEVA Olga – Senior Lecturer at the Department of Social and Family Law of the Yaroslavl State University named after P.G. Demidov, SPIN-код: 2913-8840, AuthorID: 644867, e-mail: o.sochneva@uniyar.ac.ru

TARUSINA Nadezhda – PhD in Law, Professor, Head of the Department of Social and Family Law of the Yaroslavl State University named after P.G. Demidov, Honored Lawyer of the RF, SPIN-code: 5565-5523, SPIN-код: 5565-5523, AuthorID: 525260, e-mail: nant@uniyar.ac.ru

Сочнева О.И., Тарусина Н.Н. О праве ребенка на образование: классика и современные вызовы // Вестник ТвГУ. Серия: право. 2024. № 1 (77). С. 36–45.

Статья поступила в редакцию 10.02.2024 г.

Подписана в печать 14.03.2024 г.

**БРАЧНЫЙ ДОГОВОР, СОГЛАШЕНИЕ О РАЗДЕЛЕ ОБЩЕГО
ИМУЩЕСТВА СУПРУГОВ, СОГЛАШЕНИЕ О ВЫДЕЛЕ ДОЛИ
VS «ЛЮБОЙ ИНОЙ ДОГОВОР» КАК ОСНОВАНИЕ
ИЗМЕНЕНИЯ РЕЖИМА ОБЩЕЙ СОВМЕСТНОЙ
СОБСТВЕННОСТИ СУПРУГОВ: ДИССОНАНС
ДОКТРИНАЛЬНЫХ, ЗАКОНОДАТЕЛЬНЫХ
И ПРАВОПРИМЕНИТЕЛЬНЫХ ПОДХОДОВ**

Т.В. Шершень

ФГАОУ ВО «Пермский государственный национальный
исследовательский университет», г. Пермь

Рассматриваются проблемы правоприменительной практики в отсутствие и при наличии четкого законодательного закрепления договорной конструкции, посредством которой допустимо изменение режима общей совместной собственности супругов. Анализируются конструкции брачного договора, соглашения о разделе общего имущества супругов, соглашения о выделе супружеской доли и предпринимается попытка определения содержания понятия «любой иной договор» как основание изменения режима общей совместной собственности супругов.

***Ключевые слова:** брачный договор, соглашение о разделе общего имущества супругов, соглашение о выделе доли в общем имуществе супругов, общая совместная собственность, изменение режима общей совместной собственности супругов, законный режим имущества супругов, договорный режим имущества супругов.*

Впервые возможность изменения режима общей совместной собственности супругов появилась в России благодаря закреплению в п. 1 ст. 256 Гражданского кодекса Российской Федерации (далее – ГК РФ) диспозитивного правила, в соответствии с которым имущество, нажитое супругами во время брака, является их совместной собственностью, если договором между ними не установлен иной режим этого имущества [6]. Предоставив супругам возможность отступления от режима общей совместной собственности, законодатель, вместе с тем, не закрепил в ГК РФ [1] положений, регламентирующих тип, вид, понятие договора, требований к его форме и содержанию, что неизбежно вызвало в науке и правоприменительной практике споры относительно его конструкции и правовой природы. Как представляется, отсутствие в кодифицированном акте гражданского законодательства России специальных положений о договоре, посредством которого супругам была предоставлена возможность изменить режим общей совместной собственности, было неслучайным.

По сложившейся в советский период традиции правовое регулирование имущественных отношений супругов в нашей стране осуществляется кодифицированными актами гражданского и семейного законодательства.

Введенный в действие с 01.03.1996 г. Семейный кодекс Российской Федерации (далее – СК РФ) [2] закрепил два режима имущественных отношений супругов законный (гл. 7 СК РФ) и договорный (гл. 8 СК РФ), и тем самым, как казалось, поставил точку в дискуссии о конструкции договора, посредством которого может быть изменен законный режим имущества супругов (режим общей совместной собственности). В силу ст. 33 СК РФ законный режим имущества супругов действует, если брачным договором не установлено иное.

Остается открытым вопрос: почему, при рассмотрении и принятии СК РФ, законодатель одновременно не внес мизерное, точечное, но такое принципиально важное дополнение в п. 1 ст. 256 ГК РФ о брачном договоре, а сделал это лишь в 2018 г., приняв Федеральный закон от 19.07.2018 г. № 217-ФЗ «О внесении изменений в статью 256 части первой и часть третью Гражданского кодекса Российской Федерации», положения которого вступили в силу с 01.09.2019 г. [3]. К сожалению, такое уточнение, внесенное в закон спустя более 12 лет после принятия СК РФ, не сняло с повестки дня вопрос о конструкции договора, посредством которого может быть изменен режим общей совместной собственности супругов.

Бесспорно, само существование договорного режима имущественных отношений супругов в России связано с брачным договором, востребованность которого на практике существенно выросла за последние годы, что ярко подтверждает статистика Федеральной нотариальной палаты: в 2016 г. в России было удостоверено 72 тысячи брачных договоров, в 2020 г. количество заключенных брачных договоров увеличилось в два раза и составило 142,5 тысячи.

Именно брачный договор позволил отступить от режима общей совместной собственности при регулировании правоотношений по поводу супружеского имущества, предоставив супругам право установить договорный режим имущества посредством закрепления режима общей долевой, совместной или раздельной собственности, а также их комбинации как на все имущество, приобретаемое в браке, так и на отдельные его виды [8, 9]. В силу п. 1 ст. 42 СК РФ брачным договором супруги вправе изменить установленный законом режим совместной собственности, установить режим совместной, долевой или раздельной собственности как на все имущество, так и на его отдельные виды или на имущество каждого из супругов. Данный вывод имеет существенное значение для понимания и правовой оценки неоднозначно складывающейся правоприменительной практики. В

практической деятельности органов, осуществляющих государственную регистрацию прав на недвижимое имущество и сделок с ним, имеют место случаи, когда при отсутствии брачного договора на государственную регистрацию представляется договор купли-продажи, по которому квартира приобретена супругами на праве общей долевой, а не общей совместной собственности. Договор купли-продажи, равно как и любой другой гражданско-правовой договор, опосредующий возмездное отчуждение имущества в собственность, не может рассматриваться в качестве договора, изменяющего режим общей совместной собственности супругов, хотя бы потому что сторонами такого договора выступают не только супруги! Как справедливо отмечает Е.А. Чефранова: «по смыслу закона брачный договор является двусторонней сделкой, такого рода соглашение связывает только супругов ...» [12].

Очевидно, что договор купли-продажи не преследует цель определения или изменения режима имущественных отношений супругов. Такой договор может иметь право на существование лишь при наличии у супругов брачного договора, закрепляющего их право на изменение законного режима и установление режима, например, общей долевой собственности в отношении недвижимого имущества, приобретаемого в браке. Ни договор купли-продажи, ни договор мены, никакой иной гражданско-правовой договор не предоставляет супругам права отступить от установленного в законе режима общей совместной собственности. Даже когда недвижимое имущество приобретается по возмездному договору в период брака и регистрируется на имя одного из супругов, оно в силу действующей презумпции общей совместной собственности признается принадлежащим обоим супругам. Презумпция общности может быть опровергнута только в судебном порядке [7], при этом бремя доказывания ложится на супруга, который не согласен с существующим положением вещей.

В силу ч. 3 ст. 42 Федерального закона «О государственной регистрации недвижимости» государственная регистрация права общей совместной собственности на недвижимое имущество осуществляется на основании заявления одного из участников совместной собственности, если законодательством Российской Федерации либо соглашением между участниками совместной собственности не предусмотрено иное. В силу положений ч. 2 и 5 ст. 1 закона Единый государственный реестр недвижимости (далее – ЕГРН) является сводом достоверных систематизированных сведений об учтенном недвижимом имуществе, о зарегистрированных правах на такое недвижимое имущество, основаниях их возникновения, правообладателях, а также иных сведений; при этом государственная регистрация права в ЕГРН служит единственным доказательством существования зарегистрированного права. Росреестр уточнил порядок реализации

этой нормы. В разделе VII.П «Особенности внесения в ЕГРН записей о государственной регистрации права общей собственности» Порядка ведения ЕГРН, установленного приказом Росреестра от 01.06.2021 г. № П/0241, предусмотрено, что при регистрации права на недвижимое имущество, находящееся в общей совместной собственности, все сособственники указываются в одной записи о вещном праве (п. 109); при этом Порядок закрепляет особенности включения в ЕГРН сведений о праве общей совместной собственности лица, ранее в записи о регистрации права собственности не указанного (п. 113). Такое разъяснение не может не радовать, достаточно для сравнения в плане ретроспективы вспомнить Обзор законодательства и судебной практики Верховного Суда Российской Федерации за второй квартал 2002 г., согласно которому, поскольку законодательство предоставляет супругам право самим решать вопросы совместной собственности и право совершать с ней сделки, в случае, когда в договоре в качестве собственника указан только один супруг, органы, осуществляющие государственную регистрацию прав на недвижимое имущество, а также сделок с ним, должны зарегистрировать право собственности за этим лицом. По сути, такой подход открывал безграничные возможности для злоупотребления правом, не обеспечивал баланс интересов сторон, игнорировал такую важную характеристику реестра (ЕГРН) как его достоверность. Конечно, и то, что сегодня отражено в законе «О государственной регистрации недвижимости» носит половинчатый характер и требует дальнейшего совершенствования с целью адекватного отражения в реестре действительных собственников. Совершенно очевидно, что при отсутствии у супругов брачного договора права на недвижимость в ЕГРН должны быть зарегистрированы с указанием обоих супругов в качестве собственников в силу действующей презумпции общности супружеского имущества в браке. Поддержки заслуживает законопроект № 835938-7 «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» (ред., принятая ГД ФС РФ в I чтении 15.07.2020 г.). Согласно предлагаемой законопроектом редакции ч. 3 ст. 42 государственная регистрация права общей совместной собственности на недвижимое имущество должна осуществляться без заявления одного из участников совместной собственности в случае, если государственный регистратор располагает сведениями о возникновении права общей совместной собственности в силу закона. В целях получения указанных сведений государственный регистратор в порядке межведомственного информационного взаимодействия обязан запрашивать в Едином государственном реестре записей актов гражданского состояния информацию о наличии или отсутствии брака у каждого физического лица, обратившегося с заявлением о государственной регистрации возникновения права

собственности на основании возмездной сделки.

Возможно ли изменить режим общей совместной собственности посредством заключения супругами соглашения о разделе общего имущества? Несмотря на то, что оба юридических инструмента обладают рядом сближающих их признаков, представляется невозможным их отождествление. И брачный договор, и соглашение о разделе общего имущества могут быть заключены супругами в период брака, но после расторжения брака таким инструментом может быть только соглашение о разделе общего имущества супругов. Право на заключение брачного договора предоставлено супругам, пока они состоят в браке, а соглашение о разделе общего имущества супругов может заключаться и после расторжения брака (п. 1 ст. 38 СК РФ). До 10.01.2016 г. различия на законодательном уровне проявлялись также в требованиях к форме этих договорных конструкций: в отличие от брачного договора, для которого законом предусмотрена обязательная нотариальная (письменная квалифицированная) форма под страхом ничтожности в случае ее несоблюдения, соглашение о разделе общего имущества супругов могло заключаться в простой письменной форме и только по желанию супругов – в нотариальной форме [4].

Нет совпадения в целях заключения брачного договора и соглашения о разделе общего имущества супругов. Цель брачного договора – определение правового режима имущества супругов или лиц, вступающих в брак, включая возможность изменения законного режима и иных имущественных взаимоотношений. Цель соглашения о разделе общего имущества супругов – прекращение режима общей совместной собственности в отношении имущества, нажитого супругами во время брака. В силу ст. 38 СК РФ раздел общего имущества супругов может быть произведен в любое время в период брака, а также после его расторжения по требованию любого из супругов (бывших супругов).

Соглашение о разделе имущества супругов всегда ретроспективно, оно направлено в прошлое. Брачный же договор должен установить хотя бы одно правило, рассчитанное на применение в будущем, как в период брака, так и на случай его расторжения. Существенным условием брачного договора, по мнению Е.А. Чефрановой, является изменение «правового режима имущества супругов по сравнению с установленным законом режимом общности приобретений» [10, с. 144]. Таким образом, одним из базовых критериев, позволяющим отграничить брачный договор от других соглашений, заключаемых супругами, выступает «направленность на изменение установленного законом режима имущества супругов» [11, с. 44].

Сторонами брачного договора могут выступать супруги и будущие супруги (лица, вступающие в брак), а сторонами соглашения о разделе общего имущества супруги и (или) бывшие супруги. Очевидны

различия по субъектному составу, содержанию и целям заключения брачного договора и соглашения о разделе общего имущества супругов.

Содержание брачного договора определенно предоставляет супругам более широкие возможности в сравнении с соглашением о разделе общего имущества. В соответствии со ст. 42 СК РФ супруги в брачном договоре вправе установить права и обязанности по взаимному содержанию, способы участия в доходах друг друга, порядок несения каждым из супругов семейных расходов; определить имущество, которое перейдет каждому из супругов после расторжения брака, а также включить любые иные положения, касающиеся имущественных отношений супругов, при условии, что они не противоречат основным началам семейного законодательства и не ставят одного из супругов в крайне неблагоприятное положение. Такие широкие возможности, предоставленные супругам в регулировании имущественных отношений, приводят отдельных ученых к выводу, что брачный договор может быть смешанным договором, включающим в себя элементы различных гражданско-правовых договоров, а потому определить долю каждого супруга и, например, подарить ее другому супругу они вправе по одному договору. Е.А. Чефранова отмечает: «Такой договор приобретает черты смешанного договора, что само по себе допустимо и не противоречит действующему законодательству» [11].

В пользу брачного договора как единственно возможного способа изменения законного режима имущества супругов свидетельствуют закрепленные в ст. 46 СК РФ гарантии прав кредиторов при заключении, изменении или расторжении брачного договора. В целях обеспечения стабильности гражданского оборота в качестве гарантий осуществления прав кредитора как слабой стороны правоотношения предусмотрена обязанность супруга-должника по уведомлению своего кредитора (кредиторов) о заключении, изменении или о расторжении брачного договора. При невыполнении этой обязанности супруг отвечает по своим обязательствам независимо от содержания брачного договора, то есть так, как если бы брачного договора не было и действовал законный режим имущества супругов. Такой обязанности по уведомлению кредиторов не закреплено за супругом (супругами) ни при заключении соглашения о разделе супружеского имущества, ни при заключении, изменении, расторжении никакого иного договора [13]. Правда, в судебной практике, начиная с 2016 г. в рамках рассмотрения дел о банкротстве имеют место случаи применения положения ст. 46 СК РФ к соглашению о разделе общего имущества супругов в порядке аналогии закона (см., например, Определение № 304-ЭС18-4364 Судебной коллегии по экономическим спорам ВС РФ по делу № А03-7118/2016). Верховный Суд РФ отметил, что, определяя судьбу совместно нажитого имущества без расторжения брака, супруги, по

сути, заключили соглашение о разделе общего имущества. Учитывая схожесть признаков такого соглашения с признаками брачного договора, к спорной сделке подлежали применению правила указанных договорных конструкций, в частности ст. 46 СК РФ. Суды действительно применяют ст. 46 СК РФ, изначально предусмотренную для брачных договоров, по аналогии к соглашениям о разделе совместно нажитого имущества, суды общей юрисдикции и арбитражные суды имеют разные подходы к рассмотрению дел, связанных с правами кредиторов, в том случае, когда возбуждена процедура банкротства.

Раздел имущества супругов (выдел доли) может производиться как в добровольном, так и в судебном порядке, как по требованию супругов, так и их кредиторов. В добровольном порядке раздел имущества супругов может быть произведен как на основании соглашения о разделе, так и на основании брачного договора. Никаких иных вариантов действующее семейное законодательство не предусматривает, «определение доли каждого из супругов в праве собственности есть не что иное, как частный случай соглашения о разделе общего имущества» [10, с. 187].

Вместе с тем, как следует из анализа судебной практики (см.: определение Верховного Суда Российской Федерации от 24.11.2015 г. № 18-КГ15-203, Апелляционное определение Московского городского суда от 28.07.2015 г. по делу № 33-25275/2015; определение Верховного Суда РФ от 25.02.2020 г. по делу № 20-КГ19-13) вопрос о чистоте договорной конструкции, позволяющей изменять режим общей совместной собственности супругов, остается открытым. Так по мнению Верховного Суда РФ супруги вправе по своему усмотрению изменить режим общей совместной собственности имущества, нажитого в браке (или его части), как на основании брачного договора, так и на основании *любого иного соглашения (договора)* (курсив мой – Т.Ш.), не противоречащего нормам действующего законодательства.

Соглашение о разделе имущества супругов является основанием для возникновения, изменения и прекращения прав и обязанностей супругов в отношении их совместной собственности.

В определении Верховного Суда РФ от 05.09.2023 г. № 69-КГ23-11-К7 сделаны следующие неоспоримые выводы о допустимых договорных конструкциях, изменяющих режим общей совместной собственности супругов. В соответствии с нормами семейного законодательства изменение правового режима общего имущества супругов возможно на основании заключенного между ними брачного договора (ст. 41, 42 СК РФ), соглашения о разделе имущества (п. 2 ст. 38 СК РФ), решения суда о признании имущества одного из супругов общей совместной или общей долевой собственностью (ст. 37 СК РФ), иного соглашения (договора), не противоречащего нормам

действующего законодательства. Ответ на вопрос: о каких иных соглашениях (договорах), не противоречащих нормам действующего законодательства, идет речь так и остался открытым.

Список литературы

1. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) от 30.11.1994 г. № 51-ФЗ (ред. от 24.07.2023 г.) // СЗ РФ. 1994. № 32. Ст. 3301.
2. Семейный кодекс Российской Федерации: Федеральный закон от 29.12.1995 г. № 223-ФЗ (ред. 31.07.2023 г.) // СЗ РФ. 1996. № 1. Ст. 16.
3. Федеральный закон от 19.07.2018 г. № 217-ФЗ «О внесении изменений в статью 256 части первой и часть третью Гражданского кодекса Российской Федерации» // СЗ РФ. 2018. № 30. Ст. 4552.
4. Федеральный закон РФ от 29.12.2015 г. № 391-ФЗ (ред. 29.07.2017 г.) «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» [Электронный ресурс]. URL: <http://www.pravo.gov.ru> (дата обращения: 29.01.2024).
5. Федеральный закон от 13.07.2015 г. № 218-ФЗ (ред. 25.12.2023 г.) «О государственной регистрации недвижимости» [Электронный ресурс]. URL: <http://pravo.gov.ru> (дата обращения: 29.01.2024).
6. Федеральный закон от 30.11.1994 г. № 52-ФЗ «О введении в действие части первой Гражданского кодекса Российской Федерации» // СЗ РФ. 1994. № 32. Ст. 3302.
7. Основы законодательства Российской Федерации о нотариате: утв. ВС РФ 11.02.1993 г. № 4462-1 (ред. 24.07.2023 г.) // РГ. 1993. № 49.
8. Реутов С.И., Закалина И.С. Брачный контракт. Пермь, 2007. 130 с.
9. Чашкова С.Ю. Основания и порядок возникновения режима общей долевой собственности супругов: диссонанс правового регулирования и судебной практики // Семейное и жилищное право. 2022. № 4. С. 17–21.
10. Чефранова Е.А. Имущественные отношения супругов: Научно-практическое пособие. М.: Эксмо, 2008. С. 184–185.
11. Чефранова Е.А. Сделки, заключаемые между супругами // Юрист. 2005. № 1. С. 37–45.
12. Чефранова Е.А. Правовые вопросы уведомления кредиторов о заключении, изменении и расторжении брачного договора // Нотариальный вестник. 2022. № 4. С. 5–14.
13. Шершень Т.В. Брачный договор как основание изменения законного режима имущества супругов // Нотариус. 2009. № 2. С. 22–25.

Об авторе:

ШЕРШЕНЬ Тамара Васильевна – кандидат юридических наук, доцент, зав. кафедрой гражданского права ФГАОУ ВО «Пермский государственный национальный исследовательский университет» (г. Пермь, ул. Букирева, 15), SPIN-код: 8050-5427, ResearcherID: H-4158-2016, e-mail: tamaraur@yandex.ru

**MARRIAGE CONTRACT, AGREEMENT ON THE DIVISION
OF THE COMMON PROPERTY OF THE SPOUSES, AGREEMENT
ON THE ALLOCATION OF A SHARE VS “ANY OTHER
AGREEMENT” AS A BASIS FOR CHANGING THE REGIME
OF COMMON COMMON PROPERTY OF THE SPOUSES:
DISSONANCE OF DOCTRINAL, LEGISLATIVE
AND ENFORCEMENT APPROACH**

T.V. Shershen

Perm State University, Perm

The problems of law enforcement practice in the absence and if there is clear legislative support for the contractual structure, through which it is permissible to change the regime of common joint ownership spouses. The structures of the marriage contract and separation agreement are analyzed common property of the spouses, agreements on the allocation of the marital share and an attempt is made to determine the content of the concept “any other agreement” as a basis for changing the regime of common joint property of spouses.

Keywords: *marriage contract, agreement on division of common property spouses, agreement on the allocation of a share in the common property of the spouses, common joint property, changing the regime of common joint property of the spouses, legal regime of spouses' property, contractual regime of spouses' property.*

About author:

SHERSHEN Tamara – PhD in Law, Associate Professor, Head at the Department of Civil Law of the Perm State National Research University (Perm, Bukireva St., 15), SPIN-code: 8050-5427, ResearcherID: H-4158-2016, e-mail: tamaraur@yandex.ru

Шершень Т.В. Брачный договор, соглашение о разделе общего имущества супругов, соглашение о выделении доли vs «любой иной договор» как основание изменения режима общей совместной собственности супругов: диссонанс доктринальных, законодательных и правоприменительных подходов // Вестник ТвГУ. Серия: Право. 2024. № 1 (77). С. 46–54.

Статья поступила в редакцию 10.02.2024 г.

Подписана в печать 14.03.2024 г.

Актуальные вопросы публичного права

УДК 342.25

DOI: 10.26456/vtpravo/2024.1.055

ОБНАРОДОВАНИЕ МУНИЦИПАЛЬНЫХ ПРАВОВЫХ АКТОВ: НОВЕЛЛЫ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА И ИХ ПРАВОПРИМЕНЕНИЕ

Н.А. Антонова

ФГБОУ ВО «Тверской государственный университет», г. Тверь

Муниципальные правовые акты составляют часть правового регулирования местного самоуправления в Российской Федерации. Среди них особое место занимают муниципальные нормативные правовые акты. Федеральный закон о местном самоуправлении содержит нормы, регулирующие правотворческую деятельность органов местного самоуправления. В конце 2023 г. в названный законодательный акт были внесены изменения, касающиеся порядка обнародования муниципальных правовых актов, что вызвало на практике противоречивые подходы к применению новых норм. Объектом исследования является правовое регулирование порядка обнародования муниципальных актов. Дается характеристика изменения законодательства о местном самоуправлении в части регулирования порядка вступления муниципальных правовых актов в силу, их обнародования, выявляются причины, определяющие необходимость такого изменения. Рассматриваются способы обнародования, предусмотренные в Законе о местном самоуправлении, и анализируются способы их реализации на практике.

***Ключевые слова:** местное самоуправление, принципы местного самоуправления.*

Одной из особенностей правового регулирования местного самоуправления является то, что нормы, регулирующие деятельность этого уровня публичной власти, могут создаваться самими субъектами местного самоуправления – населением, органами, должностными лицами муниципальных образований.

Значение муниципальных правовых актов в правовом регулировании муниципальных отношений возрастает в связи с повышением роли местного самоуправления как элемента системы публичной власти, развитием муниципальных отношений.

Одно из свойств этих актов – их подзаконный характер. Нормативные правовые акты органов местного самоуправления как властных органов муниципального уровня являются неотъемлемым элементом иерархической структуры системы правовых актов, частью подсистемы подзаконных нормативных актов.

При этом стоит отметить, что, когда мы говорим о нормативных правовых актах органов местного самоуправления как о подзаконных

актах, это не означает, что они должны соответствовать только закону как акту, принимаемому органом федеральной или региональной власти, но и иным нормативным актам, являющимся, в свою очередь, также подзаконными, но более высокой юридической силы. Так, существует определенная субординация актов в рамках одного муниципального образования, а именно: нормативные акты главы муниципального образования должны соответствовать не только Конституции РФ, федеральным конституционным законам, иным нормативным актам Российской Федерации, конституциям (уставам), законам и иным нормативным актам субъектов Российской Федерации, но и уставу конкретного муниципального образования, а также нормативным актам представительного органа муниципального образования.

В связи с этим в процессе разработки и принятия нормативных правовых актов органы местного самоуправления должны руководствоваться не только нормами закона, но и положениями нормативных актов, входящих в группу подзаконных актов. Так, в рамках темы данной статьи, правотворческий процесс в муниципальном образовании регламентируется не только Федеральным законом о местном самоуправлении, но и уставом муниципального образования, а также иными муниципальными правовыми актами.

Положения ст. 132 Конституции РФ закрепляют право органов местного самоуправления принимать решения по вопросам местного значения, а также в пределах отдельных государственных полномочий, переданных органам местного самоуправления органами государственной власти, как федерального уровня, так и уровня субъектов Российской Федерации. Принятие решений по указанным вопросам осуществляется в форме подготовки издания муниципальных правовых актов.

Согласно Федеральному закону от 06.10.2003 г. № 131 «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации» [2] (далее – Федеральный закон № 131-ФЗ) муниципальные правовые акты, являясь частью правовой системы Российской Федерации, не должны противоречить Конституции РФ, федеральным законам и иным нормативным правовым актам Российской Федерации, а также конституциям (уставам), законам, иным нормативным правовым актам субъектов Российской Федерации.

Говоря о процедуре разработки, принятия и дальнейшего вступления муниципальных правовых актов в силу, следует помнить о том, что к такой процедуре, как и к содержанию и оформлению таких актов предъявляются определенные требования, особенно, когда речь идет о муниципальных нормативных актах. Ряд этих требований выработан в ходе научных исследований, проводимых специалистами в области как административного, так и муниципального права

(например, требования организационно-технического характера). Ряд требований были закреплены непосредственно в законе. Так, если обратиться к Федеральному закону № 131-ФЗ, то мы найдем в нем и требование законности, предъявляемое к муниципальным правовым актам, и особые требования к актам муниципальных образований, затрагивающим вопросы осуществления предпринимательской и инвестиционной деятельности (ст. 7), и к актам, принимаемым муниципальными органами в области благоустройства.

Однако кроме требований, которые предъявляются к содержанию муниципальных правовых актов, имеют место и требования, предъявляемые к порядку вступления актов в силу и их обнародованию. И в этой части в 2023 г. в Федеральный закон № 131-ФЗ внесены определенные изменения, которые нуждаются в анализе.

Необходимость внесения изменений в положения Закона в части регулирования порядка вступления актов в силу назревала давно. Так, в Письме Министерства юстиции РФ от 16.06.2017 г. № 08-71886/17 «Об использовании официальных сайтов органов местного самоуправления в информационно-телекоммуникационной сети “Интернет” (сетевых изданий) в качестве безальтернативных источников официального опубликования (обнародования) муниципальных нормативных правовых актов» было подчеркнуто, что «основным требованием, предъявляемым к опубликованию нормативных правовых актов, является критерий общедоступности, предполагающий доступ к распространяемой информации без необходимости применения специальных технических средств. В связи с неравномерным уровнем распространения информационно-телекоммуникационной сети “Интернет” и ограниченными возможностями доступа к данной сети некоторых категорий граждан, использование сетевых средств массовой информации для опубликования муниципальных правовых актов нельзя признать полностью отвечающим названному требованию» [6].

Кроме этого, в Письме подчеркивалось вспомогательное значение электронного способа распространения официальной информации, в том числе текстов муниципальных правовых актов, по отношению к печатному.

На основании изложенного и с учетом позиции Верховного Суда Российской Федерации (Апелляционное определение Верховного Суда Российской Федерации от 25.10.2016 г. № 43-АПГ16-14), Министерство юстиции РФ сделало вывод о том, что официальный сайт органа местного самоуправления не может являться единственным источником официального опубликования муниципальных правовых актов.

Появление данного Письма Министерства юстиции РФ было связано с тем, что в прежней редакции (действующей на момент издания письма) Федерального закона № 131-ФЗ было сказано, что муниципальные правовые акты вступают в силу после их официального

опубликования (обнародования). Другими словами, опубликование и обнародование рассматривались как равнозначные способы официального доведения акта до сведения населения. При этом способ такого официального доведения акта до сведения населения должен быть закреплён в уставе муниципального образования.

Но практика муниципальных образований сложилась разная. В частности, стали возникать ситуации, когда в уставы муниципальных образований включались положения об использовании официальных сайтов органов местного самоуправления в информационно-телекоммуникационной сети «Интернет» (сетевых изданий) в качестве безальтернативных источников официального опубликования (обнародования) муниципальных нормативных правовых актов.

В 2021 г. на эту ситуацию обратил внимание Конституционный Суд РФ в своем Постановлении № 23-П от 31.05.2021 г. указанного года [5]. Поводом к рассмотрению послужила жалоба бывшего заместителя главы Администрации Свердловского района Орловской области Юрия Ефремова, пытавшегося в судах обжаловать решение Свердловского районного Совета народных депутатов о порядке перерасчета пенсии за выслугу лет муниципальным служащим. Ю. Ефремов указывал, что решение, на основании которого у него уменьшился размер пенсии, не было опубликовано в районной газете, как это предусмотрено уставом муниципального образования. Суды, в свою очередь, установили, что по уставу муниципального образования его решение было обнародовано на стенде в читальном зале центральной районной библиотеки, а также на официальном сайте администрации Свердловского района. Конституционный Суд в обоснование своей позиции указал, что «в силу объективных, в частности, финансовых причин для муниципальных образований действительно может быть затруднительным учреждение, обеспечение достаточного тиража и распространение своего печатного издания» [5]. Однако, как подчеркнул Конституционный Суд, Конституция не допускает применение нормативных правовых актов, затрагивающих права, свободы и обязанности человека и гражданина, если они официально не опубликованы для всеобщего сведения.

В связи с этим, Конституционным Судом РФ было рекомендовано федеральному законодателю в кратчайшие сроки урегулировать вопросы использования для официального опубликования муниципальных нормативных правовых актов возможностей современного информационного пространства. В частности, Конституционный Суд указал, что законодатель может упростить механизм признания за официальными сайтами органов публичной власти статуса официального сетевого издания, а муниципальные образования вправе самостоятельно предусмотреть в интересах граждан также дополнительные способы обнародования своих документов.

В указанном выше Письме Министерства юстиции РФ обращалось внимание на то, что в Государственной Думе Федерального Собрания РФ находится проект федерального закона № 916396-6 «О внесении изменений в статьи 17 и 68 Федерального закона “Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации” и статью 7 Закона Российской Федерации “О средствах массовой информации”», предусматривающий наделение органов местного самоуправления полномочием выступать учредителями (соучредителями) муниципальных сетевых средств массовой информации, созданных для целей опубликования муниципальных правовых актов и иной официальной информации.

И вот почти в конце 2023 г. был принят Федеральный закон от 02.11.2023 г. № 517-ФЗ «О внесении изменений в Федеральный закон “Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации”» [1]. И теперь в новой редакции Федерального закона № 131-ФЗ указывается, что муниципальные нормативные правовые акты, затрагивающие права, свободы и обязанности человека и гражданина, муниципальные нормативные правовые акты, устанавливающие правовой статус организаций, учредителем которых выступает муниципальное образование, а также соглашения, заключаемые между органами местного самоуправления, вступают в силу после их официального обнародования. Другими словами, в Законе используется один общий термин – «официальное обнародование» как способ официального доведения акта до сведения населения.

В данной ситуации следует обратить внимание на то, что законодатель выделяет три категории актов, вступление в силу которых происходит путем официального обнародования:

- 1) муниципальные нормативные правовые акты, затрагивающие права, свободы и обязанности человека и гражданина;
- 2) муниципальные нормативные правовые акты, устанавливающие правовой статус организаций, учредителем которых выступает муниципальное образование;
- 3) соглашения, заключаемые между органами местного самоуправления.

Особый интерес вызывают акты второй и третьей группы. Указание на них в Федеральном законе № 131-ФЗ появилось после принятия в 2017 г. Федерального закона от 18.07.2017 г. № 171 [3], внесшего изменения в Закон о местном самоуправлении. Указанным актом был расширен перечень документов, подлежащих официальному опубликованию (обнародованию), путем включения в их число муниципальных нормативных правовых актов, устанавливающих правовой статус организаций, учредителем которых выступает муниципальное образование, а также соглашений, заключаемых между

органами местного самоуправления. Сделано это было с целью обеспечения большей информационной открытости и прозрачности в деятельности органов местного самоуправления.

На сегодняшний день в муниципальных образованиях создано более 11 тыс. муниципальных унитарных предприятий и около 130 тыс. муниципальных учреждений (по состоянию на 01.03.2023 г.). Идет большая работа в муниципальных образованиях по созданию муниципальных организаций, т.е. идет процесс, в основе своей имеющий формирование нормативного акта, устанавливающего правовые основы функционирования создаваемых объектов. И в этих условиях особое значение имеет вопрос законного вступления подобного рода актов в силу.

Нынешняя редакция ст. 47 Федерального закона № 131 устанавливает, что названные муниципальные правовые акты вступают в силу после официального обнародования, содержит указание на несколько видов такого обнародования. На первом месте в ряду таких видов законодатель ставит все-таки официальное опубликование. На втором месте – размещение муниципального правового акта в местах, доступных для неограниченного круга лиц (в помещениях государственных органов, органов местного самоуправления, государственных и муниципальных библиотек, других доступных для посещения местах). Кроме этого предусматривается и такой вариант, как размещение на официальном сайте муниципального образования в информационно-телекоммуникационной сети «Интернет». И наконец, законодатель говорит, что возможен и иной, предусмотренный уставом муниципального образования, способ обеспечения возможности ознакомления граждан с муниципальным правовым актом. Другими словами, устанавливается неограниченное количество вариантов официального обнародования муниципальных правовых актов и соглашений.

При этом официальным опубликованием муниципального правового акта, в том числе соглашения, заключенного между органами местного самоуправления, согласно ч. 5 ст. 47 Федерального закона № 131-ФЗ, считается первая публикация его полного текста в периодическом печатном издании, распространяемом в соответствующем муниципальном образовании, или первое размещение его полного текста в сетевом издании.

Таким образом, впервые в законодательстве о местном самоуправлении появляется норма, приравнивающая публикацию акта в сетевом издании к публикации в периодическом издании, при условии, что наименование и периодического, и сетевого издания как средств массовой информации, в которых осуществляется официальное опубликование муниципальных правовых актов и соглашений, должно быть указано в уставе муниципального образования.

Что же касается того случая, когда муниципальный правовой акт обнаружится путем его размещения в местах, доступных для неограниченного круга лиц, такие места и способ размещения текста муниципального правового акта также должны быть закреплены в уставе муниципального образования.

Предписаниями ч. 8 ст. 47 Федерального закона № 131-ФЗ глава муниципального образования наделен полномочием в своем правовом акте доводить до всеобщего сведения перечень периодических печатных изданий, сетевых изданий с указанием доменных имен соответствующих сайтов в информационно-телекоммуникационной сети «Интернет» и сведений об их регистрации в качестве средств массовой информации, в которых осуществляется обнародование (за исключением официального опубликования) муниципальных правовых актов.

На практике возникло разное понимание нормы об обнародовании муниципальных правовых актов в сетевом издании. Стоит отметить, что согласно Федеральному закону № 2124-1 от 27.12.1991 г. «О средствах массовой информации» (в ред. от 13.06.2023 г.) (далее – Федеральный закон № 2124-1) под сетевым изданием понимается сайт в информационно-телекоммуникационной сети «Интернет», зарегистрированный в качестве средства массовой информации в установленном законом порядке [4]. Появление новой редакции ст. 47 Федерального закона № 131-ФЗ вызвало неоднозначную реакцию муниципальных образований. В частности, вся та же пресловутая экономическая причина является препятствием на пути создания сетевого издания. Однако выход из этой ситуации имеется.

Дело в том, что официальный сайт органа местного самоуправления в информационно-телекоммуникационной сети «Интернет» может быть зарегистрирован как сетевое издание в соответствии с Законом Российской Федерации № 2124-1. При этом, следует отметить, что в соответствии с ч. 2 ст. 8 Закона Российской Федерации № 2124-1, официальный сайт органа местного самоуправления, не зарегистрированный в качестве средства массовой информации, средством массовой информации не является.

При этом представляется, что предусмотренное ст. 12 Закона Российской Федерации № 2124-1 освобождение от регистрации средств массовой информации, учреждаемых органами государственной власти и органами местного самоуправления исключительно для издания их официальных сообщений и материалов, нормативных и иных актов, не распространяется на сетевые издания. Поскольку, исходя из вышеприведенного понятия сетевого издания, это должно быть именно зарегистрированное средство массовой информации.

Таким образом, для официального опубликования (обнародования) муниципальных правовых актов и соглашений органы местного

самоуправления могут использовать свои официальные сайты органов местного самоуправления, но при условии, что они зарегистрированы как средства массовой информации (сетевые издания) в соответствии с Законом Российской Федерации № 2124-1.

В целом, новые правила правового регулирования порядка официального доведения муниципальных нормативных правовых актов до сведения населения и организаций призваны упростить данный процесс, обеспечивая его оперативность.

Список литературы

1. Федеральный закон от 02.11.2023 г. № 517-ФЗ «О внесении изменений в Федеральный закон “Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации”» // СПС «КонсультантПлюс».

2. Федеральный закон от 06.10.2003 г. № 131-ФЗ «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации» // СПС «КонсультантПлюс».

3. Федеральный закон от 18.07.2017 г. № 171-ФЗ «О внесении изменений в Федеральный закон “Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации”» // СПС «КонсультантПлюс».

4. Федеральный закон от 27.12.1991 г. № 2124-1 «О средствах массовой информации» (в ред. от 13.06.2023 г.) // СПС «КонсультантПлюс».

5. Постановление Конституционного Суда РФ от 27.05.2021 г. № 23-П «По делу о проверке конституционности пункта 6 части 1 статьи 44, частей 1 и 3 статьи 47 Федерального закона “Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации” в связи с жалобой гражданина Ю.Г. Ефремова» // СПС «КонсультантПлюс».

6. Письмо Министерства юстиции РФ от 16.06.2017 г. № 08-71886/17 «Об использовании официальных сайтов органов местного самоуправления в информационно-телекоммуникационной сети “Интернет” (сетевых изданий) в качестве безальтернативных источников официального опубликования (обнародования) муниципальных нормативных правовых актов» // СПС «КонсультантПлюс».

Об авторе:

АНТОНОВА Нана Алиевна – доктор юридических наук, заведующий кафедрой конституционного, административного и таможенного права юридического факультета ФГБОУ ВО «Тверской государственный университет» (170100, г. Тверь, ул. Желябова, 33), SPIN-код: 3179-2045, e-mail: antonova.nana@list.ru

PROMULGATION OF MUNICIPAL LEGAL ACTS: NOVELTIES OF LEGISLATION AND THEIR ENFORCEMENT

N.A. Antonova

Tver State University, Tver

Municipal legal acts form part of the legal regulation of local self-government in the Russian Federation. Among them, municipal regulatory legal acts occupy a special place. The Federal Law on Local Self-Government contains norms regulating the law-making activities of local self-government bodies. At the end of 2023, amendments were made to the aforementioned legislative act concerning the procedure for the promulgation of municipal legal acts, which in practice caused contradictory approaches to the application of new norms. The object of the study is the legal regulation of the procedure for the publication of municipal acts. The article describes the changes in the legislation on local self-government in terms of regulating the procedure for the entry into force of municipal legal acts, their promulgation, and identifies the reasons determining the need for such a change. The methods of publication provided for in the Law on Local Self-Government are considered and the ways of their implementation in the law are analyzed.

Keywords: *local self-government, principles of local self-government.*

About author:

ANTONOVA Nana – Doctor of Law, Head of the Department of the constitutional, administrative and customs right of the Tver State University (170100, Tver, Zhelyabova street, 33, 33), SPIN-code: 3179-2045, e-mail: antonova.nana@list.ru

Антонова Н.А. Обнародование муниципальных правовых актов: новеллы законодательства и их правоприменение // Вестник ТвГУ. Серия: право. 2024. № 1 (77). С. 55–63.

Статья поступила в редакцию 10.02.2024 г.
Подписана в печать 14.03.2024 г.

СУБЪЕКТЫ ГРАЖДАНСКИХ ПРОЦЕССУАЛЬНЫХ ОТНОШЕНИЙ: НЕКОТОРЫЕ ВОПРОСЫ КЛАССИФИКАЦИИ

А.В. Афтахова

ФГБОУ ВО «Тверской государственный университет», г. Тверь

Статья посвящена исследованию вопроса о критериях классификации субъектов гражданского процесса с учетом действующей нормативно-правовой регламентации участников гражданского судебного процесса согласно положениям Гражданского процессуального кодекса РФ. Автор анализирует особенности процессуального положения субъектов гражданского процесса. В целях формирования единой, целостной и нормативно регламентированной системы субъектов гражданских процессуальных отношений сформулированы предложения по совершенствованию действующего законодательства. Предлагается расширить перечень участников гражданского процесса, дополнив его такими субъектами, как секретарь судебного заседания, лицо, которое ведет дело в интересах группы лиц, взыскатель и должник, а также судебный примиритель и медиатор.

Ключевые слова: субъект, участник, лица, участвующие в деле, другие участники судебного процесса, процессуальный статус, классификация.

Защита прав и законных интересов граждан и юридических лиц – важнейшая задача правосудия, в решении которой особое место занимает гражданское судопроизводство. Рассмотрение и разрешение самых разных категорий дел в рамках гражданского процесса выступает гарантией судебной защиты нарушенных прав в различных правовых ситуациях (семейные, трудовые, наследственные, пенсионные споры, споры, связанные с защитой прав потребителей, неисполнением или ненадлежащим исполнением обязательств, защитой окружающей среды и др.). Эффективность работы процессуальных механизмов защиты нарушенных прав зависит, в числе прочего, от комплексного регулирования процессуального положения субъектов гражданского процесса.

В действующей редакции Гражданского процессуального кодекса РФ (далее – ГПК РФ) отсутствует четкая регламентация субъектов и участников гражданского процесса. Л.В. Туманова отмечает, что проблема законодательного закрепления субъектов гражданского процесса не находит необходимого решения. Возникли новые виды гражданского процесса, меняется структура судебной практики, но подходы к вопросам о субъектах гражданских процессуальных отношений остаются практически неизменными [10].

Действительно, субъекты гражданского процесса выступают ключевыми фигурами в рамках судебного разбирательства, и четкое определение их процессуального статуса позволяет избежать разночтений и противоречий при реализации каждым субъектом своих процессуальных прав. Более того, неоднозначное применение или толкование правовых норм, регламентирующих процессуальный статус того или иного субъекта гражданского процесса, может являться основанием для отмены принятого по делу судебного решения.

Приступая к исследованию вопроса о нормативно-правовой регламентации видов, классификации и процессуального статуса субъектов гражданских процессуальных отношений, следует начать с анализа законодательных актов, регулирующих статус субъектов других процессуальных отраслей. Так, уголовно-процессуальное законодательство закрепляет виды и особенности правового статуса участников уголовного судопроизводства, что обеспечивает унифицированный подход к определению процессуального положения, а также прав и обязанностей каждого конкретного участника уголовного судебного разбирательства. При этом законодатель классифицирует участников на следующие группы: суд, участники уголовного судопроизводства со стороны обвинения, участники уголовного судопроизводства со стороны защиты и иные участники уголовного судопроизводства [4, разд. II].

Арбитражный процессуальный кодекс РФ (далее – АПК РФ) классифицирует субъектов арбитражного процесса, помимо суда, на лиц, участвующих в деле, и иных участников арбитражного процесса [1]. К лицам, участвующим в деле, в соответствии со ст. 40 АПК РФ относятся стороны; заявители и заинтересованные лица – по делам особого производства, по делам о несостоятельности (банкротстве) и в иных случаях; третьи лица; прокурор, государственные органы, органы местного самоуправления, иные органы и организации, граждане, обратившиеся в арбитражный суд в случаях, предусмотренных АПК РФ. К иным участникам арбитражного процесса относятся представители лиц, участвующих в деле, и содействующие осуществлению правосудия лица – эксперты, специалисты, свидетели, переводчики, помощник судьи и секретарь судебного заседания (ст. 54 АПК РФ). Таким образом, в АПК РФ четко установлена классификация субъектов арбитражного процесса, а также закреплены права и обязанности для каждого участника арбитражного процесса.

Схожим образом субъектный состав участников закреплен в Кодексе административного судопроизводства РФ (далее – КАС РФ) [3]. Так, КАС РФ в гл. 4 обозначает, что к субъектам административного судебного процесса относятся суд, лица, участвующие в деле, и другие участники судебного процесса. Вместе с тем конкретный состав участников, в том числе лиц, участвующих в

деле, отличается в связи со спецификой административного судопроизводства. Так, к лицам, участвующим в деле, ст. 37 КАС РФ относит стороны, взыскателя и должника по административным делам о вынесении судебного приказа, заинтересованных лиц, прокурора, а также органы, организации и лиц, которые обращаются в суд в защиту интересов других лиц или неопределенного круга лиц либо привлекаются к участию в судебном процессе для дачи заключения по административному делу. К иным участникам судебного процесса в соответствии со ст. 48 КАС РФ относятся представители лиц, участвующих в деле, а также лица, содействующие осуществлению правосудия, в том числе эксперт, специалист, свидетель, переводчик, помощник судьи, секретарь судебного заседания.

Таким образом, в АПК РФ и КАС РФ осуществлено достаточно четкое и объективное разграничение участников судебного процесса, а также обозначены критерии для соответствующей классификации: лица, участвующие в деле, представители и лица, содействующие осуществлению правосудия, к которым, помимо «традиционных» участников, таких как эксперт, специалист, свидетель, переводчик, отнесены также сотрудники суда – помощник судьи и секретарь судебного заседания.

Гражданское процессуальное законодательство подобной четкой регламентации в отношении субъектного состава соответствующего вида судопроизводства не содержит, что является основанием для разработки понятийного аппарата, классификаций и критериев в целях систематизации понимания вопроса о статусе субъектов гражданских процессуальных отношений. Очевидным является тот факт, что суд выступает в качестве обязательного субъекта гражданских процессуальных отношений, без которого собственного самого гражданского процессуального отношения и не может существовать. Процессуальный статус суда, а также перечень процессуальных действий, которые вправе и обязан осуществлять суд на разных стадиях судопроизводства при рассмотрении дела в различных инстанциях, достаточно подробно регламентированы ГПК РФ [2]. Поэтому рассмотрим более подробно классификацию иных субъектов гражданского процесса.

На основании анализа законодательных положений, большинство ученых-правоведов традиционно среди субъектов гражданского процесса выделяют три группы: суд как субъект, осуществляющий правосудие, лица, участвующие в деле, и лица, содействующие осуществлению правосудия. В основе разграничения лиц, участвующих в деле, и лиц, содействующих осуществлению правосудия, лежит наличие (или отсутствие) юридической заинтересованности в исходе дела, а также должностные обязанности, которые определяют положение конкретного субъекта в гражданском судебном процессе.

Н.А. Конорезов в работе «К вопросу о классификации субъектов гражданских процессуальных отношений» отмечает условия, которые позволяют субъекту иметь достаточный набор возможностей, чтобы считаться участником гражданско-процессуальных отношений:

1) наличие в процессуальном законе нормы права, которая позволяет индивидуальному или коллективному субъекту участвовать в конкретном процессуальном правоотношении (например, установление территориальной или предметной подсудности в отношении отдельного суда);

2) совершение действия (бездействия), которое является юридическим фактом, порождающим у лица возможность участвовать в процессуальных отношениях (например, подача искового заявления) [7].

Глава 4 ГПК РФ именуется как «Лица, участвующие в деле, и другие участники процесса». В данной главе предусмотрен возможный (но не исчерпывающий) состав лиц, которые принимают участие в гражданском судебном процессе, однако отсутствует их классификация. Так, к лицам, участвующим в деле, в силу прямого указания законодателя относятся: стороны, третьи лица (как заявляющие, так и не заявляющие самостоятельных требований), прокурор, лица, обращающиеся в суд за защитой прав, свобод и законных интересов других лиц или вступающие в процесс в интересах дачи заключения (органы государственной власти и местного самоуправления, организации или граждане по основаниям, предусмотренным действующим законодательством), а также заявители и другие заинтересованные лица по делам особого производства (ст. 35 ГПК РФ).

Исходя из категорий субъектов, отнесенных ГПК РФ к лицам, участвующим в деле, целесообразно выделить две самостоятельные группы, основное отличие которых состоит в наличии (или отсутствии) собственного интереса в исходе дела:

– лица, выступающие в защиту собственных интересов и от своего имени, к которым следует отнести стороны, а также третьих лиц, как заявляющих, так и не заявляющих самостоятельные требования относительно предмета спора, а также заявители и другие заинтересованные лица по делам особого производства;

– лица, выступающие в процессе от своего имени, но в защиту прав и законных интересов других лиц, в том числе неопределенного круга лиц. К данной категории лиц относятся прокурор, лица, обращающиеся в суд за защитой прав, свобод и охраняемых законом интересов других лиц или вступающие в процесс в целях предоставления заключения по основаниям, предусмотренным ст. 4, 46 и 47 ГПК РФ.

При этом многие ученые-правоведы рассматривают необходимость дополнения приведенного выше перечня лиц, участвующих в деле. Так, по мнению М.В. Дедюевой, к основным участникам гражданского судебного процесса следует отнести также субъекта, чьи права

нарушены судебным постановлением, и который вправе его обжаловать в апелляционном и кассационном порядке [6]. Действительно, согласно ч. 3 ст. 320 ГПК РФ апелляционную жалобу вправе подать также лица, которые не были привлечены к участию в деле и вопрос о правах и обязанностях которых был разрешен судом; право на обращение в кассационный суд общей юрисдикции согласно ч. 1 ст. 376 ГПК РФ предоставлено «другим лицам, если их права и законные интересы нарушены судебными постановлениями»; вступившие в законную силу судебные постановления могут быть пересмотрены в порядке надзора Президиумом Верховного Суда РФ по жалобам лиц, участвующих в деле, и других лиц, если их права, свободы и законные интересы нарушены этими судебными постановлениями (ч. 1 ст. 391.1 ГПК РФ).

Предоставляя право на обжалование судебных постановлений «другим лицам», законодатель не разъяснил, кто относится к данной категории лиц, каков их процессуальный статус, а также не регламентировал особенности их участия в соответствующих судебных процессах. Фактически процессуальное положение рассматриваемой категории субъектов соотносится с положением лиц, которые не были привлечены к участию в деле, однако ГПК РФ не дает ответа на вопрос, по какой причине данные лица не принимали участия в судебном процессе в рамках рассмотрения дела в суде первой инстанции, а также не регламентирует порядок и особенности доказывания наличия соответствующей заинтересованности и основания для обращения с жалобой в суд. Вместе с тем, исходя из комплексного анализа положений ГПК РФ в рассматриваемых аспектах, можно сделать вывод о том, что в случае апелляционного обжалования судебного постановления «другим лицом» данное лицо приобретает статус третьего лица, заявляющего самостоятельные требования, а при кассационном обжаловании и пересмотре судебного акта в порядке надзора «другие лица» принимают участие в исполнении судебного постановления.

Ряд авторов обращают внимание на отсутствие в перечне лиц, участвующих в деле, указания на должника и взыскателя в рамках приказного производства, несмотря на то что приказное производство является одним из самостоятельных видов гражданского процесса [8]. Действительно, приказное производство имеет свои особенности, а стороны данного процесса имеют собственное наименование (взыскатель и должник). Специальная терминология в отношении сторон приказного производства, по аналогии с особым производством, где в качестве стороны выступает заявитель, выделяет взыскателя и должника в отдельную группу, которую целесообразно обозначить как очередную категорию лиц, участвующих в деле. Следует согласиться с О.Н. Городновой и А.А. Макарушковой, которые предлагают после слов «заявители и другие заинтересованные лица по делам особого

производства» дополнить ст. 34 ГПК РФ словами «взыскатель, должник по делам приказного производства» [5].

Необходимо обратить внимание, что некоторые участники гражданского судебного процесса вообще вынесены за пределы гл. 4 ГПК РФ, несмотря на то, что присутствие в судебном процессе, к примеру, представителя, вряд ли можно назвать исключением или каким-то нераспространенным случаем. Представительству в суде посвящена отдельная гл. 5 ГПК РФ, что свидетельствует об особом статусе представителя, исключаящем по смыслу конструкции ГПК РФ его отнесение к лицам, участвующим в деле, и другим участникам процесса. Следовательно, процессуальный статус представителя в гражданском процессе как участника соответствующих отношений до настоящего времени не определен, тогда как в других процессуальных нормативных актах (АПК РФ, КАС РФ), как указывалось ранее, представители лиц, участвующих в деле, отнесены к иным участникам процесса, содействующим осуществлению правосудия. Следует согласиться с Л.В. Тумановой, которая полагает, что пришло время для внесения соответствующих новелл и придания представителю, который оказывает в процессе квалифицированную юридическую помощь, официального статуса лица, участвующего в деле [10].

Сложности, связанные с толкованием законодательных предписаний, а также постоянная модернизация отдельных институтов и положений гражданского процессуального законодательства, приводят к появлению новых субъектов, которых необходимо отнести к той или иной группе участников гражданского процесса. Так, в 2019 г. в ГПК РФ внесена гл. 22.3 «Рассмотрение дел о защите прав и законных интересов группы лиц», которая регламентирует порядок и особенности рассмотрения исковых заявлений, поданных в защиту прав и законных интересов группы лиц. Особое внимание законодатель уделяет процедурным аспектам, связанным с формированием группы лиц, а также закрепляет, что интересы группы лиц по групповому (коллективному) иску представляет лицо, которое ведет дело в интересах группы лиц (ст. 244.22 ГПК РФ) [4]. Таким образом, Кодекс закрепляет еще одного возможного участника гражданского процесса, которого необходимо отнести к категории лиц, участвующих в деле.

До настоящего времени нормативно не урегулирован вопрос, связанный с конкретным составом и процессуальным статусом лиц, содействующих в осуществлении правосудия. Очевидно, персонифицированный состав данных лиц обуславливается спецификой каждого конкретного судебного процесса, а также особенностями процессуальных позиций и стратегиями доказывания, избранными сторонами. Процессуальный статус помощника судьи регламентируется его должностными обязанностями, некоторые особенности деятельности помощника судьи предусмотрены в ст. 47.1 ГПК РФ.

Вместе с тем в гл. 4 ГПК РФ отсутствует положение о том, что в гражданском процессе могут принимать участие представитель, эксперт, свидетель, специалист, переводчик, секретарь судебного заседания. Вопросам процессуального положения представителя, как упоминалось ранее, уделена отдельная глава ГПК РФ, а процессуальный статус свидетеля и эксперта закреплен в гл. 6 ГПК РФ «Доказательства и доказывание». Об участии в судебном заседании переводчика, а также о необходимости разъяснения ему прав и обязанностей, равно как и непосредственно эти права и обязанности, перечислены в ст. 162 ГПК РФ (гл. 15 «Судебное разбирательство»).

Секретарь судебного заседания как участник гражданского процесса упоминается в контексте возможности его отвода, также в тексте ГПК РФ встречаются указания на права и обязанности секретаря в рамках судебного заседания (докладывать суду, кто из вызванных по гражданскому делу лиц явился, извещены ли неявившиеся лица и какие имеются сведения о причинах их отсутствия (ч. 2 ст. 161 ГПК РФ), составлять протокол, обеспечивать контроль за использованием в ходе судебного заседания или при совершении вне судебного заседания отдельного процессуального действия стенографирования, средств аудио- и (или) видеозаписи, систем видео-конференц-связи и (или) иных технических средств (ч. 1 ст. 230 ГПК РФ), подписывать протокол судебного заседания (ч. 4 ст. 230 ГПК РФ)), а ч. 1 ст. 164 ГПК РФ прямо называет секретаря судебного заседания в качестве участника судебного заседания.

Следует отметить, что, несмотря на столь бессистемное нормативное регулирование в отношении процессуального положения лиц, содействующих осуществлению правосудия, ГПК РФ объединяет их в одну группу в ст. 168, где предусмотрены последствия неявки на судебное заседание свидетелей, экспертов, специалистов и переводчиков. Обобщая меры ответственности, которые могут быть применены в случае неявки по неуважительной причине, законодатель не дифференцирует перечисленных субъектов, а также обозначает, что определение о продолжении судебного разбирательства или о его отложении в случае их неявки выносится с учетом мнения лиц, участвующих в деле. Следовательно, данные лица к лицам, участвующим в деле, не относятся, но и не относятся к «другим участникам процесса» в силу отсутствия прямого указания гл. 4 ГПК РФ.

Ю.А. Свирин предлагает расширить общепринятую классификацию субъектов гражданского процесса, предлагая всех субъектов гражданских процессуальных правоотношений разделить на шесть групп:

- 1) суд;

2) лица, участвующие в деле, к которым относятся стороны, третьи лица, прокурор, лица, обращающиеся в суд за защитой прав, свобод и законных интересов других лиц или вступающие в процесс для дачи заключения по основаниям, предусмотренным законом, заявители и другие заинтересованные лица по делам особого производства;

3) лица, содействующие осуществлению правосудия: свидетели, эксперты, специалисты, переводчики и представители;

4) помощник судьи, который отнесен к самостоятельным субъектам гражданского процесса в связи с тем, что его обязанности отдельно регламентированы ст. 47.1 ГПК РФ;

5) судебный примиритель в случае, если он привлечен к участию в соответствующем гражданском процессе;

б) лица, не участвующие непосредственно в судебном процессе, к которым автор относит должностных лиц и граждан, которые обязаны предоставить суду имеющиеся у них доказательства [9].

Таким образом, включая в классификацию субъектов гражданского процесса судебного примирителя, автор отмечает необходимость определения его процессуального статуса. Действительно, судебный примиритель, не имея собственного юридического интереса в исходе дела, не может быть отнесен к лицам, участвующим в деле. Однако, к лицам, содействующим осуществлению правосудия, судебный примиритель также не может быть отнесен в связи с тем, что непосредственно осуществлению правосудия он содействия не оказывает, не взаимодействует с судом в рамках судебного разбирательства и не обеспечивает разрешение спора по существу. Напротив, его деятельность направлена на урегулирование спора, поиск взаимоприемлемого для сторон решения, достижение соглашения.

Полагаем необходимым рассматривать субъектов, предусмотренных гл. 14.1. ГПК РФ (посредник, медиатор, судебный примиритель), как отдельную категорию субъектов гражданского процесса, наряду с лицами, участвующими в деле, и лицами, содействующими осуществлению правосудия. Данная категория субъектов может именоваться как «лица, содействующие примирению сторон». Участие лиц, содействующих примирению сторон, в гражданском судебном процессе, как правило, носит факультативный характер и не является обязательным, поскольку одним из главных принципов примирения сторон является принцип добровольности (ч. 2 ст. 153.1 ГПК РФ), однако исключать данных лиц из классификации субъектов гражданского процесса с учетом постепенного расширения масштабов применения примирительных процедур видится нецелесообразным.

Подводя итог, необходимо отметить, что субъекты гражданского процесса – важнейший институт, требующий детального изучения и более подробной законодательной регламентации. Отсутствие единого и системного подхода при определении процессуального статуса каждого

из участников гражданского судопроизводства способствует формированию противоречивой правоприменительной практики. Безусловно, требуется нормативное закрепление классификации субъектов гражданского процесса путем существенной переработки гл. 4 ГПК РФ, а также постоянная модернизация данной главы с учетом процессуальных преобразований и современных вызовов времени.

Список литературы

1. Арбитражный процессуальный кодекс Российской Федерации от 24.07.2002 г. № 95-ФЗ (ред. от 25.12.2023 г.) (с изм. и доп., вступ. в силу с 05.01.2024 г.) // СПС «КонсультантПлюс».
2. Гражданский процессуальный кодекс Российской Федерации от 14.11.2002 г. № 138-ФЗ (ред. от 25.12.2023 г., с изм. от 25.01.2024 г.) // СПС «КонсультантПлюс».
3. Кодекс административного судопроизводства Российской Федерации от 08.03.2015 г. № 21-ФЗ (ред. от 14.02.2024 г.) // СПС «КонсультантПлюс».
4. Афтахова А.В. Субъекты защиты прав и законных интересов группы лиц: вопросы терминологии // Вестник ТвГУ. Серия: Право. 2022. № 3 (71). С. 79-85
5. Городнова О.Н., Макарушкова А.А. Проблемы определения правового статуса лиц, участвующих в гражданско-процессуальном деле // Сибирское юридическое обозрение. 2020. Том 17, № 1. С. 134–139.
6. Дедюева М.В. Спорные вопросы судебной практики рассмотрения апелляционной инстанцией гражданских дел по правилам производства в суде первой инстанции // Российский судья. 2014. № 6. С 27–30.
7. Конорезов Н.А. К вопросу о классификации субъектов гражданских процессуальных отношений [Электронный ресурс]. URL: <https://clck.ru/38QWvS> (дата обращения: 30.01.2024).
8. Опалич Е.В. Проблемы конкретизации статуса отдельных участников гражданских процессуальных правоотношений // Арбитражный и гражданский процесс. 2016. № 6. С. 11–14.
9. Свирин Ю.А. Размышления о гражданском процессе: монография. М.: Прометей, 2022. 544 с.
10. Туманова Л.В. Субъекты гражданских процессуальных правоотношений: традиции и новации // Вестник Московского университета им. С.Ю. Витте. Серия 2. Юридические науки. 2023. № 3 (39). С. 52–57.

Об авторе:

АФТАХОВА Александра Васильевна – кандидат философских наук, доцент, доцент кафедры экологического права и правового обеспечения профессиональной деятельности ФГБОУ ВО «Тверской государственный университет» (170100, г. Тверь, ул. Желябова, 33), SPIN-код: 5140-5804, AuthorID: 32672457, e-mail: Aftakhova.AV@tversu.ru

SUBJECTS OF CIVIL PROCEDURE RELATIONS: SOME CLASSIFICATION ISSUES

A.V. Aftakhova

Tver State University, Tver

The article is devoted to the study of the issue of classification criteria for subjects of civil proceedings, taking into account the current legal regulation of participants in civil proceedings in accordance with the provisions of the Civil Procedure Code of the Russian Federation. The author analyzes the features of the procedural position of the subjects of civil proceedings. In order to form a unified, holistic and normatively regulated system of subjects of civil procedural relations, proposals have been formulated to improve the current legislation. It is proposed to expand the list of participants in civil proceedings, supplementing it with such subjects as the secretary of the court session, the person who conducts the case in the interests of a group of persons, the claimant and the debtor, as well as the judicial conciliator and mediator.

Keywords: *subject, participant, persons participating in the case, other participants in the trial, procedural status, classification.*

About author:

AFTAKHOVA Alexandra – PhD of philosophical sciences, Associate Professor, Department of Environmental Law and Legal Support of Professional Activities of the Tver State University (170100, Tver, Zhelyabova street, 33), SPIN-code: 5140-5804, AuthorID: 32672457, e-mail: Aftakhova.AV@tversu.ru.

Афтахова А.В. Субъекты гражданских процессуальных отношений: некоторые вопросы классификации // Вестник ТвГУ. Серия: Право. 2024. № 1 (77). С. 64–73.

Статья поступила в редакцию 10.02.2024 г.

Подписана в печать 14.03.2024 г.

АКТУАЛЬНЫЕ ВОПРОСЫ ТАМОЖЕННОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ

А.Б. Вобликов

ФГБОУ ВО «Тверской государственный университет», г. Тверь

Объектом исследования являются правоотношения, возникающие в связи с нарушениями законодательства в сфере таможенного дела. Предметом исследования выступают нормы уголовного, административного и таможенного права. Целью является установление пробелов в формулировках диспозиций статей уголовного законодательства о контрабанде, определений декларанта, физического лица, регламентации видов государственного контроля, осуществляемого таможенными органами и разработка предложений по устранению этих пробелов. Необходимо скорректировать диспозиции статей Особенной части Уголовного кодекса РФ о контрабанде с учетом формулировок соответствующего Постановления Пленума Верховного Суда РФ. Четкому определению подлежат понятия декларанта и физического лица. Виды государственного контроля, осуществляемого таможенными органами, нуждаются в систематизации и закреплении в едином нормативном правовом акте.

***Ключевые слова:** преступления в сфере таможенного дела, таможенные преступления, контрабанда, административные правонарушения в таможенной сфере, виды государственного контроля, осуществляемые таможенными органами.*

В официальных документах таможенных органов достаточно часто употребляется термин «контрабандообразующие составы» [8]. Как правило, этим термином обозначаются некоторые административные правонарушения, предусмотренные гл. 16 о нарушениях таможенных правил, Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях (далее – КоАП РФ) [3]. Речь идет о перемещении товаров и транспортных средств через таможенную границу с нарушением законодательства (ст. 16.1), нарушении требований к декларированию товаров и транспортных средств (ст. 16.2), несоблюдении запретов и ограничений при трансграничном перемещении товаров (ст. 16.3) и недекларировании/декларировании наличных денежных средств, перемещаемых через границу физическими лицами (ст. 16.4).

Следует отметить, что ни одна из перечисленных норм, а также норм административного законодательства в целом, не содержит определения термина «контрабанда». В данной ситуации логично было бы обращение к нормам уголовного права в связи с тем, что Особенная часть Уголовного кодекса Российской Федерации (далее – УК РФ) [2]

содержит диспозиции четырех статей, содержащих термин «контрабанда». Уголовная ответственность предусмотрена за контрабанду наличных денежных средств (ст. 200.1), контрабанду алкогольной продукции и табачных изделий (ст. 200.2), контрабанду сильнодействующих, ядовитых, отравляющих, взрывчатых, радиоактивных веществ, огнестрельного оружия или его основных частей, взрывных устройств, боеприпасов, оружия массового поражения, средств его доставки, иного вооружения, иной военной техники, а также материалов и оборудования, которые могут быть использованы при создании оружия массового поражения, средств его доставки, иного вооружения, иной военной техники, а равно стратегически важных товаров и ресурсов или культурных ценностей либо особо ценных диких животных, водных биологических ресурсов, растений и грибов (ст. 226.1), а также за контрабанду наркотических средств, психотропных веществ и их прекурсоров (ст. 229.1). Диспозицией каждой из названных статей УК РФ предусмотрено незаконное перемещение через границу предмета преступления. Этим ограничено определение контрабанды. Между тем, именно административные правонарушения, предусмотренные ст. 16.1–16.4 КоАП РФ, и преступления, предусмотренные ст. 226.1, 229.1 УК РФ, наиболее часто выявляются таможенными органами [8]. Данные о квалификации и количестве преступлений и административных правонарушений таможенной сфере (2021 г. – 9 мес. 2023 г.), приведены в табл. 1, 2.

Таблица 1

Динамика возбуждения уголовных дел о преступлениях, совершенных в сфере таможенного дела (таможенных преступлениях)

№ п/п	Уголовно правовая квалификация	Количество уголовных дел, возбужденных таможенными органами		
		2021 г.	2022 г.	9 мес. 2023 г.
1	Всего	2041	1847	1527
2	Ст. 229.1 УК РФ «Контрабанда наркотических средств, психотропных веществ, их прекурсоров или аналогов, растений, содержащих наркотические средства, психотропные вещества или их прекурсоры, либо их частей, содержащих наркотические средства, психотропные вещества или их прекурсоры, инструментов или оборудования, находящихся под специальным контролем и используемых для изготовления наркотических средств или психотропных веществ»	262	156	127

3	Ст. 226.1 УК РФ «Контрабанда сильнодействующих, ядовитых, отравляющих, взрывчатых, радиоактивных веществ, радиационных источников, ядерных материалов, огнестрельного оружия или его основных частей, взрывных устройств, боеприпасов, иного вооружения, иной военной техники, а также сырья, материалов, оборудования, технологий, научно-технической информации или результатов интеллектуальной деятельности, которые могут быть использованы при создании вооружения или военной техники, а равно стратегически важных товаров и ресурсов или культурных ценностей либо особо ценных диких животных, водных биологических ресурсов, растений и грибов»	742	704	648
4	Ст. 200.2 УК РФ «Контрабанда алкогольной продукции и (или) табачных изделий»	87	55	54
5	Ст.200.1 УК РФ «Контрабанда наличных денежных средств и (или) денежных инструментов»	99	103	60
6	Ст. 194 УК РФ «Уклонение от уплаты таможенных платежей, специальных, антидемпинговых и (или) компенсационных пошлин, взимаемых с организации или физического лица»	349	344	229
7	Ст. 193 УК РФ «Уклонение от исполнения обязанностей по репатриации денежных средств в иностранной валюте или валюте Российской Федерации»	32	32	12
8	Ст. 193.1 УК РФ «Совершение валютных операций по переводу денежных средств в иностранной валюте или валюте Российской Федерации на счета нерезидентов с использованием подложных документов»	140	147	154
9	Ст. 189 УК РФ «Незаконные экспорт из Российской Федерации или передача товаров или технологий, вооружения или военной техники, незаконное выполнение работ либо незаконное оказание услуг, в отношении которых установлен экспортный контроль»	2	3	-
10	Ст. 174.1 УК РФ «Легализация (отмывание) денежных средств или иного имущества, приобретенных лицом в результате совершения им преступления»	8	9	5
11	Ст. 173.1 УК РФ «Незаконное образование (создание, реорганизация) юридического лица»	124	100	65
12	Ст. 173.2 УК РФ «Незаконное использование документов для образования (создания, реорганизации) юридического лица»	196	190	172

Таблица 2

Динамика возбуждения административных дел о правонарушениях,
совершенных в сфере таможенного дела
(нарушения таможенных правил)

№ п/п	Административно правовая квалификация	Количество дел об административных правонарушениях, предусмотренных гл. 16 КоАП РФ, возбужденных таможенными органами		
		2021 г.	2022 г.	9 мес. 2023 г.
	Всего дел об административных правонарушениях, предусмотренных гл. 16 КоАП РФ	81 791	85 906	69381
1	Ст. 16.2 КоАП РФ	30 336	25 190	49 472
2	Ст. 16.3 КоАП РФ	13 273	14 464	

В результате анализа данных Федеральной таможенной службы Российской Федерации о правоохранительной деятельности таможенных органов за 2021 г., 2022 г., 9 мес. 2023 г. [8] установлено, что таможенными органами наиболее часто возбуждаются уголовные дела о контрабанде по признакам ст. 229.1, 226.1, 200.1, 200.2 УК РФ. Наибольшее количество дел об административных правонарушениях, предусмотренных гл. 16 КоАП РФ, о нарушении таможенных правил, возбужденных таможенными органами за анализируемый период – дела о правонарушениях, предусмотренных ст. 16.1–16.4 КоАП РФ, т. е. о так называемых «контрабандообразующих составах». Следует отметить значительное количество уголовных дел, возбуждаемых таможенными органами РФ по признакам ст. 194 УК РФ об уклонении от уплаты таможенных платежей. Данное уголовно наказуемое деяние также напрямую связано с административными правонарушениями о незаконном трансграничном перемещении товаров и денежных средств, не образующими состав преступления, предусмотренного Особенной частью УК РФ, в частности, при перемещении товаров, не отнесенных законом к предметам преступления. Например, должностными лицами Астраханской таможни в грузовом автомобиле, прибывшем на таможенную территорию, обнаружена партия детских электромобилей без документов, без уплаты таможенных пошлин и налогов. Их ориентировочная рыночная стоимость превышает 10 млн рублей [8], подлежащие уплате таможенные платежи превышают 2 млн рублей. Таким образом, незаконное перемещение товаров подлежит квалификации как административное правонарушение, а уклонение от уплаты таможенных платежей в крупных размерах – как преступление, предусмотренное ст. 194 УК РФ. Значительное количество правонарушений, связанных с контрабандой, требует четкой формулировки ее понятия и содержания. Административное

законодательство содержит определение некоторых признаков незаконного перемещения товаров [3]: это перемещение товаров и транспортных средств международной перевозки через границу помимо установленных мест. Учитывая тот факт, что в диспозиции ст. 16.1 КоАП РФ содержится указание на перемещение через таможенную границу, на таможенную территорию и нет упоминания о государственной границе Российской Федерации и ее территории, то следует отметить наличие существенного недостатка этой формулировки. В соответствии с таможенным законодательством Евразийский экономический союз (далее – Союз) не имеет внутренних таможенных границ. Внешние границы Союза могут не совпадать с границами входящих в него государств. Следовательно, законодателем предусмотрено правонарушение, связанное с незаконным перемещением через внешние границы Евразийского экономического союза. Нарушение государственных границ возможно при толковании в этом качестве упомянутых в диспозиции статьи иных мест, предназначенных для перемещения товаров, установленных законодательством государств-членов Союза. Характерными и бесспорными для контрабанды являются признаки перемещения товаров в тайниках (в том числе с использованием конструктивных особенностей транспортных средств), перемещение одних товаров под видом других (растворение порошкообразных веществ в жидкой среде, товаров в разобранном виде под видом запасных частей и т. д.), а также подделка документов и средств идентификации. Некоторые из этих признаков могут быть учтены при уточнении диспозиции статей Особенной части УК РФ, предусматривающих ответственность за совершение контрабанды. Впрочем, обращаясь к истории вопроса, следует отметить, что признаки перемещения товаров с сокрытием от таможенного контроля, с обманным использованием средств идентификации и документов, недостоверным декларированием товаров или их недекларированием содержались в утратившей силу ст. 188 УК РФ о контрабанде. В действующем уголовном законодательстве, как уже отмечено выше, диспозиция контрабанды содержит лишь указание на незаконное перемещение через границу предусмотренных соответствующей статьей Особенной части УК РФ предметов данного преступления. В связи с этим обстоятельством, Пленум Верховного Суда Российской Федерации выступил с разъяснениями вопросов о квалификации деяний, содержащих составы контрабанды, предусмотренные ст. 200.1, 200.2, 226.1, 229.1 УК РФ. В своем Постановлении Пленум Верховного Суда РФ [5] определил такие важнейшие параметры незаконных действий, как трансграничное перемещение товаров и иных предметов с использованием понятий таможенной территории Союза и территории Российской Федерации, в то время как диспозиции указанных статей Особенной части УК РФ

содержат такие понятия, как граница Таможенного союза, Государственная граница Российской Федерации с государствами-членами Таможенного союза. В ныне действующих нормативных правовых актах актуален не Таможенный союз, а Евразийский экономический союз. Постановлением Пленума незаконным признается перемещение товаров не в установленных таможенными органами местах. Таким образом, исключается необходимость конкретизации специфических понятий таможенной границы и таможенной территории. Способы совершения анализируемых деяний включают сокрытие товаров от таможенного контроля, недекларирование, предоставление таможенным органам ложных сведений в таможенных и иных документах, недостоверных деклараций, поддельных идентификационных средств. Способы сокрытия от таможенного контроля товаров многочисленны. Пересылка в международном почтовом отправлении тибетской ритуальной флейты, изготовленной из бедренной кости человека. Перемещение под видом пятнистых котят двух четырехмесячных детенышей редкого вида африканского сервала, который попадает под действие Конвенции СИТЕС. Попытка ввезти коммерческую партию из 22 смартфонов Apple и Samsung под национальным бурятским матерчатым поясом бус. Перемещение коммерческой партии табачных изделий в специально выдолбленных выемках древесины. Попытка вывоза из Тюмени в Швейцарию турмалина «Параиба», массой 10,32 карата, цена которого превышает 400 тыс. рублей, в документах обозначенного как «аксессуар» стоимостью один доллар. Ввоз из Баку незадекларированных ювелирных изделий известных брендов общей стоимостью 10 млн рублей – наручных часов Bvlgari, кольца Grisogono и серег Graf, а также закрепленного в золотое кольцо синего сапфира. Приведенные разнообразные способы сокрытия от таможенного контроля товаров выявлены только за январь 2024 г. [8].

Изложенное, а также практические аспекты выявления и пресечения контрабанды [7], свидетельствуют о том, что детальная конкретизация способов совершения преступлений в диспозициях статей Особенной части УК РФ, предусматривающих ответственность за контрабанду, невозможна. Представляется необходимой и оправданной корректировка диспозиций с использованием формулировок, содержащихся в Постановлении Пленума Верховного Суда РФ [5]. Следует отметить некоторое сходство части указанных формулировок с текстом диспозиции ст. 16.1 КоАП РФ о незаконном трансграничном перемещении товаров и транспортных средств международной перевозки. Содержание диспозиции ст. 16.2 КоАП РФ о нарушениях таможенных правил при декларировании товаров конкретизировано в достаточной степени. Недекларирование товаров, когда в отношении товаров, подлежащих обязательному

декларированию, не произведена подача декларации, либо декларация подана ненадлежащей формы. Законодателем в этом случае не указан вид декларации, а их четыре (декларация на товары, транзитная декларация, декларация на транспортное средство, пассажирская таможенная декларация), в то время как форма может быть электронной и письменной. Представляется, что нарушение таможенных правил состоит не только в несоблюдении необходимой формы декларирования, но и в предоставлении декларации ненадлежащего вида. Недостоверное декларирование – заявление в декларации неверного кода товарной номенклатуры внешнеэкономической деятельности, ложных сведений о товарах. Данные положения важно учитывать не только при квалификации административных правонарушений в сфере таможенного дела, но и таможенных преступлений. Субъектом декларирования, в том числе недостоверного декларирования, является декларант. Таможенный кодекс Евразийского экономического союза (далее – ТК ЕАЭС) [1] в ст. 2 «Определения» обозначает в качестве декларанта лицо, которое декларирует товары, либо лицо, от имени которого декларируются товары. К категории товаров не относятся транспортные средства международной перевозки, подлежащие декларированию (п. 51 ст. 2). Для декларирования этих объектов применяется декларация на транспортное средство (ст. 105). Следовательно, декларант декларирует не только товары, но и транспортные средства международной перевозки. Транспортные средства международной перевозки должны быть указаны в п. 32 ст. 2 «Таможенная декларация» и п. 35 ст. 2 «Таможенное декларирование». В декларации на товары, в соответствии со ст. 106, должны быть указаны сведения о таможенной процедуре. При перемещении через таможенную границу товаров в международных почтовых отправлениях, трубопроводным транспортом и по линиям электропередачи, а также при перемещении припасов, они (товары) не подлежат помещению под таможенные процедуры, но необходимость их декларирования сохраняется.

Из общего количества дел об административных правонарушениях в сфере таможенного дела 31,8 % возбуждено в отношении физических лиц (45,6 % приходится на юридических лиц, 13,1 % – на должностных лиц, 9,2 % – на лиц, осуществляющих предпринимательскую деятельность без образования юридического лица, и 0,1 % – на неустановленных лиц) [8]. Понятие физического лица в правовой ситуации, связанной с привлечением его к административной и уголовной ответственности, обусловлено, если коротко, признаками достижения возраста привлечения к ответственности и вменяемости. Однако при осуществлении таможенными органами контроля перемещения через таможенную границу товаров для личного пользования физическими лицами этот термин имеет иное наполнение.

Не соответствуют пониманию термина «физическое лицо» в таможенном праве и положения гл. 3 Гражданского кодекса РФ «Граждане (физические лица)». В таможенном законодательстве, при возникновении вышеуказанной правовой ситуации, физическое лицо – это гражданин страны Евразийского экономического союза (России, Белоруссии, Казахстана, Армении, Киргизии), иностранный гражданин, лицо без гражданства, перемещающие через таможенную границу товары для личного пользования. Таким образом, наличие или отсутствие гражданства какого-либо государства не является критерием физического лица. Основной признак физического лица в таможенном праве при перемещении через таможенную границу товаров – перемещение им через таможенную границу товаров для личного пользования, а не для коммерческих целей. Ввоз товаров физическими лицами осуществляется в сопровождаемом и несопровожаемом багаже. При этом товары для личных нужд стоимостью до 1 000 евро и весом до 31 кг не облагаются таможенными платежами. При превышении необходимо заполнение пассажирской декларации и уплата 30 % единого таможенного платежа. На физических лиц налагается обязанность декларирования при ввозе и вывозе запрещенных и ограниченных к перемещению через границу товаров (гражданского оружия, культурных ценностей, алкоголя, табачных изделий, лекарств, содержащих наркотические и психотропные вещества, и др.) и прилагать разрешение на их перемещение. Нарушение требований таможенного законодательства физическими лицами может быть квалифицировано как административное правонарушение (нарушение таможенных правил) или, в зависимости от конкретных обстоятельств, как уголовно наказуемое деяние.

Правонарушения в таможенной сфере выявляют уполномоченные должностные лица таможенных органов при осуществлении таможенного и других видов государственного контроля. Понятие и содержание таможенного контроля регламентировано в достаточной мере [6]. Осуществление таможенными органами иных видов государственного контроля требует исследования. Обязанность таможенных органов осуществлять различные виды государственного контроля не сосредоточена в едином нормативном правовом акте, а содержится в различных нормах Таможенного кодекса Евразийского экономического союза и нормах национального законодательства. Осуществление экспортного, радиационного и иных, предусмотренных национальным законодательством, видов государственного контроля обозначено в качестве функции таможенных органов п. 8 ч. 2 ст. 351 ТК ЕАЭС. Федеральный закон от 03.08.2018 г. № 289-ФЗ «О таможенном регулировании в Российской Федерации» [4] в п. 3 ч. 2 ст. 254 наделяет таможенные органы Российской Федерации функцией валютного контроля. Таможенные органы Российской Федерации, в соответствии с

нормами Федерального законодательства РФ и подзаконными нормативными актами, осуществляют также санитарно-карантинный контроль, ветеринарный контроль, фитосанитарный контроль, транспортный контроль автомобильных транспортных средств международной перевозки (табл. 3).

Таблица 3

Правовое регулирование видов государственного контроля, осуществляемого таможенными органами

№ п/п	Вид государственного контроля, осуществляемого таможенными органами.	Нормативные правовые акты, регламентирующие осуществление видов государственного контроля таможенными органами
1	Таможенный контроль	Таможенный кодекс ЕАЭС, Федеральный закон «О таможенном регулировании в Российской Федерации»
2	Экспортный контроль	Таможенный кодекс ЕАЭС, Федеральный закон РФ «Об экспортном контроле»
3	Валютный контроль	Федеральный закон «О таможенном регулировании в Российской Федерации», Федеральный закон «О валютном регулировании и валютном контроле»
4	Радиационный контроль	Таможенный кодекс ЕАЭС, Федеральный закон «Об использовании атомной энергии», Постановление Правительства РФ «Об утверждении Правил организации системы государственного учета и контроля радиоактивных веществ и радиоактивных отходов»
5	Санитарно-карантинный контроль	Федеральный закон «О внесении изменений в отдельные законодательные акты РФ в связи с передачей полномочий по осуществлению отдельных видов контроля таможенным органам РФ». Постановление Правительства РФ «Об утверждении правил осуществления санитарно-карантинного контроля в пунктах пропуска через государственную границу РФ»
6	Ветеринарный контроль	Федеральный закон от «О внесении изменений в отдельные законодательные акты РФ в связи с передачей полномочий по осуществлению отдельных видов контроля таможенным органам РФ». Постановление Правительства РФ «Об утверждении правил осуществления государственного ветеринарного надзора в пунктах пропуска через государственную границу РФ»,
7	Фитосанитарный контроль	Федеральный закон «О внесении изменений в отдельные законодательные акты РФ в связи с передачей полномочий по осуществлению отдельных видов контроля таможенным органам РФ». Постановление Правительства РФ «Об утверждении правил осуществления государственного карантинного фитосанитарного контроля в пунктах пропуска через государственную границу РФ»

8	Транспортный контроль	Федеральный закон «О внесении изменений в отдельные законодательные акты РФ в связи с передачей полномочий по осуществлению отдельных видов контроля таможенными органами РФ». Федеральный закон «О государственном контроле за осуществлением международных автомобильных перевозок и об ответственности за нарушение порядка их выполнения»
---	-----------------------	---

Исследование показало, что виды государственного контроля, осуществляемого таможенными органами, нуждаются в систематизации и закреплении в едином нормативном правовом акте.

Список литературы

1. Таможенный кодекс Евразийского экономического союза (ред. от 29.05.2019 г., с изм. от 18.03.2023 г.) (приложение № 1 к Договору о Таможенном кодексе Евразийского экономического союза) // СПС «КонсультантПлюс».

2. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 г. № 63-ФЗ (ред. от 25.12.2023 г.) (с изм. и доп., вступ. в силу с 30.12.2023 г.) // СПС «КонсультантПлюс».

3. Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях от 30.12.2001 г. № 195-ФЗ (ред. от 25.12.2023 г.) (с изм. и доп., вступ. в силу с 05.01.2024 г.) // СПС «КонсультантПлюс».

4. Федеральный закон от 03.08.2018 г. № 289-ФЗ «О таможенном регулировании в Российской Федерации и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» // СПС «КонсультантПлюс».

5. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 27.04.2017 г. № 12 (ред. от 11.06.2020 г.) «О судебной практике по делам о контрабанде» // СПС «КонсультантПлюс».

6. Вобликов А.Б. Направления совершенствования таможенного контроля // Вестник ТвГУ. Серия: Право. 2020. № 4 (64). С. 30–36.

7. Яковлева Н.Г., Огаркова Н.О. Практические аспекты выявления и пресечения контрабанды культурных ценностей // Вестник ТвГУ. Серия: Право. 2023. № 4 (76). С. 145–157.

8. Федеральная таможенная служба Российской Федерации // Официальный сайт. URL: <https://customs.gov.ru/> (дата обращения: 22.01.2024).

Об авторе:

ВОБЛИКОВ Андрей Борисович – кандидат философских наук, доцент кафедры конституционного, административного и таможенного права Тверского государственного университета (170100, г. Тверь ул. Желябова,33); SPIN-код:7021-8090, e-mail: jurfaktver_nauka@mail.ru

CURRENT ISSUES OF CUSTOMS REGULATION

A.B. Voblikov

Tver State University, Tver

The object of the study is legal relations arising in connection with violations of legislation in the field of customs. The subject of the study is the norms of criminal, administrative and customs law. The aim is to identify gaps in the wording of the dispositions of articles of criminal legislation on smuggling, definitions of the declarant, an individual, regulation of types of state control carried out by customs authorities and the development of proposals to eliminate these gaps. It is necessary to adjust the dispositions of the articles of the Special Part of the Criminal Code of the Russian Federation on smuggling, taking into account the wording of the relevant Resolution of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation. The concepts of a declarant and an individual are subject to a clear definition. The types of state control carried out by customs authorities need to be systematized and consolidated in a single regulatory legal act.

Keywords: *crimes in the field of customs, customs crimes, smuggling, administrative offenses in the customs sphere, types of state control carried out by customs authorities.*

About author:

VOBLIKOV Andrey – PhD of philosophical sciences, associate Professor, Department of constitutional, administrative and customs law, Tver State University (33 Zhelyabova str., Tver, 170100), SPIN-код:7021-8090, e-mail: jurfaktver_nauka@mail.ru

Вобликов А.Б. Актуальные вопросы таможенного регулирования // Вестник ТвГУ. Серия: Право. 2024. № 1 (77). С. 74–84.

Статья поступила в редакцию 10.02.2024 г.
Подписана в печать 14.03.2024 г.

УДК 342.4

DOI: 10.26456/vtpravo/2024.1.085

К КОНСТИТУЦИОННОЙ ТЕОРИИ ГОСУДАРСТВЕННЫХ ФУНКЦИЙ¹

В.И. Крусс

ФГБОУ ВО «Тверской государственный университет», г. Тверь

В статье намечена проблема актуализации отечественной теории и методологии права под знаком общего принципа верховенства Конституции РФ. С позиций конституционного правопонимания предметом исследования определен институт государственных функций, которые предлагается понимать как конституционные публично-властные полномочия широкого круга лиц. Категория функционального полномочия выражает сущность публичного властвования в конституционном государстве. В методологическом плане такой подход обеспечивает необходимую объективацию государственных функций для предметно взвешенной конституционно-правовой оценки их осуществления. Обосновываются сущностные критерии публично-властных функций в российской правовой системе и дается их рабочая классификация.

Ключевые слова: *верховенство Конституции РФ, публично-властные функции, права и свободы человека и гражданина, конституционные ценности.*

Состояние современной отечественной теории права и государства, при любой объективной композиции вводных, следует признать незавидным. Проблемы, поставленные перед гуманитарными науками всплеском глобальной конфронтации, болезненно отразились на профессиональном правосознании теоретиков права. Информационная эскалация делает «зарезервированные» за ними вопросы предметом «делиберативной» дискуссии официальных и обезличенных персонажей – от экспертов до блогеров. Неясно, что особенного в такой ситуации может добавить теория, имеющая «общенаучное значение для юриспруденции в целом» [7, с. 1–3], к высказываниям политологов, социологов, экономистов, международников, а равно и вездесущих «лидеров общественного мнения». Это заметно и в отношении известных ученых, вновь, спустя три десятилетия, вернувшихся на стадию критической переоценки идеологем, так или иначе предопределяющих перспективы концептуального самоопределения, и немногочисленных в целом представителей нового поколения ученых-юристов. Последним к тому же приходится преодолевать аффекты девальвации познавательной ценности рациональной метафизики и

¹ Статья подготовлена при технической поддержке СПС «КонсультантПлюс».

логоцентризма. Большинство публикаций последнего времени «с грифом» теории права видятся нам написанными как бы по инерции, что заметно, в том числе, по реакции представителей отраслевых юридических дисциплин, все более уверяющихся в своей научной самодостаточности. С тем же, по-видимому, связано и имеющее мало общего с междисциплинарной интеграцией стремление представителей смежных научных сфер подвести под теоретико-правовой титул свои «размышления о многом» [9].

Алармистская тональность приведенных суждений купируется (во всяком случае, для автора) убеждением, что хотя «мир права уже не будет прежним» [2, с. 385–399], тот же самый ход событий послужит, причем в близкой исторической перспективе, «реабилитации» теоретико-правового знания, как необходимого компонента всеобъемлющего преобразования России в статусе «сильного», а значит, прежде всего, суверенного государства-цивилизации, призванного к особой, всечеловеческого значения миссии. Неизбежное преобразование потребует ответственного следования всенародно признанному принципу верховенства права в его онтологическом развитии и институциональном воплощении – как принципа верховенства национальной Конституции. Полноценное научное содействие тому способна предложить только конституционная теория и методология права. Исходя из чего и следует, безотносительно к конъюнктуре обстоятельств, заниматься обработкой элементов («блоков») названной теории, включая наименее «популярные» с позиций их устоявшейся и не обещающей эвристических прорывов «общеизвестности». Опираясь на непосредственно доступную нам эмпирическую базу научной и преподавательской деятельности, к числу таких объектов полагаем уместным отнести проблематику государственных функций. Которая раскрывается как институциональный блок конституционной теории публично-властных функций в конституционном государстве.

В отечественной науке права выделяются два подхода к понятию функции государства. Первый, по сути, государствоведческий подход, фактически унифицирован в учебной литературе и основывается на представлении о функциях государства как основных (наиболее важных и устойчивых) направлениях его деятельности [10, с. 25]. Если главным моментом государственного функционирования полагают не фактическое, а должное, тогда говорят уже не о направлениях, а о проявлениях его деятельности, что в содержательном плане ничего не меняет [11, с. 80–82]. Сохраняется модель восприятия и там, где на «место» государства, из сугубо концептуальных соображений, ставится такой «обезличенный» в целом субъект, как юридическая практика [4, с. 236–237]. С позитивистскими определениями государственных функций соглашаются даже приверженцы постклассической

познавательной парадигмы и феноменологического правопонимания [8, с. 529–530]. Нельзя не учитывать, между тем, что история такой «популярности» уходит корнями в советское время. Причем, согласно принятой тогда типологии государств, речь шла об основных функциях социалистического государства. И вплоть до начала «коррекции» официальной (марксистской) идеологии в период перестройки постулировалось, что социалистическое государство неизменно по своей классовой сущности (диктатура пролетариата). Согласно трудам К. Маркса и Ф. Энгельса, основными функциями (направлениями деятельности) такого государства признавались подавление сопротивления классовых врагов и социалистическое преобразование общества. Идеино-политическое развитие этой установки привело к содержательному уточнению функций применительно к двум фазам (этапам) развития социалистического государства, ключевым моментом смены которых И.В. Сталин назвал ликвидацию эксплуататорских классов. Для второго этапа коммунистического строительства ученые юристы преобразовали эту задачу в функцию охраны социалистической собственности от воров и расхитителей народного добра. Отчасти корректировку претерпело и охранительно-созидательное направление, включающее оборону страны и хозяйственно-организаторскую и культурно-воспитательную работу государственных органов «на основе народнохозяйственных планов» [3, с. 210–212, 221–222].

Для актуальной научно-теоретической конституционализации [5] научный интерес в советском наследии представляет «объемное» обобщение созидательных (позитивных) функций государства, успешное осуществление которых объявлялось условием построения коммунистического общества [3, с. 237]. С одной стороны, обозначенное масштабирование выглядит конструктивным на фоне стремления современных авторов утвердить непременно «свою» классификацию государственных функций – всё более развернутую и диверсифицированную. С другой стороны, открыто коррелируя сущности исторического типа классового (социалистического) государства, советское правоведение учитывало и повсеместную (внеисторическую) модель государственного воздействия на общественную жизнь. Признавая, тем самым, актуальность институционально-административного и социально-психологического образа государства и универсальной методологии публичного властвования (централизация, бюрократическая субординация, общественное признание, сочетание принуждения и дозволения). Эти обобщения можно и нужно учитывать при детализации функций конституционного государства. Как и объективную необходимость экстраполяции таких функций на публично-властные органы. Исходя из того, что в практическом плане функционирование государства всегда выражается в деятельности представляющих его (аффилированных с

ним) органов и лиц. Множество таких субъектов и решаемых ими задач изначально намечает проблему функциональной координации, взаимодействия, исключения дублирования и, самое главное, разрешения противоречий в отношении сути конституционного целеполагания.

Второй подход ассоциируется с юридическим типом правопонимания, как принципиально противостоящим советской догматике. Гораздо важнее, однако, что внутренняя логика этого подхода ведет на конституционный уровень. Здесь функции государства понимаются не отвлеченными от юридического концепта действительности направлениями, но как правовые формы государственной деятельности. Подчеркивается, что динамический аспект выражает сущность именно правового государства, смешивать функции которого со сферами его деятельности некорректно. Фокусируясь на социальных проекциях, мы рискуем «потерять», упустить из виду правовой критерий. Этатизм (государственный произвол) не менее функционален, но противоречит принципу верховенства права. Тогда как для юридической науки важно, чтобы публично-властные функции оставались правовыми, безотносительно к тому, о какой сфере общественной жизни идет речь (что не отрицает специфики умозрительно обособленных областей).

Осознавая принципиальное различие названных подходов, отдельные авторы предлагают разделять государственные функции как направления (объекты) воздействия, с одной стороны, и как юридические (организационно-правовые) формы осуществления этих функций, с другой стороны [12, с. 116–120, 126]. Научная цель такого компромисса увязывается, как правило, с характеристиками правового государства. Однако без присущего юридическому правопониманию онтологического погружения в природу последнего, а также и без разъяснения тавтологических издержек.

Конституционное правопонимание учитывает обе названные выше трактовки функций государства, но и существенно отходит от каждой из них. Решающим образом потому, что этот концепт сосредоточен на той стадии политической эволюции, когда «из» правового государства возникает государство конституционное. Для теории функций конституционного государства актуально их последовательное соотношение с его сущностью. Правовая форма безусловно значима здесь не только принципиально, но и в плане легитимности. Любые теоретические суждения об объективном характере государственных функций, как обусловленных социально-историческими факторами и потребностями, теряют решающее значение. Эволюция общественных потребностей не может входить в противоречие с национальной Конституцией. Легитимные государственные функции должны быть конституционно объективированы. И столь же необходимо они

оказываются содержательно predeterminedными и конкретизированными по направлениям властной деятельности – сущностно однородной в конституционном спектре целей и задач. Понятийно-категориальное отображение названных признаков обеспечивает переход от понятия абстрактной функции государства к категории конституционной публично-властной функции.

Конституционная методология не только ведет к отказу от сложившихся стереотипов, но и включает его обоснование. Названная понятийно-категориальная новация связана с рядом предпосылок. Прежде всего, это конституционно значимое различие государства в узком и широком смыслах. Конституционные публично-властные функции сущностно-содержательным образом соотносятся не только с государством, его институтами, органами, организациями и представляющими их лицами, но и с властным уровнем местного самоуправления, а также с теми негосударственными субъектами права, которым отдельные функции могут легитимно делегироваться. Предлагаемое понятие коррелирует каждому из этого широкого круга субъектов права и позволяет концентрировать внимание не на самих субъектах, а именно на функциях. Нераздельно связанных с местом и ролью этих субъектов в национальной правовой системе (т.е. с их конституционным статусом). Функции, тем самым, объективируются в значении правовых элементов, что и определяет возможность их осмысления и анализа с учетом общего требования конституционности.

Не менее важно, что переход к вновь предлагаемому понятию позволяет перестать «закрывать глаза» на синонимическое сопряжение терминов «действие» и «функционирование», а также на то обстоятельство, что «направление действия» может оставаться целью, не претворяясь в акт. В то время как конституционное государство не может статично бездействовать в общественной сфере, а равно и значительно уклоняться от легитимно и принципиально определенного ему национальной Конституцией вектора целей и задач. В полной мере такое – динамическое – долженствование проецируется на все обозначенные выше субъекты права. И наиболее точно смысл функционального конституционного долженствования выражает активно используемое в юридическом тезаурусе понятие полномочия. Неслучайно именно о полномочиях начинают говорить те вдумчивые позитивисты, которые стремятся увязать специфику государственных функций с правовыми (организационно-правовыми) формами их осуществления [6]. К сходному отображению тяготеет и постклассический образ государства, представленного, в том числе, «действиями конкретных носителей властных полномочий» [13, с. 528–529].

Конституционное полномочие содержит идею сложной (комплексной) потенциальной и актуальной возможности,

представленной суммой конкретизированных полномочий (субъективно-статусных прав). Это равно касается государства, его легитимных представителей и специально уполномоченных лиц. В юридическом плане осуществление полномочия выражается в реализации полномочий, однако не исчерпывается каждым таким актом в конкретном правоотношении. Любое конституционное полномочие бессмысленно помимо реализации, но допускает только конституционно обоснованные меры и средства достижения искомого результата. Оно «раскрывается» практически через возможные и необходимые формы (способы) деятельности в тех или иных сферах общественной жизни.

Подчеркнем также, что конституционные полномочия исключают «автоматическое» осуществление. Хотя бы к тому и влекли уполномоченного субъекта «ординарные» деформации его правосознания или, например, социальные и технологические риски и вызовы (бюрократизации, цифровизации). Функциональное публичное властвование, все равно «традиционное» или «инновационное», должно проходить осознанно и с учетом компонента, который определяется как конституционная дискреция (усмотрение) государства и/или аффилированного с ним уполномоченного лица. Причем усмотрение относится и полномочному бездействию, хотя такое публично-властное реагирование преимущественно дисфункционально и неконституционно. Тем не менее особая полнота конституционной функциональности может проявлять себя и в особых (объективно не наблюдаемых) актах взвешенного признания правомерной (конституционной) и безопасной гражданской активности.

Наряду со сказанным, восприятие конституционных публично-властных функций как полномочий не предполагает отказа от укорененного в отечественной юридической теории и практике понятия «функция» (от лат. *function* – отправление, деятельность) и не диктует безусловного изъятия (редактуры) соответствующего термина из легальных источников, текстов права. Речь идет о концептуальном уточнении сугубо онтологического и научно-методологического порядка. Однако в конституционно-теоретическом плане понятие публично-властного полномочия наиболее отвечает природе правового и конституционного государства. И потому если не исключает саму возможность, то значительно снижает риски произвольного и иного неконституционного публично-властного функционирования (принятия и реализации решений). В этой связи предлагаемое понятие «заслуживает» признания в качестве теоретико-методологической категории конституционной науки права.

Именно категории в научно-теоретическом дискурсе противостоят издержкам прямых и скрытых плеоназмов и тавтологии. В

рассматриваемой проблематике это касается ряда важных для конституционной лингвистики различий.

Во-первых, в конституционном государстве публично-властное полномочие всегда содержательно определяется не только возможностями (правами), но и обязанностями. Включая всеобщую основную обязанность соблюдать национальную Конституцию. Номинальное установление конституционных обязанностей самого государства, а также его конституционно определенных органов, позволяет говорить о наличии соответствующих публично-властных функций. В России, в частности, речь идет, прежде всего, о функции признания, соблюдения, защиты и обеспечения прав, свобод и обязанностей человека и гражданина (ст. 2, ч. 2 ст. 6, ст. 18 Конституции РФ). В полной мере это полномочие-обязанность проецируется на иные ценности, номинально и внутренне (эксплицитно и имплицитно) отраженные и укорененные в тексте Конституции РФ. Применительно же к человеку и гражданину оно обуславливает синхронный переход к корреспондирующему понятию конституционного полномочия личности. Что, в свою очередь, выступает основанием целостного блока теории конституционного правоупотребления как основной формы реализации современного права [6].

Во-вторых, функциональную нагрузку содержат конституционные характеристики государства, в том числе качественно, структурно и принципиально основополагающие. Таковыми являются, в частности, определения конституционных государств как демократических, правовых, социальных и светских. Равным образом проявляет себя в государственных функциях конституционное закрепление формы правления и государственного устройства, принципов разделения властей, идеологического многообразия или экономической свободы и др. Каждый соответствующий признак, функционально значимый компонент структуры или принцип, будучи отображенным в национальной Конституции, воплощает и определенный модус надлежащего (должного) государственного функционирования. Аналогичным образом проявляют себя и номинальные конституционные характеристики высших органов государственной власти и должностных лиц.

Отдельного упоминания заслуживает свойство национальных Конституций текстуально объединять базовые характеристики и требования к государствам посредством понятийно-категориального и/или номинального внутривидового обособления. Например, в гл. 1 и 2 Конституции РФ закреплены, соответственно, основы конституционного строя и основы правового статуса личности. Необходимое подчинение и функциональное следование государства названным конституционным основам образует композиционный «центр» его полномочий. Компоненты этого «центра» – даже ввиду

терминологической синонимии – «приходится» выделять как основные конституционные полномочия государства.

В-третьих, немаловажно определиться и в отношении конституционного понятия предмета ведения. Его аутентичное назначение сопряжено с конституционно значимыми особенностями национальной системы и структуры публичной власти и властных органов в федеративном государстве. Исчерпывающая экспликация конституционных публично-властных функций должна учитывать территориальную организацию власти в федерациях, в состав которых входят такие властные фигуранты, как субъекты федерации. Для этих субъектов и их властных органов национальные Конституции также определяют функциональный вектор посредством установления полномочий и разграничения предметов ведения. При этом публично-властные полномочия субфедерального уровня не предполагают исчерпывающего содержательного выражения, характеризуя, главным образом, функциональность совместную, в том числе делегированную и факультативную. Допустимое и условное (с учетом общего требования сущностной конституционности) «исключение» такого рода составляют законодательные конкретизации собственных предметов ведения субъектов федерации.

Обобщая сказанное, приходим к исчерпывающей экспликации видов (категорий) публично-властных полномочий (функций) в конституционном государстве:

1. Основные конституционные полномочия (функции) – непосредственно (номинально) обозначенные в национальной Конституции, в том числе с применением бланкетных отсылок, полномочия суверенного государства и его высших властных органов, а также полномочия, вытекающие из конституционных характеристик государства; в федеративных государствах соответствующие полномочия могут устанавливаться для субъектов федерации.

2. Иные конституционно определенные полномочия (функции) – установленные в национальной Конституции помимо основных, а также содержательно определенные Конституцией к последующей юридической конкретизации и делегированию полномочия государства, субъектов федерации (при их наличии), публично-властных органов и должностных лиц всех уровней и локаций (например, специальных государственных территорий).

3. Конституционно-значимые полномочия (функции) – конкретизированные с учетом конституционных установлений властно-обязывающие (императивные) полномочия публичных (государственных, муниципальных) организаций (учреждений) и организаций с государственным участием, а также лиц, легально осуществляющих властно-обязывающие полномочия от имени таких организаций, в том числе в специально обозначенных для них рамках.

4. Конституционно-допустимые субсидиарные полномочия (функции) – отдельные властно-обязывающие (императивные) полномочия, легально делегированные с учетом конституционных установлений негосударственным организациям и иным субъектам частного права (юридическим и физическим лицам).

Предлагаемая композиция публично-властных полномочий характеризуется открытым подчинением принципу конституционной легитимности и обеспечивает концептуально связанное согласование с любым из иных (преимущественно «открытого» характера) представленных в юридической литературе обобщений и перечней государственных функций.

Список литературы

1. Алешукина С.А. Суды – органы, выполняющие функции содействия и контроля в отношении арбитража // Вестник ТвГУ. Серия: Право. 2017. № 1. С. 55–61.

2. Зорькин В.Д. Десять лекций о праве: монография. Москва: Норма, 2021. 400 с.

3. Карева М.П., Кечекьян С.Ф., Федосеев А.С., Федькин Г.И. Теория государства и права. М., 1955. Государственное издательство юридической литературы. 460 с.

4. Карташов В.Н. Теория правовой системы общества: учебное пособие. В 2 т. Т. 1. Ярославль: ЯрГУ, 2005. 547 с.

5. Крусс В.И. Понятие, актуальность и формы конституционализации права // Вестник Тверского государственного университета. Сер. Право. 2012. № 19, вып. 31. С. 104–119.

6. Крусс В.И. Теория конституционного правопользования. М.: Норма, 2007. 752 с.

7. Нерсесянц В.С. Общая теория права и государства: учебник для юридических вузов и факультетов. М.: Издательская группа НОРМА-ИНФРА-М, 2023. 560 с.

8. Поляков А.В. Общая теория права: Феноменолого-коммуникативный подход. Курс лекций. 2-е изд., доп. СПб: Издательство «Юридический центр Пресс», 2003. 845 с.

9. Сухарев А.Н. Метод дихотомии в конструкции права // Вестник ТвГУ. Серия: Право. 2022. № 4 (72). С. 67–74.

10. Сырых В.М. Теория государства и права: учебник для вузов. М., 1998. 480 с.

11. Теория государства и права: учебник / под ред. Р.А. Ромашова. СПб, Издательство Р. Асланова «Юридический центр Пресс», 2005. 630 с.

12. Червонюк В.И. Теория государства и права: учебник. М.: ИНФРА-М, 2009. 704 с. (Высшее образование).

13. Честнов И.Л. Постклассическая теория права: монография. СПб., Издательский Дом «Алеф-Пресс», 2012. 650 с.

Об авторе:

КРУСС Владимир Иванович – доктор юридических наук, профессор, заведующий кафедрой теории права юридического факультета ФГБОУ ВО «Тверской государственной университет» (170100, г. Тверь, ул. Желябова, 33), SPIN-код: 4253-0971, e-mail: t-prava@yandex.ru

TOWARDS THE CONSTITUTIONAL THEORY OF STATE FUNCTIONS

V.I. Kruss

Tver State University, Tver

The article outlines the problem of actualization of the domestic theory and methodology of law under the sign of the general principle of supremacy of the Constitution of the Russian Federation. From the standpoint of constitutional legal understanding, the subject of the study is the institute of state functions, which are proposed to be understood as constitutional public-power powers of a wide range of persons. The category of functional authority expresses the essence of public authority in the constitutional state. In methodological terms, this approach provides the necessary objectification of state functions for a substantively weighted constitutional-legal assessment of their implementation. The essential criteria of public-power functions in the Russian legal system are substantiated and their working classification is given.

Keywords: *the supremacy of the Constitution of the Russian Federation, public authority functions, human and civil rights and freedoms, constitutional values.*

About author:

KRUSS Vladimir – the doctor of Law, professor, Head of the Department of Theory of Law of the Tver State University (170100, Tver, Zhelyabova street, 33), SPIN-code: 3179-2045, e-mail: t-prava@yandex.ru

Крусс В.И. К конституционной теории государственных функций // Вестник ТвГУ. Серия: Право. 2024. № 1 (77). С. 85–94.

Статья поступила в редакцию 10.02.2024 г.

Подписана в печать 14.03.2024 г.

ОРГАНИЗАЦИОННО-МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ ОСНОВЫ ТАМОЖЕННОГО КОНТРОЛЯ ОФОРМЛЯЕМЫХ ТОВАРОВ

Ю.Б. Субботин

ФГБОУ ВО «Тверской государственный университет», г. Тверь

Объектом исследования выступают существующие методы таможенного контроля при таможенном декларировании товаров. Целью работы является обоснование необходимости повышения эффективности таможенного контроля, его оптимизации путем минимизации субъективного фактора в принятии решений и автоматизации аналитических процессов по направлениям таможенного контроля. Обосновывается снижение риска потенциальных таможенных правонарушений с точки зрения экономической безопасности государства. Сформулирована позиция автора о необходимости совершенствования таможенного контроля с точки зрения оперативного решения поставленных задач.

Ключевые слова: автоматизированная система таможенного контроля, система управления рисками, информационная система, таможенная стоимость, классификация товара.

В соответствии с Таможенным кодексом Евразийского экономического союза (далее – Кодекс) одним из основных принципов таможенного контроля оформляемых товаров является его выборочность. Известно, что основная форма таможенного контроля – контроль документальный (проверка документов и сведений), который в основе своей должен проводиться по всем декларируемым товарам, хотя в рамках современных технологий некоторые отдельные поставки товаров вообще оформляются без участия таможенного инспектора. Эти товары, характеризующиеся своей однородностью и повторяемостью, могут помещаться под отдельные таможенные процедуры в режимах авторегистрации и автовыпуска.

Выборочность же таможенного контроля подразумевает применение дополнительных форм контроля и дополнительных проверок, регламентируемых Кодексом. Все объекты контроля фактически проверить невозможно, поэтому необходимо выбрать только те, которые представляют наибольшую вероятность предмета нарушения таможенных правил. В настоящее время выборочность таможенного контроля предполагает собой создание так называемых профилей риска (далее – ПР) по соответствующим направлениям контроля преимущественно на основе анализа уже имеющихся фактов таможенных правонарушений. Данный подход в выборе объектов таможенного контроля реализуется в основном должностными лицами

соответствующих вертикалей таможенного контроля в структуре таможенной системы в целом в рамках системы управления рисками (далее – СУР), регламентируемой Кодексом.

СУР возникла относительно недавно и помимо разработки ПР предполагает анализ эффективности их реализации на практике. Анализ осуществляется соответствующими структурными подразделениями применения СУР, выполняющими координирующую функцию по работе в данной области таможенного дела.

Разработка проектов ПР, закрепленная в рамках соответствующих Положений о подразделениях и должностных инструкций (регламентов) таможенников, проводится на основе текущего контроля оформляемых товаров.

Вместе с тем требуется гибкая, цельная методология обнаружения таможенных правонарушений, позволяющая выявлять потенциальные риски, работать на упреждение, независимо от категорий товаров. Особенно это касается контроля классификации товаров в соответствии с Единой товарной номенклатурой внешнеэкономической деятельности (далее – ЕТН ВЭД), т. к. в части единообразного понимания описания характеристик товара для таможенных целей неизменно следует руководствоваться основными правилами интерпретации при его кодировании.

Таким образом, если попытаться охватить всю ЕТН ВЭе с точки зрения товаров риска и их прикрытия (товаров, сходных по описанию до степени смешения с товарами риска, но по которым применяются более лояльные меры таможенной политики) (далее – альтернативные товары), то для таможенного контроля изначально можно выделить определенные характеристики этих товаров, имеющие ключевое значение для классификации по ЕТН ВЭД. Для выявления или подтверждения этих характеристик можно использовать дополнительные формы таможенного контроля, например, в виде досмотра или осмотра товаров (фактический контроль), либо проводить дополнительные проверки в виде запросов дополнительных документов и сведений или таможенных экспертиз с отбором проб (образцов) товара (меры по минимизации риска).

Определение вышеупомянутых характеристик (параметров товара) следует указывать в поручениях на досмотр (осмотр) товаров дополнительно, наряду с определением типовых параметров либо в качестве вопросов для экспертных исследований.

Выявление ключевых характеристик альтернативных товаров требует проведения достаточно масштабной работы в разрезе всей ЕТН ВЭД. С учетом того, что ЕТН ВЭД иногда претерпевает некоторые изменения в своей структуре, а также меняются меры тарифного и нетарифного регулирования в отношении отдельных товаров, то

необходимо поддерживать методологическую базу выявления таможенных правонарушений в актуальном состоянии.

Еще одно направление таможенного контроля, которое является достаточно трудоемким с точки зрения его реализации, – это контроль таможенной стоимости ввозимых товаров. Определение таможенной стоимости товаров, которая в большинстве случаев является базовой основой начисления таможенных платежей, имеет под собой законодательную базу, в которой присутствует значительная доля субъективизма принимаемых решений.

В связи с этим растет значимость информационных баз данных (далее – БД), связанных с уровнем мировых цен по товарам, с индексами таможенной стоимости (далее – ИТС) ранее оформленных товаров по категориям. Поддержание подобных БД в актуальном состоянии, а также формализация методологического подхода контроля с применением математического моделирования в разработке целевых методик и соответствующего программного обеспечения (далее – ПО) требует наличия трудовых ресурсов, не занятых непосредственно в таможенном контроле.

В настоящее время предпринимаются определенные шаги в разработке подобных целевых методик по отдельным направлениям таможенного контроля. Однако они имеют уровень теоретических разработок, не находящих применение на практике, и характеризуются обособленностью.

В настоящее время СУР в значительной степени реализуется путем создания так называемых целевых профилей риска (далее – ЦПР), имеющих отношение к контролю отдельных партий товаров (таможенных деклараций). Это связано с тем, что сейчас не существует универсальной целевой методики по выявлению рисков по всем направлениям контроля. Таможенный инспектор на оформлении вынужден, исходя из собственных знаний, определять критерии риска в каждом конкретном случае. Для этого, например, при контроле заявленного классификационного кода товара по ЕТН ВЭД Евразийского экономического союза ему можно воспользоваться Пояснениями к ЕТН ВЭД, имеющими характер вспомогательных публикаций, где уже указаны альтернативные товары, сходные по своему описанию до степени смешения. Однако отдельные разделы Пояснений (по товарам химической промышленности, по продовольственным товарам) написаны научным или специализированным языком, понятным только для лиц, обладающих специальными познаниями. Такими познаниями обладают должностные лица экспертных лабораторий в системе Федеральной таможенной службы России (далее – ФТС России), причем аттестованные на проведение исследований по декларируемым товарам в конкретной области Товарной номенклатуры. Для того чтобы направить образец

или пробу товара на экспертизу, таможенный инспектор на оформлении должен задать эксперту соответствующие вопросы для исследований, т. е. уже определиться, что он хочет, предварительно разобравшись с критериями риска. В отдельных случаях даже с помощью Пояснений правильно сформулировать вопросы ему не представляется возможным. Неслучайно выпускающему инспектору соответствующими приказами и распоряжениями предписано согласовывать вопросы для экспертных исследований с соответствующими функциональными подразделениями таможенных органов. В то же время таможенный эксперт не имеет права классифицировать товар (оно закреплено в должностных инструкциях и регламентах исключительно за должностными лицами, отвечающими за данное направление контроля, и инспекторами, ответственными за выпуск товара), он может лишь определять его характеристики по составу, компонентам, степени переработки, назначению и области применения товара, т. е. по критериям классификации.

Поэтому, чтобы квалифицированно и оперативно разрешать подобные задачи без создания ЦПР, необходимы уже готовые методические решения по всем категориям товаров Товарной номенклатуры. Соответствующей вертикалью таможенного контроля ФТС России предпринимаются отдельные попытки систематизировать подобные критерии риска в части Товарной номенклатуры в виде сводной БД с выявлением требуемых характеристик по товарам. Понятно, что данная информация носит примитивный характер (таблицу требуемых характеристик по отдельным товарам, необходимых для определения при фактическом контроле либо по результатам экспертных исследований, составленную из практики таможенного контроля), предполагающий работу автономно в интерактивном режиме.

Подобный режим работы таможенного инспектора сейчас практикуется и при контроле заявленной таможенной стоимости ввозимого товара. Данный контроль в настоящее время проводится на основании справочных данных и соответствующих БД оформленных товаров по ИТС избирательно, на основании отдельно взятых данных более ранних аналогичных поставок. При этом объем выборки этих поставок невелик в связи с трудоемкостью и ограниченностью во времени таможенного контроля оформляемых товаров. Все вышеперечисленные сопоставления по идентичным и однородным товарам проводятся вручную. Нахождение наиболее близкого, для контроля величины ИТС, аналога поставки (по категории товара, его стране происхождения и отправления, товарному знаку, логистике и времени его перемещения и т. д.) далеко от совершенства.

Очевидно, что оптимизация решения подобных задач таможенного контроля таможенной стоимости возможна лишь путем создания

соответствующего ПО для обработки имеющихся данных и автоматизированного выбора оптимального решения на основании соответствующих математических моделей. Причем, так же как и в случае контроля классификации товара по ЕТН ВЭД, ПО должно быть встроено в существующую автоматизированную систему таможенного контроля.

Для разработки соответствующих программных модулей необходимо формализовать методологические основы дополнительных форм контроля. В настоящее время для создания всевозможного ПО привлекаются должностные лица сторонних организаций, не являющиеся специалистами в области таможенного дела, что является крайне неэффективным и длительным процессом. Заниматься же этим должна отдельно созданная централизованная структура в рамках таможенной системы, например, возможно создание специализированного научно-методического центра при Российской таможенной академии, состоящего из высококвалифицированных специалистов в области таможенного дела, математиков, программистов. При этом данная структура не должна заниматься таможенным контролем декларируемых товаров, но должна заниматься администрированием и актуализацией внедренных разработок в практику таможенного дела.

Преимущества создания универсальной автоматизированной системы таможенного контроля очевидны. Субъективный фактор принятия решений в части рискованных ситуаций сводится к минимуму. Выявление рисков должно проводиться в полностью автоматизированном режиме, роль таможенного инспектора должна быть сведена исключительно к контролю исполнения соответствующих таможенных операций. Участие искусственного интеллекта в мониторинге результатов оформления, анализе принимаемых решений, выборе критериев риска и соответствующих мер по минимизации риска, несомненно, приведет к повышению скорости и качества принимаемых решений.

Подобная технология таможенного контроля позволит снизить нагрузку на подразделения по применению системы управления рисками, на выпускающих инспекторов таможенных постов, а может и сократить численность этих подразделений и предъявляемые требования к инспекторам в части технического сопровождения служебных отметок в декларации на товары в области СУР.

В рамках рассматриваемой технологии может быть отражена существующая практика взаимодействия таможенных служб торгующих стран по так называемым товарам дефицита и профицита.

Автоматизированной системой таможенного контроля могут использоваться БД по направленным товарам в количественном и качественном выражении. Номенклатура товаров, отправленных из-за

рубежа, к примеру, в Российскую Федерацию, должна в рамках рассматриваемого периода соответствовать номенклатуре ввезенных товаров, задекларированных в таможенных органах России по классификационному коду ЕТН ВЭД, а также по весу нетто и стоимости. В случае, если это соответствие нарушено, мы сталкиваемся с признаками недостоверного декларирования параметров товара. Причем может иметь место превышение фактического ввоза отдельных категорий товаров над вывезенными товарами соответствующей категории из-за границы (товары профицита) или, наоборот, занижение их ввоза по факту (товары дефицита).

Выпускающий инспектор не имеет физической возможности учитывать данные обстоятельства, являющиеся одним из критериев риска при оформлении товаров, но всё это может учесть автоматизированная система таможенного контроля.

Вообще, речь здесь может идти об интеграционных процессах, которые должны расширяться в смысле функционального наполнения путем создания интегрированной информационной системы внешней и взаимной торговли.

Новые технологии таможенного контроля должны быть неразрывно связаны с новыми архитектурными решениями. Поскольку подходы к созданию информационных систем меняются, должны появляться новые виды программного и аппаратного обеспечения. Модульный принцип создания автоматизированной системы таможенного контроля предполагает интеграцию отдельных модулей как между собой, так и с внешними информационными системами, с которыми необходимо поддерживать взаимодействие в рамках единых процессов.

В настоящий же момент мы имеем так называемую учетную систему, регистрирующую большей частью определенные действия, выполняемые, например, таможенным инспектором в этой системе. Потом эти данные передаются на вышестоящий уровень в основном для сохранения этой информации и ее дальнейшего использования в аналитических системах. Но в рамках развивающихся информационных технологий необходим переход к иной архитектуре взаимодействия с искусственным интеллектом, к концентрации выполнения приложений в центрах обработки данных. На серверах приложений должна появиться возможность перехода от учетной системы к управляющей, т. е. управление процессами должно проводиться на более высоком, автоматизированном уровне.

Минимизация субъективного фактора принимаемых решений таможенным инспектором при осуществлении таможенного контроля будет в конечном итоге приводить к последующему анализу объективных работ и потерь в осуществляемом процессе вместо анализа исполнения должностных обязанностей отдельными людьми.

Сейчас ПР, разрабатываемые соответствующими должностными лицами функциональных подразделений и выпускающими инспекторами таможенных органов, носят различный множественный характер по срокам и регионам срабатывания, требуют значительных временных затрат на анализ их эффективности от принимаемых решений в рамках СУР, на актуализацию либо отмену действующих ПР. Кроме того, решения по итогам срабатывания СУР в большинстве случаев принимает инспектор. У него могут быть конкретные целеуказания в зависимости от конкретного ПР, что и как делать, но эти действия направлены на принятие самостоятельных решений по результатам проведенного анализа рассматриваемой ситуации. Система на данном этапе как бы самоустраняется, предлагая действовать самостоятельно.

Кроме того, с течением времени отдельные акценты на избирательный (дополнительный) таможенный контроль в рамках СУР теряют свою конфиденциальность – в силу своей повторяемости в сходных ситуациях они становятся очевидными и ожидаемыми для недобросовестных участников внешнеэкономической деятельности. В этой связи сейчас для устранения этого недостатка создаются ПР для срабатывания по методу случайных чисел. Однако данный стохастический подход не является достаточно оптимальным при проведении таможенного контроля и зачастую его эффективность невысока.

Автоматизированной системе таможенного контроля могут быть переданы функции анализа и принятия решений исходя из реальной ситуации, что приведет к оптимизации таможенного контроля в целом: как в части принимаемых решений, так и в части сроков оформления деклараций – в этом состоит смысл перехода от учетной системы к системе управляющей.

Список литературы

1. Таможенный кодекс Евразийского экономического союза (ред. от 29.05.2019 г.) (приложение № 1 к Договору о Таможенном кодексе Евразийского экономического союза) [Электронный ресурс]. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_215315 (дата обращения: 20.01.2024).

Об авторе:

СУББОТИН Юрий Борисович – кандидат технических наук, доцент кафедры конституционного, административного и таможенного права ФГОУ ВО «Тверской государственной университет» (170100, Россия, Тверь, ул. Желябова, 33), eLIBRARY ID: 18106652, e-mail: SubbotinYB@yandex.ru

ORGANIZING-METHODOLOGICAL BASES OF THE CUSTOMS CONTROL ARRANGED GOODS

Y.B. Subbotin

Tver State University, Tver

The Object of the study emerge the existing methods of the customs control in the customs declaration of goods. The Purpose of the work is a motivation to need of increasing to efficiency of the customs control, his(its) optimization by way to minimization of the subjective factor in decision making and automations of the analytical processes on directions of the customs control. The reduction of the risk of the potential customs offenses is Motivated with standpoint of economic safety state. The Worded position of the author about need of the improvement of the customs control with standpoint of the operative decision of the put(deliver)ed problems.

Keywords: *automated system of the customs control, managerial system risk, information system, customs cost, categorization of goods.*

About author:

SUBBOTIN Yuriy – a candidate of the technical sciences; the assistant professor of the pulpit to constitutional, administrative and customs right of Tver State University (170100, Russia, Tver, Zheljabova st., 33), eLIBRARY ID: 18106652, e-mail: SubbotinYB@yandex.ru

Субботин Ю.Б. Организационно-методологические основы таможенного контроля оформляемых товаров // Вестник ТвГУ. Серия: Право. 2024. № 1 (77). С. 95–102.

Статья поступила в редакцию 10.02.2024 г.
Подписана в печать 14.03.2024 г.

Актуальные вопросы науки и правоприменительной практики

УДК 347.44

DOI: 10.26456/vtpravo/2024.1.103

О НЕДОБРОСОВЕСТНОСТИ ЛИЦ, ОКАЗЫВАЮЩИХ ЮРИДИЧЕСКИЕ УСЛУГИ, В КОНТЕКСТЕ СОВРЕМЕННОГО СОСТОЯНИЯ ЧАСТНО-ПРАВОВОГО И ПУБЛИЧНО-ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ¹

О.Г. Барткова

ФГБОУ ВО «Тверской государственный университет», г. Тверь

Объектом исследования выступают частно-правовые отношения, складывающиеся в процессе заключения гражданско-правового договора возмездного оказания юридических услуг в контексте соответствия нормам-принципам (основным началам), устанавливающим требования к осуществлению гражданских прав; состояние публично-правового регулирования рынка юридических услуг. Целью работы является обоснование необходимости кардинального изменения механизма государственного регулирования и контроля оказания таких услуг как вида предпринимательской деятельности посредством принятия соответствующих нормативно-правовых актов, прежде всего специального федерального закона. Поставлены следующие задачи: на основе анализа правоохранительной и правоприменительной практики заключения и исполнения договора возмездного оказания юридических услуг выявить наиболее часто встречаемые, типичные гражданские правонарушения со стороны исполнителя договора на стадии переговоров с заказчиком; установить негативные последствия для заказчика от таких правонарушений; обосновать тезис о том, что они являются результатом ненадлежащего публично-правового регулирования. Практическая значимость исследования состоит в возможности использования авторских выводов в правоприменительной деятельности по выявлению фактов нарушения прав заказчиков-граждан и защите таких прав, а также в работе по разработке предложений о принятии специального федерального закона. Методологическую основу исследования составил диалектический метод познания социально-правовых явлений. Помимо этого были применены общенаучные методы (в частности общелогические методы теоретического анализа), междисциплинарные методы (аксиологический, метод системного анализа) и специализированные методы юридических наук (формально-юридический, метод технико-юридического анализа, конкретизации, толкования).

¹ Данная работа выполнена при информационной поддержке компании СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 09.02.2024).

Ключевые слова: договор, юридические услуги, квалифицированная юридическая помощь, свобода договора, заключение договора, добросовестность, злоупотребление правом, заблуждение, пробелы в праве, государственное регулирование.

В последние годы рынок юридических услуг стал чрезвычайно востребованным и привлекательным. Степень востребованности можно проследить не только на основе возрастающего интереса к этой сфере в связи с необходимостью защиты нарушенных (оспариваемых) прав, но и по количественному увеличению распространения рекламы таких услуг, которая иногда является агрессивной и даже недостоверной. Привлекательность же подобные услуги приобрели для тех предпринимателей, которые, видимо, полагают, что поскольку «деньги не пахнут», то заработать их можно быстро и легко, главное любыми способами привлечь потенциального доверчивого клиента. При этом они порой уверены, что глубина специальных юридических знаний для достижения такой цели не имеет определяющего значения. Этому способствуют и те обстоятельства в сфере государственного регулирования рынка юридических услуг, которые в отсутствие обязательного лицензирования такой деятельности позволяют осуществлять ее практически любым лицам.

В поле авторского внимания находятся гражданско-правовые отношения, возникающие в связи с заключением договора возмездного оказания юридических услуг между исполнителями – лицами, осуществляющими предпринимательскую деятельность в этой сфере, и заказчиками – частными лицами, в первую очередь, гражданами. Последние, совершенно очевидно, приобретают еще и статус потребителя, права которого охраняются специальным федеральным законом – Законом РФ «О защите прав потребителей» от 07.02.1992 г. № 2300-1 (далее – Закон РФ от 07.02.1992 г. № 2300-1) [4]. В рамках настоящего исследования автор не отождествляет исполнителя юридических услуг с юристом как лицом, имеющим юридическое образование. Это можно объяснить тем, что в Российской Федерации оказание юридических услуг, услуг в области права по общему правилу не требует не только наличия лицензии, но и юридического образования. При этом оговоримся, что это правило не распространяется на определенные виды работ, трудовых функций, должностей, на представителей в суде по определенным категориям дел. Федеральными законами предусмотрено императивное правило – наличие у лица высшего юридического образования, в частности для судей, прокуроров, адвокатов, следователей, нотариусов и для некоторых других лиц, осуществляющих правоохранительную деятельность в качестве уполномоченных на то субъектов. Они находятся за рамками настоящего исследования. К рассматриваемой

нами категории исполнителей на данный момент не может быть применено и понятие лиц, оказывающих квалифицированную юридическую помощь. На наш взгляд, в контексте исследуемой темы и ее проблематики очевидна коллизия в соотношении значения квалифицированной юридической помощи и деятельности по оказанию юридических услуг, для субъектов, осуществляющих такую деятельность, закон не предъявляет квалификационных требований. Такое соотношение может быть охарактеризовано как несправедливое, неразумное, дисбалансированное, имея в виду интересы заказчиков, в первую очередь граждан. При этом отсутствие специального профессионального образования не влечет изменения правовой квалификации поведения недобросовестных исполнителей по договору возмездного оказания юридических услуг. Нарушение норм гражданского законодательства, даже если оно связано с незнанием таких норм, не меняет противоправного характера поведения и не может служить основанием для освобождения лица от гражданско-правовой ответственности с учетом п. 1 и п. 3 ст. 401 Гражданского кодекса Российской Федерации (далее – ГК РФ) [1]. При этом мы исходим из того, что такие исполнители оказывают юридические услуги, осуществляя один из видов экономической деятельности, предусмотренный разделом М.69 в «Общероссийском классификаторе видов экономической деятельности» (утв. Приказом Росстандарта от 31.01.2014 г. № 14-ст). Если этот вид деятельности не заявлен ими в процессе государственной регистрации и постановки на налоговый учет (или они осуществляют ее с нарушением требования о государственной регистрации), это не меняет ранее сделанные нами выводы в силу, например, п. 3 ст. 23 ГК РФ. Следовательно, они могут рассматриваться в качестве лиц, осуществляющих предпринимательскую деятельность (конечно, при условии других существенных признаков предпринимательской деятельности, закрепленных в абз. 3 п. 2 ст. 2 ГК РФ). Но даже наличие у исполнителя юридического образования, в том числе высшего, не является гарантией от правонарушений в отношениях с заказчиками.

Проанализированные примеры правовых конфликтов в рассматриваемой сфере позволяют как минимум предполагать, что исполнитель, обладая специальными юридическими знаниями, использует их во вред заказчику для достижения цели извлечения прибыли. При этом такие знания он должен иметь и применять, если предлагает вступить в отношения по оказанию юридических услуг. Заказчик, в свою очередь, вправе на это рассчитывать, прибегая к сфере, которая требует специальных знаний. Однако законодатель не предусматривает на данный момент систему контроля наличия таких знаний у исполнителей и его качества на этапе государственной

регистрации их в качестве субъектов, оказывающих юридические услуги на платной, возмездной основе.

Многие из исполнителей имеют статус индивидуального предпринимателя. Безусловно, это «удобно» как минимум по двум причинам. Во-первых, в случае неудачной деятельности или потери интереса к ней физическое лицо оперативно и малозатратно может ее прекратить путем подачи соответствующего заявления в уполномоченный государственный регистрирующий орган. Имеющиеся к этому моменту хотя бы и вступившие в законную силу судебные акты касательно ненадлежащего качества услуг скорее всего так и останутся неисполненными. Либо заказчики, имевшие к этому моменту те или иные претензионные требования, узнав о данном юридическом факте, откажутся от намерения защиты своих нарушенных прав как стороны указанного договора.

Как следует из информации, собранной компанией ООО «Яндекс», более 130 тыс. человек ежемесячно осуществляют поиск предложений по оказанию услуг, используя словосочетание «юридическая консультация». Около 60 тыс. используют в этом процессе формулировку «бесплатная юридическая консультация». Поиск по словам «защита прав потребителей» составляет не менее 360 тыс. запросов в месяц [6]. Привлекательными при этом для принятия решения среди всего количества предложений, безусловно, являются те, где указывают низкую стоимость услуг и гарантируют стопроцентный результат качества оказания юридических услуг.

Размещаемые в средствах массовой информации, в информационно-телекоммуникационной сети «Интернет» объявления, если и не являются офертой, то по признакам подпадают под понятие «приглашение делать оферты», побуждают граждан откликаться на такие приглашения, а в последующем и заключать договоры на оказание для них услуг юридического характера. Примером таких объявлений являются следующие фразы, обращенные к неопределенному кругу лиц: «**Бесплатные юридические консультации! Грамотная помощь юриста! Гражданские споры. Поможем законно (освободиться от долгов, получить отсрочку от армии, взыскать долг и т. п.)!**». Наиболее привлекательным в них является слово «**бесплатная**» (помощь, консультация). В некоторых рекламных объявлениях упоминают Федеральный закон от 21.11.2011 г. № 324-ФЗ «О бесплатной юридической помощи в Российской Федерации» [3]. Но при этом такие рекламодатели (в будущем исполнители) «забывают» сообщить, что правом на бесплатную юридическую закон наделяет не всех граждан, а только определенные категории (ст. 20 этого закона). Да и к лицам, оказывающим такой вид помощи в качестве участника негосударственной системы бесплатной юридической помощи, скорее всего они не относятся. Названный закон, кроме всего прочего,

содержит систему гарантий и контроля за осуществлением такой деятельности, под которую такие рекламодатели не попадают.

Откликнувшись на подобные предложения, заказчик вступает с исполнителем в отношения, которые благодаря «мастерству» оферента в убеждении своей уникальности и значимости, его напору и натиску трансформируются в последующем в платные, возмездные правовые связи. А они, уже договорные отношения, порой становятся тяжелым финансовым бременем для заказчика без получения желаемого результата юридических услуг – он или отсутствует, или такая услуга является бесполезной [9].

Правовой анализ примеров подтверждает, что самые распространенные виды нарушений в рассматриваемой сфере – неказание юридических услуг, ненадлежащее качество услуг. Безусловно, они наиболее типичны. Так, поиск в информационной системе СПС «КонсультантПлюс» в базе «Судебная практика» с использованием словосочетаний: «юридические услуги», «ненадлежащее качество юридических услуг», позволил обнаружить следующее. За период с 01.01.2018 г. по 01.02.2024 г. из 63 456 гражданских споров, рассмотренных в указанный период, 99 дел относились к интересующей нас категории. При этом важно оговориться, что 63 456 – это акты судов общей юрисдикции, среди которых большую часть составляют акты Московского городского суда, что объясняется, очевидно, внутренней политикой СПС «КонсультантПлюс». Все 99 дел – это те, по которым вынесены апелляционные определения по апелляционным жалобам. Все жалобы основаны на спорах из ненадлежащего качества оказания юридических услуг. В итоге: по 42 делам это подтверждено и требования удовлетворены (полностью или частично) в пользу заказчиков. По 51 делу – в удовлетворении требований заказчиков отказано [14].

Как следует из аналитических отчетов Федеральной службы по надзору в сфере защиты прав потребителей и благополучия человека (Роспотребнадзор) количество жалоб в его адрес на некачественные юридические услуги с 2018 г. по 2022 г. выросло почти в два раза, с 4,5 до 8 тысяч. Этот показатель ежегодно увеличивается на 15–20 %. Роспотребнадзор подсчитал, что в денежном выражении ущерб для граждан от такого рода ненадлежащих услуг составил более 200 миллионов рублей [10]. В последние 5–7 лет появились даже термины, которые, казалось бы, в своем сочетании уже содержат некую коллизию: псевдоюристы, лжеюристы и даже юристы-мошенники.

Автор уверен, что многих споров можно было бы избежать еще на этапе выбора гражданином своего контрагента – исполнителя юридических услуг. Не менее важным является также грамотная процедура ведения переговоров и согласования конкретных условий

договора. Уже на этих стадиях, как правило, обнаруживаются ошибки в работе лица, действующего в качестве исполнителя или от имени исполнителя, включая ошибки в применении норм гражданского законодательства в сфере регулирования договорного процесса. Избежать этого возможно, если исполнитель действует в качестве добросовестного участника таких сделок. Анализ жизненных ситуаций, описание которых размещено в средствах массовой информации и свидетельствующих об обратном, а также являющихся обстоятельствами гражданских споров, рассмотренных в судах Российской Федерации, доказывает следующее. Квалифицируя поведение исполнителя в рассматриваемых договорах, когда факт нарушения ими прав заказчика подтверждается, судебные, иные правоохранительные и правозащитные органы оценивают его с использованием следующих юридических характеристик: как недобросовестное, неразумное, несправедливое, выражающееся во введении заказчика в заблуждение, как злоупотребление правами, незаконное обогащение за счет заказчика и даже как обман заказчика. При наличии признаков обмана или злоупотребления доверием заказчика, являющихся формами мошенничества, речь может идти уже о возбуждении уголовного дела на основании ст. 159 Уголовного кодекса РФ [2]. Имеются реальные уголовные дела и судебные процессы по подобным фактам [7–8, 13].

Но вернемся к гражданско-правовым отношениям и к личности исполнителя в рассматриваемом договоре. Недобросовестность с его стороны зачастую наблюдается уже на стадии принятия заказчиком решения о заключении договора. Закон обязывает исполнителя предоставить полную и достоверную информацию о себе, об услугах и другие сведения (ст. 783, п. 3 ст. 730, ст. 732 ГК РФ, ст. 8–10 Закона РФ от 07.02.1992 г. № 2300-1). Разработан и действует такой нормативный документ, как «ГОСТ Р 56877-2016. Национальный стандарт Российской Федерации. Руководство по оказанию правовой помощи потребителям. Общие требования» (утв. и введен в действие Приказом Росстандарта от 26.02.2016 г. № 83-ст) [5]. Но наличие правовых норм не является гарантией от недобросовестности.

Например, о нарушении такой обязанности идет речь, если будущий исполнитель не ставит в известность предполагаемого заказчика, что осуществляет деятельность по оказанию услуг в качестве предпринимательской, а значит, нацелен на возмездность отношений. Из собственной консультационной практики в связи с обращением нескольких граждан известно, что такие псевдоюристы способны создавать впечатление о себе как сотруднике государственного органа, к которому у граждан, конечно, больше доверия, чем к лицам, оказывающим услуги в частном порядке. Они же обладают техниками

создания обстановки доверия. Для них главной целью является убедить гражданина заключить договор, исполнение которого для них уже порой не столь важно. Учитывая, что большинство из них доверчивых – это пожилые люди, то манипуляции таких юристов достигают желаемого результата.

В судебной практике имеется пример, когда исполнитель предоставил подложные документы о юридическом образовании. До обнаружения данного факта он успешно в течение нескольких лет оказывал юридическую помощь в качестве адвоката [6].

Свобода договора в этом случае не может быть аргументом на стороне исполнителя. Его поведение в контексте «хочу сообщу, – хочу не сообщу, хочу в полном объеме, – хочу только частично или «заказчик меня не спрашивал, поэтому я не сообщил ему ту или иную информацию», безусловно, не имеет никаких отношений к названному принципу, искажает его правовую сущность. Подчеркнем, что определяющим здесь будет принцип соответствия договора закону (ст. 421 ГК РФ), а значит императивным нормам, размещенным в вышеперечисленных законах, в частности нормам об обязанности сообщить полную и достоверную информацию. В связи с этим используется и термин «полумошенники»: ведь не обязательно солгать, представить изначально несоответствующую действительности информацию. Иногда для привлечения заказчика достаточно не сообщить информацию в полном объеме, так сказать, можно и не договаривать. Об этом свидетельствуют все те ситуации, когда так называемые юристы берутся помочь в ситуации, которая очевидно для клиента будет иметь отрицательный результат. О таком результате может свидетельствовать имеющаяся актуальная судебная практика. Несмотря на это, они все равно поддаются желанию клиента идти в это дело и при этом не обрисовывают ему все риски и проблемы, которые это повлечет [12].

Навязывание заказчику решения по заключению договора на оказание юридических услуг, используя доверчивость заказчика-гражданина, его сложную жизненную ситуацию, а порой и сложное финансовое положение, в котором он зачастую находится на стадии обращения к юридической помощи, отсутствие у него специальных знаний в сфере юриспруденции, исполнитель нарушает тем самым положения ст. 1, п. 1 ст. 9, ст. 10, ст. 421 ГК РФ. Это императивные нормы-принципы, составляющие правовые базовые положения возникновения и осуществления гражданских прав и исполнения юридических обязанностей: равенство участников, автономия воли, беспрепятственное осуществление гражданских прав, недопустимость злоупотребления правами, введения в заблуждение контрагента, использования его тяжелых жизненных обстоятельств, принцип

добросовестности и разумности. Отдельную группу составляют нормы, предусмотренные п. 1 и п. 2 ст. 434.1 ГК РФ, регламентирующие специальные требования в процессе переговоров о заключении договора. В них также отражены вышеперечисленные нормы-принципы в контексте особой стадии взаимоотношений контрагентов, предваряющей факт заключения договора.

Об этом же свидетельствует такое поведение исполнителя на стадии переговоров и согласования условий, как неосуществление надлежащего качественного правового анализа проблемы заказчика, с которой он обращается, неверное понимание такой проблемы, а возможно, и намеренное «непонимание» с целью навязывания дополнительных юридических услуг. Это может быть выражено, например, в подготовке искового заявления в ситуации, когда спор не требовал использования судебной формы защиты. Такого же рода правовая квалификация поведения исполнителя следует и в части понуждения заключения заказчика кредитного договора с целью оплаты им полностью или в части цены юридических услуг.

Кроме того, существуют юридические сайты, которые и на данный момент оказывают услугу по заказу электронной выписки из ЕГРЮЛ (Единого государственного реестра юридических лиц). При этом стоимость их составляет от 500 рублей и выше. А ведь такого рода услуги бесплатны и оказываются для любого гражданина на сайте Федеральной налоговой службы. Такое поведение исполнителя дискредитирует процедуру оказания государственных и муниципальных услуг, включая информационные, предусмотренную федеральным законом от 27.07.2010 г. № 210-ФЗ, Распоряжением Правительства РФ от 11.04.2022 г. № 837-р «О Концепции перехода к предоставлению 24 часа в сутки 7 дней в неделю абсолютного большинства государственных и муниципальных услуг без необходимости личного присутствия граждан» и другими нормативно-правовыми актами Правительства РФ в этой сфере. Тем самым исполнители, о которых идет речь, способствуют нарушению принципов правомерности, доступности, открытости оказания государственных услуг, уплаты госпошлины, в определенных случаях – безвозмездности их оказания. Фактически, не являясь лицами, уполномоченными вышеназванными нормативно-правовыми актами, они совершают действия, подпадающие под сферу регулирования такими актами, причем на возмездной основе. Эти действия носят исключительно технический характер, не обладают признаками юридической услуги. Однако заказчик не обязан знать такие признаки, рассчитывая на то, что исполнитель поможет правильно и конкретно сформулировать предмет договора и иные существенные условия договора.

Описанные модели противоправного поведения исполнителя, к сожалению, типичны на рынке юридических услуг, но и это не исчерпывающий их перечень. Чтобы коренным образом изменить ситуацию на рынке юридических услуг, кроме реализации уже давно обсуждаемого предложения о лицензировании деятельности по возмездному оказанию юридических услуг, следует закрепить основное требование к ним – такие услуги должны оказываться квалифицированными специалистами. Юридические услуги обладают не меньшей значимостью для удовлетворения имущественных и неимущественных интересов граждан, чем финансовые, страховые, услуги по реализации гражданам туристского продукта. Юридические услуги также имеют элементы рисковости деятельности, как и названные. Признавая важность этой сферы деятельности для прав и законных интересов граждан, принимая во внимание статистику гражданских и уголовных правонарушений со стороны исполнителей юридических услуг, следовало бы закрепить требование о том, что их могут оказывать только профессиональные участники рынка таких услуг. Обязательность получения лицензии служила бы таким инструментом. Ведение реестра лиц (юридических лиц, индивидуальных предпринимателей) – это следующий элемент государственного регулирования и контроля рассматриваемой деятельности. Наконец, необходимо, на наш взгляд, нормативно закрепить и обязательное страхование ответственности лиц, оказывающих юридические услуги. Тем самым это нивелировало бы те негативные различия, которые имеются в настоящее время между квалифицированной юридической помощью, оказываемой в частности адвокатами, и такой же по сути правозащитной деятельностью, осуществляемой на возмездной основе лицами, не имеющими этого статуса. Применительно к заказчикам-гражданам на основании ч. 2 ст. 1 Закона РФ от 07.02.1992 г. № 2300-1 «О защите прав потребителей» Правительству РФ следовало бы принять нормативно-правовой акт – Правила оказания юридических услуг. Союз потребителей РФ предложил Минюсту и Роспотребнадзору сформировать такие стандарты, в частности обновить руководство по оказанию правовой помощи потребителям [11]. Если же стремиться к полноценной и эффективной системе государственного регулирования рынка юридических услуг независимо от субъектного состава заказчиков, то, безусловно, более результативным было бы разработать проект федерального закона, назвав его, например, «Об основах государственного регулирования в сфере оказания юридических услуг».

Список литературы

1. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) от 30.11.1994 г. № 51-ФЗ (ред. от 24.07.2023 г.) // СПС «КонсультантПлюс».

2. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 г. № 63-ФЗ (ред. от 14.02.2024 г.) // СПС «КонсультантПлюс».

3. Федеральный закон от 21.11.2011 г. № 324-ФЗ (ред. от 25.12.2023 г.) «О бесплатной юридической помощи в Российской Федерации» (с изм. и доп., вступ. в силу с 01.01.2024 г.) // СПС «КонсультантПлюс».

4. Закон РФ от 07.02.1992 г. № 2300-1 (ред. от 04.08.2023 г.) «О защите прав потребителей» // СПС «КонсультантПлюс».

5. ГОСТ Р 56877-2016. Национальный стандарт Российской Федерации. Руководство по оказанию правовой помощи потребителям. Общие требования (утв. и введен в действие Приказом Росстандарта от 26.02.2016 г. № 83-ст) // СПС «КонсультантПлюс».

6. Определение Судебной коллегии по гражданским делам Верховного Суда Российской Федерации от 02.03.2021 г. № 5-КГ20-160-К2 // СПС «КонсультантПлюс».

7. Владимиров Е. В Басманном суде начинается процесс по делу о крупном мошенничестве на рынке юруслуг // Сетевое издание LEGAL.REPORT. 2023. 5 мая [Электронный ресурс]. URL: <https://legal.report/v-basmannom-sude-nachinaetsya-proczess-po-delu-o-krupnom-moshennichestve-na-rynke-yuruslug/> (дата обращения: 09.02.2024).

8. Егоров И. Прокуроры предупредили россиян о мошенниках на рынке юридических услуг // Российская газета: официальный сайт. 2021. 2 июля [Электронный ресурс]. URL: <https://rg.ru/2021/07/02/prokurory-predupredili-rossiiian-o-moshennikah-na-rynke-iuridicheskikh-uslug.html> (дата обращения: 09.02.2024).

9. Куликов В. «Серые юристы» начали продавать гражданам бесполезные услуги // Российская газета. 2023. 19 апреля [Электронный ресурс]. URL: <https://rg.ru/2023/04/19/ograbiats-ovetom.html> (дата обращения: 09.02.2024).

10. О защите прав потребителей некачественных юридических услуг: Главная. Список новостей. 26.10.2022 г. // Федеральной службы по надзору в сфере защиты прав потребителей и благополучия человека: официальный сайт [Электронный ресурс]. URL: https://www.rosпотребнадзор.ru/about/info/news/news_details.php?ELEMENT_ID=22953 (дата обращения: 09.02.2024).

11. Перцева Е. ГОСТы к нам: юристам пропишут стандарты на оказание услуг населению // Известия. 2024. 9 января [Электронный ресурс]. URL: <https://iz.ru/1628121/evgeniia-pertceva/gosty-k-nam-iuristam-propishut-standarty-na-okazanie-uslug-naseleniiu> (дата обращения: 09.02.2024).

12. Редакция информационно-юридического портала Сфера. На что жалуемся? // ООО «Лигал Академия»: Образовательная онлайн-платформа для юристов Legal Academy. 2022. 1 декабря [Электронный ресурс]. URL: <https://legalacademy.ru/sphere/post/ne-pomogli-i-ostavili-bez-grosha-kak-ponyat-cto-pered-vami-yurist-moshennik> (дата обращения: 09.02.2024).

13. Сасевич Ю. В суд передано дело лжеюристов о мошенничестве на ₽4,4 млн. // РБК Новосибирск. 2023. 12 октября [Электронный ресурс]. URL: <https://nsk.rbc.ru/nsk/12/10/2023/6527ba5a9a79472a096df93b> (дата обращения: 09.02.2024).

14. Судебная практика (информационно-правовая база): юридические услуги // СПС «КонсультантПлюс».

Об авторе:

БАРТКОВА Ольга Георгиевна – кандидат юридических наук, доцент кафедры гражданского права ФГБОУ ВО «Тверской государственный университет» (170100, г. Тверь, ул. Желябова, 33), SPIN-код: 1716-9636, e-mail: bartkova_og@mail.ru

ABOUT DISCONNECTIVITY OF PERSONS, PROVIDING LEGAL SERVICES, IN THE CONTEXT OF THE CURRENT STATE OF PRIVATE LAW AND PUBLIC LEGAL REGULATION

O.G. Bartkova

Tver State University, Tver

The object of the study is private legal relations that develop in the process of concluding a civil law contract for the provision of legal services for a fee in the context of compliance with the norms and principles (basic principles) establishing the requirements for the exercise of civil rights; the state of public legal regulation of the legal services market. The purpose of the work is to substantiate the need for a fundamental change in the mechanism of state regulation and control of the provision of such services as a type of business activity through the adoption of relevant regulations, primarily a special federal law. The following tasks were set: based on an analysis of law enforcement and law enforcement practice of concluding and executing a contract for the provision of legal services for a fee, to identify the most common, typical civil offenses on the part of the executor of the contract at the stage of negotiations with the customer; establish negative consequences for the customer from such offenses; substantiate the thesis that they are the result of improper public legal regulation. The practical significance of the study lies in the possibility of using the author's conclusions in law enforcement activities to identify facts of violation of the rights of customers-citizens and protect such rights, as well as in the development of proposals for the adoption of a special federal law. The methodological basis of the study was the dialectical method of cognition of socio-legal phenomena. In addition, general scientific methods (in particular, general logical methods of theoretical analysis), interdisciplinary methods (axiological, method of system analysis) and specialized methods of legal sciences (formal legal, method of technical and legal analysis, specification, interpretation) were used.

Keywords: *contract, legal services, qualified legal assistance, freedom of contract, conclusion of an agreement, integrity, abuse of rights, delusion, gaps in the law, government regulation.*

About author:

BARTKOVA Olga – PhD in Law, Associate Professor, Department of Civil Law, Tver State University (170100, Tver, 33 Zhelyabova St.), SPIN-code: 1716-9636, e-mail: bartkova_og@mail.ru

Барткова О.Г. О недобросовестности лиц, оказывающих юридические услуги, в контексте современного состояния частно-правового и публично-правового регулирования // Вестник ТвГУ. Серия: право. 2024. № 1 (77). С. 103–113.

Статья поступила в редакцию 10.02.2024 г.

Подписана в печать 14.03.2024 г.

ПРАВО НА ПУБЛИЧНЫЕ МЕРОПРИЯТИЯ В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ: ПРОБЛЕМЫ РЕАЛИЗАЦИИ И ПУТИ СОВЕРШЕНСТВОВАНИЯ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА

С.Ю. Колмаков

ФГАОУ ВО «Московский государственный юридический университет имени О.Е. Кутафина (МГЮА)», г. Москва

Объектом исследования являются правоотношения по реализации конституционного права граждан Российской Федерации организовывать и проводить публичные мероприятия. Предметом исследования выступают нормы законодательства, регламентирующие порядок организации и проведения публичных мероприятий. Целью является установление пробелов в регулировании прав и обязанностей организаторов и участников публичных мероприятий и разработка предложений по их устранению. Конкретными задачами выступают: исследование вопросов, связанных с правовым регулированием отдельных вопросов проведения публичных мероприятий, в том числе вопросы уведомительного порядка организации мероприятий, антиковидные ограничения, регулирование проведения мероприятий на федеральном уровне и на уровне субъектов РФ, электронная форма подачи уведомления, места проведения мероприятий, ответственность за нарушение законодательства о митингах. Одним из основных методов исследования является формально-логический, на его основе показано соотношение конституционного права на проведение публичных мероприятий и объем реализации данного права. Результаты исследования могут быть представлены следующими основными выводами. Введение ответственности должностных лиц органов публичной власти за нерассмотрение вопросов, поднятых на публичном мероприятии. Предложения по регулированию порядка рассмотрения поднятых на публичном мероприятии вопросов. Необходимо предусмотреть места для проведения публичных мероприятий в каждом городском округе и муниципальном районе. Обязанность по наведению санитарного порядка на публичном мероприятии должна быть возложена на органы публичной власти. Предлагается предоставить возможность гражданам подавать уведомление о проведении публичного мероприятия в электронной форме. Граждане должны иметь возможность проводить спонтанные публичные мероприятия. Необходимо отменить ограничения на проведение публичных мероприятия из-за пандемии коронавируса, которая официально закончилась.

Ключевые слова: публичные мероприятия, собрания, митинги, демонстрации, шествия, пикетирования, свобода собраний.

В соответствии со ст. 31 Конституции Российской Федерации граждане Российской Федерации имеют право собираться мирно, без оружия, проводить собрания, митинги и демонстрации, шествия и пикетирование [1]. Данное право является политическим, это одна из форм влияния народа на публичную власть.

В целях реализации права на публичные мероприятия принят Федеральный закон от 19.06.2004 г. № 54-ФЗ «О собраниях, митингах, демонстрациях, шествиях и пикетированиях» (далее – ФЗ «О собраниях, митингах, демонстрациях, шествиях и пикетированиях») [4]. Частью 2 ст. 18 этого закона установлена важная гарантия свободы собраний, а именно то, что органы государственной власти или органы местного самоуправления, которым адресуются вопросы, явившиеся причинами проведения публичного мероприятия, обязаны рассмотреть данные вопросы по существу, принять по ним необходимые решения в порядке, установленном законодательством Российской Федерации, и сообщить о принятых решениях организатору публичного мероприятия.

Вместе с тем в законодательстве Российской Федерации отсутствует ответственность органов публичной власти за неисполнение данной обязанности. По своей сути публичные мероприятия можно сравнить с обращениями граждан. На публичных мероприятиях граждане тоже формируют мнения, вопросы и адресуют их органом публичной власти. Однако за нарушение порядка рассмотрения обращений граждан предусматривается ответственность [2].

Российское законодательство о публичных мероприятиях не противоречит международному праву. Так, в соответствии со ст. 20 Всеобщей декларации прав человека (принята Генеральной Ассамблеей ООН 10.12.1948 г.) каждый человек имеет право на свободу мирных собраний и ассоциаций. Статьей 21 Международного пакта о гражданских и политических правах (принят 16.12.1966 г. Резолюцией 2200 (XXI) на 1496-м пленарном заседании Генеральной Ассамблеи ООН) установлено, что признается право на мирные собрания. Пользование этим правом не подлежит никаким ограничениям, кроме тех, которые налагаются в соответствии с законом и которые необходимы в демократическом обществе в интересах государственной или общественной безопасности, общественного порядка, охраны здоровья и нравственности населения или защиты прав и свобод других лиц.

В 2022 г. вступил в силу Федеральный закон от 05.12.2022 г. № 498-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» [3]. Он направлен на ограничение проведения публичных мероприятий и финансирования организации таких мероприятий иностранными агентами. Кроме этого, был существенно расширен перечень мест, где проведение публичных мероприятий не допускается. Это различные территории, связанные с транспортом,

функционированием образовательных, культурных и социальных учреждений, мест, где располагаются органы публичной власти. Стоит отметить, что указанные организации и учреждения могут выступать адресатами, которым выражается общественное мнение. Таким образом, ограничение будет препятствовать осуществлению институтом народовластия своего предназначения.

Данное ограничение направлено на достижение комфортной работы организаций, устранение возможных помех их функционирования. Однако возможны иные способы достижения указанной цели. Например, возможны ограничения относительно количества участников мероприятий, их действий, создания шума или помех в работе организаций и учреждений.

В 2022–2023 гг. ряд субъектов Российской Федерации принимал нормативные правовые акты в области проведения публичных мероприятий.

В Московской [12] и Челябинской областях [15] были уточнены единые специально отведенные или приспособленные для коллективного обсуждения общественно значимых вопросов и выражения общественных настроений места. Специально отведенные места для проведения публичных мероприятий являются дополнительной гарантией свободы собраний, поскольку позволяют проводить публичные мероприятия в них без подачи уведомления.

В Московской области специально отведенные места для публичных мероприятий предусмотрены только в городских округах. Однако Конституционный Суд Российской Федерации (далее – КС РФ) указывал, что при определении специально отведенных для проведения публичных мероприятий мест следует исходить из необходимости наличия таких мест как минимум в каждом городском округе и муниципальном районе [9].

В Кировской, Псковской областях, Республике Хакасия приняты новые нормативные правовые акты о проведении публичных мероприятий на территории объектов культурного наследия. При проведении публичных мероприятий на территории культурных объектов необходимо мнение специализированного органа о возможности проведения публичного мероприятия в указанном месте. В процессе проведения мероприятий предусматриваются определенные обязанности относительно культурного объекта, которые направлены на защиту его целостности.

Однако организаторам публичных мероприятий вменяется дополнительная обязанность, которая является обременительной для них и должна осуществляться органами публичной власти. Так, в соответствии с п. 13 Постановления Правительства Псковской области от 09.02.2023 г. № 60 «О порядке проведения публичных мероприятий в Псковской области на территориях объектов культурного наследия

(памятников истории и культуры)» предусмотрено, что после окончания публичного мероприятия на территории объекта культурного наследия его организатор обязан принять меры по наведению санитарного порядка на территории проведения публичного мероприятия [13]. Пункт 12 Постановления Правительства Республики Хакасия от 12.05.2023 г. № 356 «Об утверждении Порядка проведения публичных мероприятий на территориях объектов, являющихся памятниками истории и культуры, и признании утратившим силу постановления Правительства Республики Хакасия от 16.06.2008 г. № 190 “Об утверждении Порядка проведения в Республике Хакасия публичных мероприятий на территориях объектов, являющихся памятниками истории и культуры”» предусматривает, что после окончания публичного мероприятия его организатор принимает меры по уборке мусора и наведению порядка на территории объекта культурного наследия, нарушенного в ходе проведения публичного мероприятия [14].

В субъектах Российской Федерации имеются ограничения свободы собраний, не предусмотренные федеральным законодательством. Статьей 7 ФЗ «О собраниях, митингах, демонстрациях, шествиях и пикетированиях» установлено, что уведомление о проведении публичного мероприятия подается в срок не ранее 15 и не позднее 10 дней до дня проведения публичного мероприятия.

Однако Кабинет министров Республики Татарстан установил, что организатор массового мероприятия не позднее чем за 30 дней до дня проведения массового мероприятия подает в письменной форме в орган местного самоуправления, а также в территориальный орган Министерства внутренних дел Российской Федерации по муниципальному образованию Республики Татарстан уведомление о проведении массового мероприятия [16].

Постановление Кабинета министров Республики Татарстан от 24.01.2022 г. № 42 «Об утверждении Положения об обеспечении общественного порядка и общественной безопасности при проведении массовых мероприятий в Республике Татарстан» вводит и иные ограничения, не предусмотренные федеральным законодательством. Так, п. 3 указанного постановления установлено, что организатор массового мероприятия обеспечивает инфраструктуру, техническое оснащение и охрану места проведения массового мероприятия, необходимые для обеспечения общественного порядка и общественной безопасности, в том числе с учетом примерного перечня технических и иных средств обеспечения безопасности места проведения массового мероприятия в соответствии с приложением № 1 к настоящему Положению. В соответствии с указанным приложением организатор публичного мероприятия обязан обеспечить публичное мероприятие такими средствами, как противотаранное устройство, контрольно-

пропускной пункт стационарный или временный (шатер) для проведения осмотровых мероприятий, освещенность в вечернее время, металлодетекторы ручные для проведения осмотровых мероприятий со столами для выкладки вещей, локализатор взрывчатых веществ, зеркала для досмотра днища автотранспорта, видеонаблюдение, обеспечение охраной – сотрудниками (работниками) частных охранных организаций, подразделений ведомственной охраны (на контрольно-пропускных пунктах и для обеспечения сохранности материальных ценностей) и др.

Государство в лице органов публичной власти в первую очередь обязано обеспечивать безопасность проведения публичного мероприятия. Указанные требования к организаторам публичного мероприятия являются крайне обременительными, существенно ограничивающими свободу собраний.

В соответствии со ст. 7 ФЗ «О собраниях, митингах, демонстрациях, шествиях и пикетированиях» организатор публичного мероприятия обязан подать уведомление о проведении мероприятия не ранее 10 и не позднее 5 дней до дня проведения публичного мероприятия. За нарушение порядка организации публичных мероприятий предусматривается ответственность.

В 2022 г. КС РФ рассмотрел жалобу гражданина М.Д. Малинина, который оспаривал указанные положения законодательства. Гражданин указывал, что порядок организации публичных мероприятий не позволяет организовать спонтанные мероприятия, которые являются немедленной реакцией на определенные события. КС РФ в Определении от 27.12.2022 г. № 3251-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Малинина Михаила Дмитриевича на нарушение его конституционных прав частью 5 статьи 20.2 Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях, а также пунктом 1 части 4 статьи 5, пунктом 1 части 3 статьи 6 и частью 1 статьи 7 Федерального закона “О собраниях, митингах, демонстрациях, шествиях и пикетированиях”» указал, что данный порядок необходим для охраны прав и свобод граждан, поскольку органы публичной власти принимают определенные действия для защиты прав и свобод после получения уведомления [5].

Вместе с тем бывают определенные события, которые могут потерять актуальность спустя несколько дней после того, как они произойдут. Поэтому для граждан остается важным реализовать свое право в иные сроки, чем это установлено законом для подачи уведомления. Цель подачи уведомления, как указано в вышеназванном Определении КС РФ, заключается в защите прав и свобод граждан в процессе проведения публичного мероприятия. Достижение этой цели возможно и в менее короткие сроки, например, на следующие сутки после подачи уведомления.

После объявленной в 2020 г. пандемии новой коронавирусной инфекции в России были введены различные ограничения относительно проведения публичных мероприятий. Запреты на организацию и проведение публичных мероприятий в различных регионах сохранялись достаточно длительное время, о чем не раз говорили правозащитники.

В 2022 г. КС РФ вновь рассмотрел жалобу на ограничения организации и проведения публичных мероприятий в связи с распространением новой коронавирусной инфекции. Гражданин Д.Д. Миропольцев обжаловал запрет на проведение одиночного пикета в Кемеровской области, который, по его мнению, является не пропорциональным, поскольку проводится одним человеком, без контакта с другими. КС РФ в Определении от 29.09.2022 г. № 2654-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Миропольцева Дмитрия Дмитриевича на нарушение его конституционных прав положением распоряжения Губернатора Кемеровской области – Кузбасса “О введении режима «Повышенная готовность» на территории Кемеровской области – Кузбасса и мерах по противодействию распространению новой коронавирусной инфекции (COVID-19)”» отметил, что «по своей природе одиночное пикетирование – как и любой другой вид публичного мероприятия - предполагает потенциальное привлечение внимания других граждан и, соответственно, не исключает образования скопления людей в месте его проведения и тем самым объективно несет риски с точки зрения распространения заболеваемости коронавирусной инфекцией» [6].

Аналогичная позиция КС РФ содержится и в Определении от 21.07.2022 г. № 1769-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданки Бажановой Екатерины Алексеевны на нарушение ее конституционных прав частью 1 статьи 20.6.1 Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях и пунктом 2 Указа Мэра Москвы “О введении режима повышенной готовности”» [8].

05.05.2023 г. Всемирная организация здравоохранения объявила об окончании пандемии [18]. Однако по состоянию на 01.08.2023 г. в Российской Федерации в трети субъектах сохраняются антикоронавирусные ограничения на проведение публичных мероприятий [17].

Помимо введенного в 2022 году ограничения на проведение публичных мероприятий в определенных местах граждане считали, что уже имеющиеся запреты ограничивают свободу собраний.

В 2022 г. гражданин М.Д. Малинин оспаривал положения Федерального закона от 30.12.2020 г. № 497-ФЗ «О внесении изменений в Федеральный закон “О собраниях, митингах, демонстрациях, шествиях и пикетированиях”» относительно запрета проведения публичных мероприятий возле органов внутренних дел, которые в правоприменительной практике считаются экстренными оперативными

службами. КС РФ в Определении от 29.09.2022 г. № 2610-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Малинина Михаила Дмитриевича на нарушение его конституционных прав частью 5 статьи 20.2 Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях, пунктом 3 части 2 статьи 8 Федерального закона “О собраниях, митингах, демонстрациях, шествиях и пикетированиях”, а также подп. «а» п. 4 Федерального закона «О внесении изменений в Федеральный закон “О собраниях, митингах, демонстрациях, шествиях и пикетированиях”» отметил, что законодатель обязан находить баланс между правами и свободами человека и гражданина. КС РФ указал: «с учетом того, что полиция предназначена среди прочего для защиты жизни, здоровья, прав и свобод граждан Российской Федерации и незамедлительно приходит на помощь каждому, кто нуждается в ее защите от преступных и иных противоправных посягательств» [7]. Поэтому Суд пришел к выводу, что введенное ограничение не является не конституционным.

ФЗ «О собраниях, митингах, демонстрациях, шествиях и пикетированиях» предусматривает, что уведомление о проведении публичного мероприятия обязательно должно быть в письменной форме и должно быть лично подано в орган публичной власти. Законом установлено, что порядок подачи уведомления о проведении публичного мероприятия регулируется законом субъекта Российской Федерации.

Закон города Москвы от 04.04.2007 г. № 10 «Об обеспечении условий реализации права граждан Российской Федерации на проведение в городе Москве собраний, митингов, демонстраций, шествий и пикетирований» устанавливает, что при подаче письменного заявления о проведении публичного мероприятия необходимо предоставить документ, удостоверяющий личность [11].

Гражданин А.В. Рыбин в 2022 г. оспаривал положения нормативных правовых актов, устанавливающих обязанность лично подать уведомление о проведении публичного мероприятия, считая, что уведомление о проведении публичного мероприятия может быть подано и в электронной форме.

КС РФ в Определении от 28.06.2022 г. № 1699-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Рыбина Алексея Владимировича на нарушение его конституционных прав пунктом 7 статьи 2 и частью 1 статьи 7 Федерального закона “О собраниях, митингах, демонстрациях, шествиях и пикетированиях”, а также пунктами 1 и 2 части 5 статьи 2 Закона города Москвы “Об обеспечении условий реализации права граждан Российской Федерации на проведение в городе Москве собраний, митингов, демонстраций, шествий и пикетирований”» не усмотрел неконституционность норм, устанавливающих личный порядок подачи уведомления о проведении

публичного мероприятия. КС РФ отметил, что при личной подаче уведомления о проведении публичного мероприятия проверка документа, удостоверяющего личность, необходима для установления гражданства и возраста организатора [10].

Вместе с тем необходимо отметить, что на сегодняшний день в России хорошо развита федеральная государственная информационная система «Единый портал государственных и муниципальных услуг», которая способна подтвердить личность гражданина и которая позволяет осуществлять подачу различных уведомлений о предоставлении государственных и муниципальных услуг.

Более того, например, в Московской области в 2022 г. было принято Распоряжение Министерства территориальной политики Московской области от 28.10.2022 г. № 20 «Об утверждении Административного регламента предоставления государственной услуги “Рассмотрение уведомлений о проведении публичных мероприятий на территории двух и более муниципальных образований, а также на объектах транспортной инфраструктуры, используемых для транспорта общего пользования”» [12]. Данное распоряжение устанавливает, что граждане могут подать уведомление о проведении публичного мероприятия по электронной почте (п. 5.2.1). Указанное распоряжение предусматривает и сокращенные сроки рассмотрения жалобы на действия (бездействия) должностных лиц, оказывающих государственную услугу по рассмотрению уведомлений о проведении публичных мероприятий. Данный срок составляет 15 дней (п. 25.5).

ФЗ «О собраниях, митингах, демонстрациях, шествиях и пикетированиях» не устанавливает требования по подаче уведомления о проведении одиночного пикетирования. Однако в соответствии со ст. 7 указанного закона, если во время одиночного пикета будет использоваться быстровозводимая сборно-разборная конструкция, то организатор пикета обязан уведомить орган публичной власти о проведении мероприятия.

На практике происходят ситуации, когда организаторы пикетирования с использованием быстровозводимой сборно-разборной конструкции не уведомляют орган публичной власти о проведении публичного мероприятия. Так, Третий кассационный суд общей юрисдикции в Кассационном определении от 16.02.2022 г. № 88а-2601/2022 по делу № 2а-4316/2021 отметил: «Поскольку судами установлено, что форма запланированного Г. публичного мероприятия в виде одиночного пикетирования предусматривала использование быстровозводимых сборно-разборных конструкций, суды пришли к верному выводу о наличии у Г. обязанности по подаче в орган местного самоуправления уведомления о проведении публичного мероприятия».

В 2019 г. по ст. 20.2 «Нарушение установленного порядка организации либо проведения собрания, митинга, демонстрации,

шествия или пикетирования» и по ст. 20.2.2 «Организация массового одновременного пребывания и (или) передвижения граждан в общественных местах, повлекших нарушение общественного порядка» Кодекса об административных правонарушениях РФ (далее – КоАП РФ) административной ответственности было подвергнуто 4 209 лиц, было наложено штрафов на сумму 59 133 650 рублей. В 2020 г. административной ответственности было подвергнуто 2 697 лиц, было наложено штрафов на сумму 35 314 600 рублей. В 2021 г. административной ответственности было подвергнуто 18 039 лиц, было наложено штрафов на сумму 189 857 441 рублей. В 2022 г. административной ответственности было подвергнуто 16 630 лиц, было наложено штрафов на сумму 193 980 980 рублей [19].

Статистика указывает на существенное увеличение в последние годы количества лиц, подвергнутых административной ответственности за нарушение порядка организации и проведения публичных мероприятий.

С 2020 по 2022 гг. было осуждено 4 лица по ст. 212.1 Уголовного кодекса Российской Федерации (Неоднократное нарушение установленного порядка организации либо проведения собрания, митинга, демонстрации, шествия или пикетирования) [19].

Предложения по совершенствованию законодательства о публичных мероприятиях:

1. Статью 5.38 КоАП РФ предлагается дополнить нормой следующего содержания: «Нерассмотрение вопросов, явившихся причинами проведения публичного мероприятия, отсутствие ответа организатору публичного мероприятия о принятых решениях влекут наложение административного штрафа на должностных лиц от 30 тысяч до 50 тысяч рублей».

2. Часть 2 ст. 18 ФЗ «О собраниях, митингах, демонстрациях, шествиях и пикетированиях» предлагается изложить в следующей редакции: «Органы государственной власти или органы местного самоуправления, которым адресуются вопросы, явившиеся причинами проведения публичного мероприятия, обязаны рассмотреть данные вопросы по существу, принять по ним необходимые решения в порядке, установленном законодательством Российской Федерации, и сообщить в тридцатидневный срок о принятых решениях организатору публичного мероприятия».

3. В нормативных правовых актах, определяющих специально отведенные места для публичных мероприятий, предлагается предусмотреть специально отведенные места для публичных мероприятий как минимум в каждом городском округе и муниципальном районе.

4. В нормативных правовых актах субъектов Российской Федерации (например, п. 13 Постановления Правительства Псковской

области от 09.02.2023 г. № 60; например, п. 12 Постановления Правительства Республики Хакасия от 12.05.2023 г. № 356 и других) предлагается установить обязанность органа публичной власти принимать меры по наведению санитарного порядка на территории проведения публичного мероприятия.

5. Статью 7 ФЗ «О собраниях, митингах, демонстрациях, шествиях и пикетированиях» предлагается дополнить пунктом 1.2. следующего содержания: «Гражданин может подать электронное уведомление о проведении публичного мероприятия».

6. Предлагается установить в п. 2 Постановления Кабинета Министров Республики Татарстан от 24.01.2022 г. № 42 «Об утверждении Положения об обеспечении общественного порядка и общественной безопасности при проведении массовых мероприятий в Республике Татарстан» срок для подачи уведомления о публичном мероприятии не ранее 15 и не позднее 10 дней до дня проведения публичного мероприятия.

7. Пункт 1 ст. 7 ФЗ «О собраниях, митингах, демонстрациях, шествиях и пикетированиях» предлагается дополнить абзацем следующего содержания: «В случае необходимости проведения публичного мероприятия, актуальность которого является срочной, организатор такого публичного мероприятия может подать уведомление за день до его проведения».

8. Предлагается отменить установленные нормативными правовыми актами субъектов Российской Федерации ограничения на проведение публичных мероприятий в связи с коронавирусной инфекцией.

Список литературы

1. Конституция Российской Федерации: принята всенародным голосованием 12 декабря 1993 г. с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01 июля 2020 г. // СПС «КонсультантПлюс».

2. Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях от 30.12.2001 № 195-ФЗ // СПС «КонсультантПлюс».

3. Федеральный закон от 05.12.2022 г. № 498-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» // СПС «КонсультантПлюс».

4. Федеральный закон от 19.06.2004 г. № 54-ФЗ «О собраниях, митингах, демонстрациях, шествиях и пикетированиях» // СПС «КонсультантПлюс».

5. Постановление Конституционного Суда РФ от 14.02.2013 № 4-П «По делу о проверке конституционности Федерального закона «О внесении изменений в Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях и Федеральный закон "О собраниях, митингах, демонстрациях, шествиях и пикетированиях» в связи с запросом группы депутатов Государственной Думы и жалобой гражданина Э.В. Савенко» // СПС «КонсультантПлюс».

6. Определении Конституционного Суда РФ от 27.12.2022 г. № 3251-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Малинина Михаила Дмитриевича на нарушение его конституционных прав частью 5 статьи 20.2 Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях, а также пунктом 1 части 4 статьи 5, пунктом 1 части 3 статьи 6 и частью 1 статьи 7 Федерального закона “О собраниях, митингах, демонстрациях, шествиях и пикетированиях”» // СПС «КонсультантПлюс».

7. Определение Конституционного Суда РФ от 29.09.2022 г. № 2654-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Миропольцева Дмитрия Дмитриевича на нарушение его конституционных прав положением распоряжения Губернатора Кемеровской области - Кузбасса “О введении режима "Повышенная готовность” на территории Кемеровской области - Кузбасса и мерах по противодействию распространению новой коронавирусной инфекции (COVID-19)”» // СПС «КонсультантПлюс».

8. Определение Конституционного Суда РФ от 29.09.2022 г. № 2610-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Малинина Михаила Дмитриевича на нарушение его конституционных прав частью 5 статьи 20.2 Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях, пунктом 3 части 2 статьи 8 Федерального закона “О собраниях, митингах, демонстрациях, шествиях и пикетированиях”, а также подпунктом "а" пункта 4 Федерального закона “О внесении изменений в Федеральный закон «О собраниях, митингах, демонстрациях, шествиях и пикетированиях”»» // СПС «КонсультантПлюс».

9. Определении Конституционного Суда РФ от 21.07.2022 г. № 1769-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданки Бажановой Екатерины Алексеевны на нарушение ее конституционных прав частью 1 статьи 20.6.1 Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях и пунктом 2 Указа Мэра Москвы “О введении режима повышенной готовности”» // СПС «КонсультантПлюс».

10. Определение Конституционного Суда РФ от 28.06.2022 г. № 1699-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Рыбина Алексея Владимировича на нарушение его конституционных прав пунктом 7 статьи 2 и частью 1 статьи 7 Федерального закона “О собраниях, митингах, демонстрациях, шествиях и пикетированиях”», а также пунктами 1 и 2 части 5 статьи 2 Закона города Москвы “Об обеспечении условий реализации права граждан Российской Федерации на проведение в городе Москве собраний, митингов, демонстраций, шествий и пикетирований”» // СПС «КонсультантПлюс».

11. Закон города Москвы от 04.04.2007 г. № 10 «Об обеспечении условий реализации права граждан Российской Федерации на проведение в городе Москве собраний, митингов, демонстраций, шествий и пикетирований» Кассационном определении от 16.02.2022 г. № 88а-2601/2022 по делу № 2а-4316/2021 // СПС «Гарант».

12. Распоряжение Министерства территориальной политики Московской области от 19.06.2023 г. № 8 «Об определении единых специально отведенных или приспособленных для коллективного обсуждения общественно значимых вопросов и выражения общественных настроений, а также для массового присутствия граждан для публичного выражения общественного мнения по

поводу актуальных проблем преимущественно общественно-политического характера мест на территории Московской области» [Электронный ресурс]. URL: <https://minter.mosreg.ru/dokumenty/normotvorchestvo/20-06-2023-13-47-17-rasporyazhenie-ministerstva-territorialnoy-politik> (дата обращения: 21.11.2023).

13. Постановления Правительства Псковской области от 09.02.2023 г. № 60 «О порядке проведения публичных мероприятий в Псковской области на территориях объектов культурного наследия (памятников истории и культуры)» [Электронный ресурс]. URL: <http://publication.pravo.gov.ru/Document/View/6000202302130011> (дата обращения: 21.11.2023).

14. Постановления Правительства Республики Хакасия от 12.05.2023 г. № 356 «Об утверждении Порядка проведения публичных мероприятий на территориях объектов, являющихся памятниками истории и культуры, и признании утратившим силу постановления Правительства Республики Хакасия от 16.06.2008 г. № 190 «Об утверждении Порядка проведения в Республике Хакасия публичных мероприятий на территориях объектов, являющихся памятниками истории и культуры» [Электронный ресурс]. URL: <http://publication.pravo.gov.ru/document/1900202305160001> (дата обращения: 21.11.2023).

15. Постановление Правительства Челябинской области от 22.03.2023 г. № 191-П «О единых специально отведенных или приспособленных для коллективного обсуждения общественно значимых вопросов и выражения общественных настроений, а также массового присутствия граждан для публичного выражения общественного мнения по поводу актуальных проблем преимущественно общественно-политического характера местах на территории Челябинской области» [Электронный ресурс]. URL: <http://publication.pravo.gov.ru/Document/View/7400202303230001> (дата обращения: 21.11.2023).

16. Постановления Кабинета Министров Республики Татарстан от 24.01.2022 г. № 42 «Об утверждении Положения об обеспечении общественного порядка и общественной безопасности при проведении массовых мероприятий в Республике Татарстан» // СПС «Гарант».

17. Лейба Г. «Новые люди» хотят на улице [Электронный ресурс]. URL: <https://www.kommersant.ru/doc/6148696?query=митинг> (дата обращения: 21.11.2023).

18. Невинна И. ВОЗ объявила об окончании пандемии COVID-19 [Электронный ресурс]. URL: <https://rg.ru/2023/05/09/virus-ne-ushel.html> (дата обращения: 21.11.2023).

19. Судебный департамент при Верховном Суде Российской Федерации [Электронный ресурс]. URL: <http://www.cdpr.ru/> (дата обращения: 21.11.2023).

Об авторе:

КОЛМАКОВ Станислав Юрьевич – кандидат юридических наук, доцент кафедры Конституционного и муниципального права ФГАОУ ВО «Московский государственный юридический университет имени О.Е. Кутафина (МГЮА)» (125993, г. Москва, ул. Садовая-Кудринская, 9), SPIN-код: 1993-0967, AuthorID: 939233, e-mail: syukolmakov@msal.ru

THE RIGHT TO PUBLIC EVENTS IN THE RUSSIAN FEDERATION: PROBLEMS OF IMPLEMENTATION AND WAYS TO IMPROVE LEGISLATION

S.Y. Kolmakov

Kutafin Moscow State Law University, Moscow

The object of the study is the legal relations on the implementation of the constitutional right of citizens of the Russian Federation to organize and hold public events. The subject of the study is the norms of legislation regulating the organization and conduct of public events. The aim is to identify gaps in the regulation of the rights and obligations of organizers and participants of public events and develop proposals to eliminate them. The specific tasks are: the study of issues related to the legal regulation of certain issues of public events, including issues of the notification procedure for organizing events, anti-covert restrictions, regulation of events at the federal level and at the level of the subjects of the Russian Federation, electronic notification form, venues of events, liability for violation of the law on rallies. One of the main research methods is formal-logical, on its basis the correlation of the constitutional right to hold public events and the scope of implementation of this right is shown. The results of the study can be represented by the following main conclusions. Introduction of responsibility of officials of public authorities for not considering issues raised at a public event. Proposals to regulate the procedure for consideration of issues raised at a public event. It is necessary to provide places for public events in each city district and municipal district. The duty to restore sanitary order at a public event should be assigned to public authorities. It is proposed to provide an opportunity for citizens to submit a notification of a public event in electronic form. Citizens should be able to hold spontaneous public events. It is necessary to lift restrictions on holding public events due to the coronavirus pandemic, which has officially ended. Proportionate penalties are proposed in connection with violation of the legislation on the organization and conduct of public events.

Keywords: *public events, meetings, rallies, demonstrations, processions, picketing, freedom of assembly.*

About author:

KOLMAKOV Stanislav – PhD in Law, Associate Professor of the Department of Constitutional and Municipal Law of the Kutafin Moscow State Law University (MGUA) (125993, Moscow, Sadovaya-Kudrinskaya str., 9), SPIN-code: 1993-0967, AuthorID: 939233; syukolmakov@msal.ru

Колмаков С.Ю. Право на публичные мероприятия в Российской Федерации: проблемы реализации и пути совершенствования законодательства // Вестник ТвГУ. Серия: право. 2024. № 1 (77). С. 114–126.

Статья поступила в редакцию 10.02.2024 г.

Подписана в печать 14.03.2024 г.

ОСНОВНЫЕ НАПРАВЛЕНИЯ СОВЕРШЕНСТВОВАНИЯ ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ БАНКА РОССИИ В АСПЕКТЕ УКРЕПЛЕНИЯ БАНКОВСКОЙ СИСТЕМЫ РОССИИ

И.А. Крусс

ФГБОУ ВО «Тверской государственный университет», г. Тверь

Статья посвящена вопросам правового регулирования деятельности Центрального Банка Российской Федерации. С учетом всевозрастающей необходимости обеспечения устойчивости рубля, развития национальной платежной системы и финансовых рынков возникает необходимость в законодательных преобразованиях. Цель статьи – раскрытие наиболее актуальных направлений совершенствования правового регулирования деятельности Банка России. В качестве важного направления совершенствования правового регулирования видится закрепление правовых основ формирования и использования золотовалютных резервов. Необходима существенная переориентация банковского сектора в сферу инвестиционно-кредитной деятельности и проведения политики укрепления рубля. Методами исследования являются формальная логика, сравнительный анализ правовых категорий, синтез (обобщение), комплексность и системный подход. Предложенные законодательные преобразования будут способствовать улучшению проведения кредитно-денежной политики и укрепят банковскую систему за счет реализации и защиты национальных интересов России.

Ключевые слова: Банк России, денежно-кредитная политика, золотовалютный резерв, валютное регулирование, валютный контроль.

В соответствии с Конституцией Российской Федерации и Федеральным законом от 10.07.2002 г. № 86-ФЗ «О Центральном банке Российской Федерации (Банке России)» (далее – ФЗ «О Центральном Банке (Банке России)») защита и обеспечение устойчивости рубля являются одной из основных функций Банка России [1, 4]. Денежной единицей в Российской Федерации является рубль. Согласно п. 1 ст. 140 Гражданского кодекса Российской Федерации рубль является законным платежным средством, обязательным к приему по нарицательной стоимости на всей территории Российской Федерации. Банк России обеспечивает устойчивость рубля посредством поддержания ценовой стабильности [2]. Ценовая стабильность, являясь целью денежно-кредитной политики, означает низкую инфляцию.

Второй целью деятельности Банка России является развитие и укрепление банковской системы РФ. Согласно Стратегии развития банковского сектора Российской Федерации на период до 2015 г.

«основной целью развития банковского сектора РФ на среднесрочную перспективу являлось активное участие в модернизации экономики на основе существенного повышения уровня и качества банковских услуг, предоставляемых организациям и населению, и обеспечения его системной устойчивости» [8]. Достижение этой цели – необходимое условие развития российской экономики и повышения ее конкурентоспособности на международной арене. И, наконец, третьей и четвертой, взаимосвязанной с пятой, целями деятельности Банка России являются: обеспечение стабильности и развитие национальной платежной системы и финансового рынка Российской Федерации и поддержание его стабильности. Видится целесообразным в развитие положений ст. 3 ФЗ «О Центральном Банке (Банке России)» дополнить деятельность Банка России еще одним целевым звеном, в содержание которого будет включаться функция реализации единой государственной денежно-кредитной политики.

Указание в ст. 3 ФЗ «О Центральном Банке (Банке России)» на цели по денежно-кредитной политике и по инфляции очень важно и позволит разграничивать ответственность между Правительством РФ и Центральным банком РФ за невыполнение этих целей.

В соответствии со ст. 4 ФЗ «О Центральном Банке (Банке России)» основной функцией Банка России является разработка и проведение во взаимодействии с Правительством РФ единой государственной денежно-кредитной политики. «Денежно-кредитная политика – это проводимый правительством страны курс и осуществляемые меры в области денежного обращения и кредита, направленные на обеспечение устойчивого, эффективного функционирования экономики, поддержание в надлежащем состоянии денежной системы» [9].

Однако анализ законодательных положений показывает, что в вопросе разработки денежно-кредитной политики ответственность Банка России весьма формальна. Банк России представляет в высший законодательный орган России основные направления единой государственной денежно-кредитной политики, а Государственная Дума РФ принимает по ним решение, которое никого ни к чему не обязывает. Одобренный документ может подлежать изменению и, как следствие, действительно проводимая политика Банка может отличаться от принятого, казалось бы, курса. В силу этого за Банком нужно закрепить ответственность в плане реализации единой государственной денежно-кредитной политики, в противном случае утрачивается значение взаимодействия Банка России с Правительством РФ и Государственной Думой РФ.

В свете изложенного, предлагаем внести изменения в ст. 3 ФЗ «О Центральном Банке (Банке России)», дополнив ее положения такой целью деятельности Банка России, как реализация единой государственной денежно-кредитной политики, обеспечение

финансирования дефицита платежного баланса, способствование интервенции на валютных рынках для оказания воздействия на обменный курс валюты, а также обеспечение иных условий для стабильного роста экономики. В качестве еще одного направления деятельности Банка следует указать на поддержание целевого уровня монетарной составляющей инфляции.

Согласно ст. 2 ФЗ «О Центральном Банке (Банке России)» в соответствии с целями и в порядке, которые установлены законом, Банк России осуществляет полномочия по владению, пользованию и распоряжению имуществом Банка России, включая золотовалютные резервы Банка России. В ст. 4 закона закрепляется функция по осуществлению эффективного управления золотовалютными резервами Банка России.

Следует признать, что ни в банковском законодательстве, ни в бюджетном праве мы не находим понятия золотовалютных резервов Российской Федерации. Существующий пробел должен быть устранен посредством легального закрепления общих положений о порядке формирования и использования золотовалютных резервов.

Для реализации этих задач целесообразно определиться с понятием золотовалютные резервы Российской Федерации.

Согласно ст. 8 Федерального закона от 26.03.1998 г. № 41-ФЗ «О драгоценных металлах и драгоценных камнях» золотой запас Российской Федерации состоит из аффинированного золота в слитках, находящегося в федеральной собственности и являющегося частью золотовалютных резервов Российской Федерации, предназначен для осуществления финансовой политики государства и удовлетворения экстренных потребностей Российской Федерации при чрезвычайных ситуациях [6].

По смыслу ст. 6 Федеральный закон от 10.12.2003 г. № 173-ФЗ «О валютном регулировании и валютном контроле» валютные операции между резидентами и нерезидентами осуществляются без ограничений, за исключением валютных операций, предусмотренных статьями 7, 8 и 11 указанного закона, в отношении которых ограничения устанавливаются в целях предотвращения существенного сокращения золотовалютных резервов, резких колебаний курса валюты Российской Федерации, а также для поддержания устойчивости платежного баланса Российской Федерации [5]. Системный анализ данного закона показывает, что понятие валютного резерва также не дается.

По этому поводу приходится констатировать отсутствие общих норм, определяющих правовой режим золотовалютных резервов в целом. Это обстоятельство следует рассматривать как существенный недостаток исследуемого правового регулирования.

В законе упоминается о предназначении золотого запаса Российской Федерации, однако это никоим образом не связано с осуществлением денежно-кредитной политики России. Представляется,

что именно золото выполняет функцию страхования от обесценивания стоимости финансовых активов в условиях экономических кризисов и в иных неблагоприятных периодах, поэтому должно рассматриваться как средство обеспечения устойчивости рубля.

С учетом вышесказанного, считаем необходимым внести изменения в ФЗ «О Центральном Банке (Банке России)», дополнив его статьей, раскрывающей понятие золотовалютных резервов РФ как фонда внешних активов, образующих валютный резерв РФ и золотой запас РФ, находящиеся в распоряжении Центрального Банка РФ и Правительства РФ. В соответствующей статье требуется определение понятия валютный резерв.

По смыслу действующего закона Банк России является органом валютного регулирования, а также органом валютного контроля. Так, п. 12 ст. 4 ФЗ «О Центральном Банке (Банке России)» недвусмысленно закрепляется, что Банк России организует и осуществляет валютное регулирование и валютный контроль в соответствии с законодательством Российской Федерации.

Банк России должен реализовывать не только денежно-кредитную политику России, но и разрабатывать стратегические основы валютной политики Российской Федерации. Законодательное оформление данной функции будет способствовать эффективному воздействию государственной власти на экономические отношения с целью их упорядочения и стабилизации в аспекте защиты национальных интересов России.

С учетом указанной политической составляющей основных направлений Банка России предлагаем внести изменения в ст. 4 ФЗ «О Центральном Банке (Банке России)», дополнив ее новым пунктом, который должен быть посвящен весьма значимой функции Банка России, а именно: разработке и реализации стратегии валютной политики, направленной на повышение благосостояния населения и ускорение темпов экономического роста экономики России.

В связи с необходимостью внедрения и развития отечественных технологий и составных элементов цифровой финансовой инфраструктуры, представляется важным направлением деятельности Банка России – формирование новых подходов в правовом регулировании в этой сфере. С учетом потребительской значимости новых для России финансовых технологий необходимо определение правовой природы последних в условиях бурного развития цифровой экономики. Как известно, правовая неопределенность по ключевым вопросам становится первопричиной финансовых рисков и затрат, что тормозит развитие финансовой системы и создает угрозу экономической безопасности.

В непростой период экономического развития России требуются новые модели оценки современного состояния экономики. Так, в

первые месяцы пандемии Банком России был запущен инструмент анализа данных национальной платежной системы, позволяющий следить за ситуацией в онлайн-режиме на ежедневной основе.

Практически все банки при оценке кредитоспособности клиентов используют скоринговые системы, которые и позволяют уменьшить риск невозврата кредита. Однако единой методологической основы кредитного скоринга на данный момент не существует.

В рассматриваемой сфере действует несколько нормативно-правовых актов Банка России, однако данные документы не дают нормативно-правового обоснования использования технологий искусственного интеллекта. На сегодняшний день инициирован процесс создания такого законодательства [3].

«Основные направления развития финансового рынка Российской Федерации на 2022 г. и период 2023 и 2024 гг.» в качестве ключевой задачи Банка России в ближайшие годы называют повышение доступности финансовых продуктов и услуг в цифровом виде и создание для этого необходимых условий через развитие инфраструктуры финансового рынка, повышение финансовой грамотности, настройку регулирования, обеспечение кибербезопасности и защиты прав потребителей [7].

Таким образом, Банком России достаточно эффективно реализуются программы внедрения цифровых финансовых технологий, основанных на нормативно-правовых актах Банка. Возникает вопрос о целесообразности законодательного закрепления направления работы Банка России в этой сфере.

С учетом того, что Банк России активно работает над достижением целей цифровой трансформации банковского сектора совместно с участниками финансового рынка и заинтересованными государственными органами, видится важным закрепление за Банком России функции правовой регламентации процесса внедрения передовых цифровых технологий на финансовом рынке.

Другим важным направлением работы Банка России является создание условий для развития банковского сектора в русле инвестиционно-кредитной деятельности.

Важной гарантией реализации инвестиционных проектов строительства и эксплуатации объектов в стратегически важных секторах экономики, а также обновления программного обеспечения на объектах критической инфраструктуры в аспекте импортозамещения видится механизм снижения процентных ставок по банковским кредитам для предприятий, осуществляющих эти проекты. Речь идет о таких сферах, как добыча, транспортировка, хранение, переработка нефти и газа, электроэнергетика, металлургическая промышленность и т.п. Льготное кредитование должно осуществляться с учетом целей устойчивого развития в инвестиционной стратегии Банка России, а также развития и

обеспечения институциональной базы для осуществления мониторинга, оценки и контроля за инвестиционными процессами.

В свете вышеизложенного предлагаем внесение изменений в ст. 4 ФЗ «О Центральном Банке (Банке России)», дополнив ее новым пунктом следующего содержания: «Банк России отвечает за переориентацию кредитных организаций на инвестиционно-кредитную деятельность в стратегически важных секторах экономики России».

Таким образом, Банк России разрабатывает меры экономической политики, которые должны быть направлены на сокращение издержек и повышение эффективности инвестиций, которые способствуют снижению инфляции.

Необходимость прогнозирования и планирования в условиях рынка является безусловным фактором позитивного развития. Такая парадигма связана с усложнением международных, межотраслевых и региональных связей. Деятельность государства как субъекта рыночных отношений должна ориентироваться на процессы, происходящие в механизме денежно-кредитной политики, тарифной, отраслевой и внешнеэкономической областях.

Координация деятельности Банка России и Правительства Российской Федерации особенно важна в ситуациях снижения темпов роста ВВП и ускорения инфляции. В таком случае необходимо обеспечение баланса между целью по поддержке совокупного выпуска и целью по обеспечению финансовой стабильности.

С целью вывода российской экономики на показатели перманентного роста необходима эффективная бюджетная политика, переориентированная на мероприятия, способствующие росту экономики. Исключительное значение приобретает и сбалансированная денежно-кредитная политика. Недопустима разбалансировка экономического роста на фоне инфляционных процессов.

Банк России совместно с Правительством России должны разрабатывать меры стратегически важного бюджетного планирования, в том числе посредством размещения бюджетных средств на депозиты кредитных организаций, а также с помощью размещения облигаций федерального займа. Так, облигации федерального займа позволяют привлекать деньги инвесторов, что принципиально в свете исследуемого вопроса, институциональных отраслей, таких, как банки и иные кредитные институты. Соответствующие мероприятия по выработке бюджетной политики будут способствовать финансовой стабилизации и улучшению показателей банковской ликвидности.

По указанию Банка России «санкции в отношении Банка России в феврале 2022 года исключили возможность использования части международных резервов для купирования рисков финансовой нестабильности. Это обусловило необходимость введения ограничений на свободное движение капитала. Как показывают теория и практика

макроэкономической политики в мире, таргетирование инфляции и режим плавающего валютного курса вполне совместимы с применением широкого набора инструментов, укрепляющих финансовую стабильность, включая регулирование потоков капитала ...» [7].

Взаимодействие Банка России и Правительства РФ особенно важно в аспекте введенных санкций на валютном рынке. Приостановление действий отдельных положений бюджетного правила, связанного с использованием дополнительных нефтегазовых доходов и планированием предельного объема расходов федерального бюджета потребовали существенного смягчения бюджетной политики, что еще раз доказывает актуальность вопроса.

Представляется, что предложенные законодательные преобразования позволят улучшить проведение кредитно-денежной политики, будут способствовать укреплению банковской системы РФ с целью защиты национальных интересов России.

Основные принципы экономической деятельности России, соотнесенные с интересами Российской Федерации, служат гарантиями безопасности осуществления банковской деятельности как стратегически важной отрасли экономики. В этой связи очень важно не допустить иностранного вмешательства в суверенитет отечественной банковской системы. Соблюдение баланса между процессами совершенствования банковского дела и интересами российской экономики необходимо для реализации курса финансовой стабилизации государства и укрепления российской валюты.

Список литературы

1. Конституция Российской Федерации: принята всенародным голосованием 12 декабря 1993 г. с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01 июля 2020 г. // СПС «КонсультантПлюс».
2. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) от 30.11.1994 г. № 51-ФЗ (ред. от 24.07.2023 г.) // СПС «КонсультантПлюс».
3. Указ Президента РФ от 09.05.2017 г. № 203 «О Стратегии развития информационного общества в Российской Федерации на 2017–2030 г.» // Собрание законодательства РФ. 15.05.2017. № 20. Ст. 2901.
4. Федеральный закон от 10.07.2002 г. № 86-ФЗ (ред. от 04.08.2023 г.) «О Центральном банке Российской Федерации (Банке России)» // СПС «КонсультантПлюс».
5. Федеральный закон от 10.12.2003 г. № 173-ФЗ (ред. от 25.12.2023 г.) «О валютном регулировании и валютном контроле» // СПС «КонсультантПлюс».
6. Федеральный закон от 26.03.1998 г. № 41-ФЗ «О драгоценных металлах и драгоценных камнях» // СЗ РФ. 1998 г. № 13 ст. 1463.
7. Основные направления развития финансового рынка Российской Федерации на 2022 год и период 2023 и 2024 гг., [эл. рес.] URL:

https://cbr.ru/Content/Document/File/131935/onrfr_2021-12-24.pdf (дата обращения: 06.02.2024).

8. О Стратегии развития банковского сектора Российской Федерации на период до 2015 г. // Вестник Банка России. 2011. № 21.

9. Райзберг Б.А., Лозовский Л.Ш. Словарь современных экономических терминов. 4-е изд. М.: Айрис-пресс, 2008. С. 76.

Об авторе:

КРУСС Ирина Александровна – кандидат юридических наук, доцент кафедры судебной власти и правоохранительной деятельности ФГБОУ ВО «Тверской государственной университет» (170100, г. Тверь, ул. Желябова, 33), ORCID: 0000-0002-0261-9582, SPIN-код: 1394-2400, e-mail: Kruss.IA@tversu.ru

THE MAIN DIRECTIONS OF IMPROVING THE LEGAL REGULATION OF THE BANK OF RUSSIA IN THE ASPECT OF STRENGTHENING THE BANKING SYSTEM OF RUSSIA

I.A. Kruss

Tver State University, Tver

The article is devoted to the issues of legal regulation of the Central Bank of the Russian Federation. Taking into account the increasing need to ensure the stability of the ruble, the development of the national payment system and financial markets, there is a need for legislative reforms. The purpose of the article is to reveal the most relevant areas for improving the legal regulation of the Bank of Russia. The consolidation of the legal basis for the formation and use of gold and foreign exchange reserves is seen as an important direction for improving legal regulation. A significant reorientation of the banking sector into the sphere of investment and credit activities and the implementation of a policy of strengthening the ruble is necessary. The research methods are formal logic, comparative analysis of legal categories, synthesis (generalization), complexity and a systematic approach. The proposed legislative changes will contribute to improving the implementation of monetary policy and strengthen the banking system through the implementation and protection of Russia's national interests.

Keywords: *Bank of Russia, monetary policy, gold and foreign exchange reserve, currency regulation, currency control.*

About author:

KRUSS Irina – PhD in Law, assistant professor of the department of judiciary and law enforcement of the Tver State University (170100, Tver, ul. Zhelyabova, 33), ORCID: 0000-0002-0261-9582, SPIN-код: 1394-2400, e-mail: Kruss.IA@tversu.ru

Крусс И.А. Основные направления совершенствования правового регулирования деятельности Банка России в аспекте укрепления банковской системы России // Вестник ТвГУ. Серия: Право. 2024. № 1 (77). С. 127–134.

Статья поступила в редакцию 10.02.2024 г.

Подписана в печать 14.03.2024 г.

К ВОПРОСУ О РЕАЛИЗАЦИИ ПРИНЦИПОВ ПРАВА В СУДЕБНОМ ПРЕДСТАВИТЕЛЬСТВЕ ПО ГРАЖДАНСКИМ ДЕЛАМ

А.С. Федина

ФГБОУ ВО «Тверской государственный университет», г. Тверь

На основе междисциплинарного подхода в статье изучаются формы реализации принципов гражданского процесса как основы правового регулирования деятельности судебного представителя в гражданском процессе. Автор приходит к выводу о том, что действие принципов гражданского процесса в деятельности судебного представителя по гражданским делам проявляется в определении его процессуального положения, а также характера его гражданской процессуальной деятельности. Принцип диспозитивности в деятельности судебного представителя реализуется опосредованно в связи с тем, что он действует в рамках полномочий, делегированных ему доверителем. Взаимодействие принципов законности и диспозитивности в деятельности представителя в суде заключается в том, что защита интересов доверителя осуществляется адвокатом только предусмотренными в законе процессуальными средствами. В рамках состязательных полномочий судебный представитель более самостоятелен от воли своего доверителя, нежели при осуществлении им диспозитивных прав.

Ключевые слова: диспозитивность, законность, судебный представитель, адвокат, суд, гражданское дело, деятельность, юридическая помощь, гражданский процесс, принципы, стороны, представительство.

Институт судебного представительства в гражданском процессе обусловлен защитой интересов сторон и третьих лиц (ст. 48 Гражданского процессуального кодекса РФ – далее ГПК РФ) [2]. Кроме того, деятельность адвоката в гражданском процессе в качестве судебного представителя обеспечивает реализацию конституционного права на квалифицированную юридическую помощь (ст. 48 Конституции РФ) [1]. В целях оказания квалифицированной помощи надлежащего качества адвокат руководствуется правовыми и морально-этическими принципами адвокатской деятельности, предусмотренными в ч. 2 ст. 3 Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации» (далее – Закон об адвокатуре) [4], в Разделе Первом Кодекса профессиональной этики адвоката (далее – КПЭА) [6]. Эти принципы (законность, независимость, гласность, соблюдение адвокатской тайны, профессионализм, соблюдение адвокатской этики, честность и др.) выступают основой регулирования

отношений между адвокатом и представляемым им лицом, возникающих до и вне процессуальных отношений с участием суда [12]. В случае оказания доверителю юридической помощи на бесплатной основе его отношения с адвокатом определяются принципами оказания бесплатной юридической помощи (доступность, объективность, своевременность, социальная справедливость и др.) [5].

Особое значение в регулировании гражданских процессуальных отношений с участием судебного представителя в гражданском процессе имеет принцип диспозитивности гражданского процесса. Несмотря на большую значимость в регулировании гражданских процессуальных отношений, принцип диспозитивности не имеет дефиниции и прямого закрепления в ГПК РФ, как например, принцип состязательности и процессуального равноправия сторон (ст. 12 ГПК РФ). Это порождает дискуссию относительно его понимания среди ученых процессуалистов [7, с. 34; 8, с. 8; 9, с. 44; 10, с. 78; 11, с. 16, 25–31, 40–47, 65–77, 95], а также ошибочное его толкование в правовых позициях судов [6]. Соглашаемся с мнением авторов одного из учебников по гражданскому процессу о том, что принцип диспозитивности в гражданском процессе представляет собой начало, определяющее возможность для лиц, участвующих в деле, свободно распоряжаться не только своими процессуальными, но и материальными правами и процессуальными средствами их защиты [10, с. 78]. Действительно, отказ истца от иска нередко представляет собой не только отказ от судебной защиты, но и отказ от самого материального права, например, вследствие прощения истцом долга ответчику.

Анализ гл. 5 ГПК РФ «Представительство в суде» на предмет выявления действия принципа диспозитивности в этом институте показывает, что данный принцип является многосторонним, его содержание формируется из нескольких элементов. Первое проявление принципа диспозитивности в рамках института судебного представительства заключается в осуществлении заинтересованным лицом выбора способа своего участия в суде: самостоятельно или через представителя (ст. 48 ГПК РФ). Кроме того, гражданин может участвовать в суде совместно со своим представителем. Особую роль судебное представительство приобретает в обеспечении доступности правосудия для организаций, т.к. как они по своей природе не могут лично участвовать в гражданском судопроизводстве как граждане. В суде от имени организаций, как указано в ч. 2 ст. 48 ГПК РФ, выступают либо их органы, действующие в пределах, предоставленных им федеральным законом, иными правовыми актами или учредительными документами полномочий, либо представители.

На основе принципа диспозитивности, следуя своей автономии воли заинтересованное лицо определяется с выбором конкретного лица в качестве представителя с учетом требований ч. 2 ст. 49 ГПК РФ. При

этом не могут быть представителями в суде на договорной основе лица, указанные в ст. 51 ГПК РФ.

Стороны и третьи лица осуществляют выбор представителя в суде с учетом того, что в отечественном гражданском процессе лицо, не имеющее статуса адвоката, лицо, не имеющее юридического образования, полученного в высшем учебном заведении, или ученой степени по юридической специальности, могут выступать в качестве представителя только при рассмотрении дел в районном суде или мировыми судьями. Представлять интересы участников гражданско-правового спора в производстве краевого, областного и равного по уровню судов и вышестоящих судах могут только профессиональные представители.

Обязательным субъектом гражданских процессуальных отношений является суд, что предполагает наличие императивности в их правовом регулировании. Возложение на заинтересованных лиц ограничений их автономии в выборе судебного представителя согласно установленным в ч. 2 ст. 49 ГПК РФ требованиям не является препятствием в реализации их права на судебную защиту, а связано с обеспечением права на квалифицированную юридическую помощь.

Наличие императивных начал в регулировании гражданских процессуальных отношений не умаляет роли диспозитивного метода их правового регулирования. Представляется, что наличие диспозитивных начал в регулировании отношений между субъектами гражданского процесса обусловлено равенством сторон гражданско-правового спора. Кроме того, расширение проявлений принципа диспозитивности в гражданском процессе является залогом его успешного развития в сторону эффективности на современном этапе. Подтверждением данного тезиса служит закрепление в ГПК РФ «мирного урегулирования спора» в качестве задачи гражданского судопроизводства (ст. 2 ГПК РФ), а также мер ее реализации в виде закрепления гл. 14.1 ГПК РФ о примирительных процедурах.

Заинтересованное лицо в гражданском процессе России может для представительства своих интересов в суде пригласить неограниченное количество лиц. Главным является соблюдение при выборе этих лиц в качестве представителей в суде требований ст. 49, 51 ГПК РФ. По объективным причинам чрезмерное число представителей в суде, включая адвокатов, может затянуть сроки рассмотрения гражданских дел, например, в связи с необходимостью отложения судебных заседаний для согласований правовой позиций по делу между ними или из-за их поочередной неявки, что в конечном итоге приведет к неэффективности гражданского процесса (ст. 154, ч. 6 ст. 167, ст. 169 ГПК РФ).

В гражданском процессе надлежит установить определенные способы регулирования отношений с участием нескольких лиц в качестве представителей стороны (третьего лица) с тем, чтобы исключить возможное затягивание сроков рассмотрения и разрешения

гражданских дел в этой связи, но и в то же время не нарушить конституционного права заинтересованного лица на квалифицированную юридическую помощь, а также ее диспозитивного права участвовать в гражданском процессе посредством судебного представителя (ст. 48 Конституции РФ, ст. 48 ГПК РФ). Явка одного из представителей стороны должна считаться достаточной для обеспечения реализации прав заинтересованных лиц.

Следующим диспозитивным выбором для заинтересованного лица становится наделение судебного представителя специальными полномочиями (ст. 54 и др. ГПК РФ). Принцип диспозитивности реализуется в положениях ГПК РФ о видах полномочий судебного представителя, порядке наделения ими и их оформлении (ст. 53, 54 ГПК РФ). Для осуществления защиты интересов граждан и организаций в суде адвокат как судебный представитель использует гражданские процессуальные права и выполняет гражданские процессуальные обязанности с учетом соблюдения правил наделения и оформления его полномочий (ст. 54 ГПК РФ).

Наука гражданского процессуального права и законодательство России устанавливает общие и специальные полномочия судебных представителей (ст. 54 ГПК РФ). Общие полномочия судебного представителя в российском гражданском процессе соответствуют гражданским процессуальным правам и обязанностям лиц, участвующих в деле (ст. 35 ГПК РФ). Представитель в интересах представляемого им лица (стороны или третьего лица) использует распорядительные права, перечень которых приведен в ст. 39, 54 ГПК РФ. Если стороны или третьи лица посчитают необходимым наделить своих судебных представителей распорядительными правами, они должны их специально указать в доверенности. Вопрос о наделении полномочий судебного представителя стороны решают перед обращением в суд, либо после, в том числе в судах вышестоящих инстанций.

Следует учитывать, что для оказания квалифицированной юридической помощи у адвоката имеются дополнительные полномочия (ст. 6–8 Закона об адвокатуре). Так, для сбора сведений по делу, по которому адвокат выступает в качестве судебного представителя, он может направлять адвокатский запрос в органы власти и иные организации с тем, чтобы получить от них справки и иного рода документы. Адвокат опрашивает с их согласия лиц, предположительно владеющих сведениями о фактах, относящихся к делу, по которому он оказывает юридическую помощь. На договорной основе адвокат вправе привлекать специалистов для разъяснения вопросов, связанных с оказанием юридической помощи (переводчика, специалиста, медиатора).

Адвокат может встречаться наедине со своим доверителем в условиях, обеспечивающих соблюдение адвокатской тайны. Последнее полномочие представителя в суде является важной гарантией права на

судебную защиту в гражданском процессе в том числе осуждённых в случае их участия в нем в качестве сторон или третьих лиц.

Установленный в законе порядок наделения полномочиями адвоката для его участия в суде в роли представителя интересов стороны и третьего лица на основе принципа диспозитивности направлен на создание условий для эффективного гражданского судопроизводства с участием адвоката, а также осуществления им квалифицированной юридической помощи (ст. 53, 54 ГПК РФ). Адвокату на ведение дела в суде соответствующее адвокатское образование выдает ордер (ч. 5 ст. 53 ГПК РФ). Доверенностью подтверждаются полномочия адвоката совершать распорядительные полномочия, указанные в ст. 54 ГПК РФ. Полномочия адвоката как представителя организации подтверждаются доверенностью, оформленной по правилам ч. 3 ст. 53 ГПК РФ. О наделении полномочиями своих представителей сторона может заявить суду в письменном или устном виде (ч. 6 ст. 53 ГПК РФ).

Соответственно, в основе определения правового статуса представителя в гражданском процессе лежит принцип диспозитивности. Процессуальное положение судебного представителя сторон и третьих лиц в гражданском процессе обусловлено прежде всего интересом последних. В этой связи считаем ошибочным причислять судебного представителя в гражданском процессе к группе лиц, участвующих в деле, или относить его наряду со свидетелями, экспертами к группе лиц, содействующих осуществлению правосудия (ст. 34 ГПК РФ). Судебный представитель не имеет субъективной правоспособности в гражданском процессе. Все процессуальные действия он совершает в суде от имени и в интересах доверителя, в пределах предоставленных ему полномочий (ст. 54 ГПК РФ). Поэтому отнесение представителя к категории иных участников процесса, как это есть в арбитражном процессе, является наиболее приемлемым, нежели его отнесение к лицам, участвующим в деле (ст. 54 АПК РФ).

В гражданской процессуальной деятельности судебного представителя принцип диспозитивности проявляется опосредованным образом, т. к. он действует в рамках делегированных ему доверителем полномочий (ст. 54 ГПК РФ).

Так, принцип диспозитивности лежит в основе стадии возбуждения гражданского дела (ст. 3, 4, 133 ГПК РФ). Кроме случаев, прямо предусмотренных законом, суд возбуждает гражданское дело по заявлению лица, обратившегося за защитой своих прав, свобод и законных интересов (ст. 4 ГПК РФ). К исключениям из действия принципа диспозитивности в вопросах возбуждения гражданского дела относятся право прокурора, органов государственной власти, органов местного самоуправления, организаций или граждан обратиться в суд с заявлением в защиту чужих прав (ч. 2 ст. 4, ч. 1 ст. 45, ст. 46 ГПК РФ).

В доверенности, выданной представляемым лицом своему представителю, должны быть специально оговорены его права на подписание искового заявления и предъявление его в суд (ст. 54 ГПК РФ). Проверка судом доверенности судебного представителя на предмет наличия в нем данного полномочия должна осуществляться тщательным образом, т. к. материально (лично) заинтересованное лицо может не желать возбуждения своего дела в суде, предполагая урегулировать спор во внесудебном порядке, например, посредством обращения в третейский суд, либо в ходе переговоров в примирительных процедурах. Гарантией диспозитивности в вопросах возбуждения гражданского дела является правило, по которому согласно ст. 135 ГПК РФ судья возвращает исковое заявление, если оно не подписано или подписано и подано лицом, не имеющим полномочий на его подписание и предъявление в суд (п. 4 ч. 1).

Принцип диспозитивности проявляется в гражданском процессе в праве стороны определять пределы требуемой защиты при формулировании предмета и основания иска, его содержания (ст. 39, 131 и др. ГПК РФ). Решение по делу суд принимает в пределах заявленных требований, если иное не предусмотрено федеральным законом (ч. 3 ст. 196 ГПК РФ). В гражданском процессе адвокат формулирует правовую позицию по делу совместно со своим доверителем (стороной, третьим лицом).

Прекращение производства по делу происходит в гражданском процессе по объективным основаниям, а также согласно принципу диспозитивности по воле материально (лично) заинтересованных лиц (ст. 220 ГПК РФ). Истец, желающий прекратить производство по делу, должен заявить отказ от иска. Мотивы, побудившие истца отказаться от иска, могут быть различны. Суд прекращает производство по делу на основании отказа истца от иска, если он является следствием свободного волеизъявления и не нарушает права и интересы других лиц (ст. 39, 173, 220 ГПК РФ).

Судебный представитель вправе совершить в суде полный или частичный отказ от исковых требований, уменьшить их размер, признать иск, изменить предмет или основание иска, заключить мировое соглашение при условии, что эти полномочия специально оговорены в доверенности, выданной ему представляемым лицом (ст. 54 ГПК РФ). Суд должен проверить содержание доверенности, выданной адвокату от имени участвующей в деле стороны, на предмет наличия в ней распорядительных полномочий.

Для избегания нарушения прав отсутствующего в судебном заседании ответчика суд не может принимать решение по делу, основываясь на признании иска или признании обстоятельств, совершенных его судебным представителем, в том числе адвокатом, назначенным судом. Расширение информационных технологий в гражданском процессе дает суду

возможность максимально защитить интересы заинтересованных лиц в случае их участия в деле посредством судебного представителя. Если в доверенности, выданной доверителем своему судебному представителю, указано на возможность совершения им распорядительных прав (ст. 39 ГПК РФ) суд может настаивать на обязательном личном участии стороны в судебном заседании посредством вэб-конференции с целью выяснения ее позиции по данному поводу.

Порядок гражданского судопроизводства определяется не только принципом диспозитивности, но и другими принципами гражданского процесса: состязательности, независимости судей, законности, гласности судебного разбирательства и т. д., поэтому деятельность судебного представителя также определяется этими принципами.

В частности, в рамках осуществления состязательных полномочий представитель более самостоятелен от воли своего доверителя нежели при осуществлении им диспозитивных прав. Так, без указания в доверенности представитель в суде реализует такие процессуальные права, основанные на принципе состязательности, как: заявляет ходатайства о вызове свидетелей, назначении судебной экспертизы, приглашении специалистов для дачи консультаций, задает вопросы лицам, участвующим в деле, свидетелям, экспертам, специалистам, дает объяснение суду вместо стороны или третьего лица, чьи интересы представляет в суде, включая признание факта и др.

Взаимодействие принципов законности и диспозитивности в гражданской процессуальной деятельности судебного представителя проявляется в том, что защита интересов доверителя осуществляется только предусмотренными в законе процессуальными средствами (ст. 39, 54 ГПК РФ); представитель не может заявлять неосновательный иск или спор против иска (ч. 1 ст. 35 ГПК РФ). В ГПК РФ надлежит предусмотреть контроль суда за качеством юридической помощи, оказываемой адвокатом. Суд должен иметь право обратить внимание доверителя на ненадлежащее качество оказываемой ему адвокатом юридической помощи, разъяснить ему право обратиться к услугам иного адвоката или лица, удовлетворяющего требованиям ст. 49 ГПК РФ. Для практического воплощения замены судебного представителя суд должен быть наделен правом откладывать судебное заседание в порядке ст. 169 ГПК РФ.

Итак, реализация принципов гражданского процесса в деятельности судебного представителя по гражданским делам проявляется в определении ими характера его гражданской процессуальной деятельности, а значит, в его обязанности ими руководствоваться, а также процессуального положения представителя в суде по гражданским делам.

Особое значение в регулировании отношений с участием судебного представителя в гражданском процессе имеет принцип

диспозитивности. Данный принцип в регулировании отношений с участием судебного представителя проявляется в праве сторон и третьих лиц на выбор способа своего участия в суде: самостоятельно или через представителя, в выборе конкретного лица в качестве представителя с учетом требований ч. 2 ст. 49 ГПК РФ, в наделении судебного представителя общими и специальными полномочиями.

В гражданской процессуальной деятельности судебного представителя принцип диспозитивности реализуется опосредованно, т.к. он действует в рамках полномочий, делегированных ему доверителем. В рамках состязательных полномочий судебный представитель более самостоятелен от воли своего доверителя.

Список литературы

1. Конституция Российской Федерации: принята всенародным голосованием 12 декабря 1993 г. с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01 июля 2020 г. // СПС «КонсультантПлюс».
2. Гражданский процессуальный кодекс Российской Федерации от 14.11.2002 г. № 138-ФЗ (ред. от 25.12.2023 г., с изм. от 25.01.2024 г.) // СПС «КонсультантПлюс».
3. Федеральный закон от 31.05.2002 г. № 63-ФЗ (ред. от 24.07.2023 г.) «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации» // СПС «КонсультантПлюс».
4. Федеральный закон от 21.11.2011 г. № 324-ФЗ (ред. от 25.12.2023 г.) «О бесплатной юридической помощи в Российской Федерации» (с изм. и доп., вступ. в силу с 01.01.2024 г.) // СПС «КонсультантПлюс».
5. Кодекс профессиональной этики адвоката Принят I Всероссийским съездом адвокатов 31.01.2003 г. [Электронный ресурс]. URL: <https://fparf.ru/documents/fpa-rf/documents-of-the-congress/the-code-of-professional-ethics-of-lawyer/> (дата обращения: 29.12.2023).
6. Постановление Конституционного Суда РФ от 26.05.2011 г. № 10-П «По делу о проверке конституционности положений пункта 1 статьи 11 Гражданского кодекса Российской Федерации, пункта 2 статьи 1 Федерального закона «О третейских судах в Российской Федерации», статьи 28 Федерального закона «О государственной регистрации прав на недвижимое имущество и сделок с ним», пункта 1 статьи 33 и статьи 51 Федерального закона «Об ипотеке (залоге недвижимости)» в связи с запросом Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации» // СПС «КонсультантПлюс».
7. Боннер А.Т. Принцип диспозитивности советского гражданского процессуального права. Учебное пособие / Отв. ред. М.С. Шакарян. М.: Изд-во ВЮЗИ, 1987. 78 с.
8. Бояринцев В.Н. Соотношение публичности и диспозитивности в советском судебном праве: дис. ... канд. юрид. наук. М., 1987. 218 с.
9. Вкут М.А., Зайцев И.М. Гражданский процесс: курс лекций. Саратов, 1998. 336 с. (автор главы: И.М. Зайцев).
10. Гражданский процесс: учебник для вузов / под ред. М. К. Треушниковой; Моск. гос. ун-т им. М. В. Ломоносова. 6-е изд., перераб. М.: Городец, 2018. 258 с.

11. Гукасян Р.Е. Проблема интереса в советском гражданском процессуальном праве / Отв. ред.: М.А. Викут. Саратов: Приволж. кн. изд-во, 1970. 190 с.

12. Федина А.С. Взаимодействие принципов адвокатской деятельности и гражданского процессуального права как фактор повышения эффективности судебной защиты: монография. М.: Проспект, 2024. 208 с.

Об авторе:

ФЕДИНА Анжелика Сергеевна – кандидат юридических наук, доцент кафедры судебной власти и правоохранительной деятельности ФГБОУ ВО «Тверской государственной университет» (170100, г. Тверь, ул. Желябова, 33), SPIN-код: 6641-7075, AuthorID: 459882, e-mail: as.fedina@mail.ru

ON THE ISSUE OF IMPLEMENTING THE PRINCIPLES OF LAW IN JUDICIAL REPRESENTATION IN CIVIL CASES

A.S. Fedina

Tver State University, Tver

Based on an interdisciplinary approach, the article studies the forms of implementation of the principles of civil procedure as the basis for legal regulation of the activities of a judicial representative in civil proceedings. The author comes to the conclusion that the effect of the principles of civil procedure in the activities of a judicial representative in civil cases is manifested in determining his procedural position, as well as the nature of his civil procedural activities. The principle of discretion in the activities of a judicial representative is implemented indirectly due to the fact that he acts within the framework of the powers delegated to him by the principal. The interaction of the principles of legality and discretion in the activities of a representative in court lies in the fact that the protection of the interests of the principal is carried out by the lawyer only by procedural means provided for by law. Within the framework of adversarial powers, a judicial representative is more independent of the will of his client than when he exercises discretionary rights.

Keywords: *dispositivity; legality; lawyer; court; civil case; activity; legal assistance; civil procedure; principles; parties; representation.*

About author:

FEDINA Anzhelika – PhD in Law, Associate Professor of the Department of Judicial Power and Law Enforcement of the Tver State University (170100, Tver, Zhelyabova St., 33), SPIN-code: 6641-7075, AuthorID: 459882, e-mail: as.fedina@mail.ru

Федина А.С. К вопросу о реализации принципов права в судебном представительстве по гражданским делам // Вестник ТвГУ. Серия: Право. 2024. № 1 (77). С. 135–143.

Статья поступила в редакцию 10.02.2024 г.

Подписана в печать 14.03.2024 г.

Вопросы истории государства и права

УДК 343.01

DOI: 10.26456/vtpravo/2024.1.144

ИСТОРИКО-ТЕОРЕТИЧЕСКИЙ ПОДХОД В ОСМЫСЛЕНИИ УГОЛОВНОЙ ПОЛИТИКИ РОССИИ

В.В. Антонченко

ФГБОУ ВО «Санкт-Петербургский университет государственной
противопожарной службы МЧС России», г. Санкт-Петербург

Объектом исследования является характер средств и методов борьбы с преступностью, отражающий существо социальных отношений на разных этапах развития общества. Предметом исследования выступает ценностное содержание уголовной политики, определяемое как объективными, так и субъективными детерминантами. Целью является установление взаимосвязи между характером уголовной политики и результатом в сфере охраны правопорядка. Используя историко-правовой метод и ценностно-правовой подход, метод описания и интерпретации, автор делает вывод о том, что принцип талиона и концепция устрашения, веками доминировавшие в стратегии противодействия преступности, не согласуются с основами социального демократического правового государства, высшей целью которого является обеспечение прав человека. Жесткая карательная политика государства не достигает цели предупреждения преступности; наоборот, ужесточение уголовной репрессии провоцирует ее рост. Умножение легального насилия, неадекватное криминальным угрозам, ставит государство на место преступника. Современный подход к пониманию государства и права требует рациональной парадигмы реституции нарушенного преступлением права, не подверженной политической, идеологической и любой другой конъюнктуре. Данная парадигма неизбежно связана с либерализацией уголовного закона и гуманизацией уголовной политики.

Ключевые слова: преступление, наказание, закон, кара, талион, уголовное право, уголовная политика, история наказания, история уголовного права, цели наказания, гуманизация, исправление.

Охранительная роль права особенно актуальна в сфере уголовных правоотношений: во-первых, именно на эту отрасль права возложена охрана наиболее важных социальных ценностей и интересов; во-вторых, уголовное право наиболее существенным образом вторгается в сферу личных прав человека и ограничивает их. Эти обстоятельства определяют особую значимость контроля общества, в том числе и средствами юридической науки, за процессами и тенденциями развития данной области права и законодательства.

Представления людей о преступлении и наказании отражаются в социальных процессах и одновременно отражают общественно-политические трансформации. Природа не содержит понятий «правило» и «норма». Эти понятия не объективны и присущи лишь человеческой цивилизации, а субъективность социальных норм следует за субъективностью обслуживаемых ими ценностей. Люди, соединяясь в сообщества разного уровня (группа, страта, класс, общество и, наконец, государство), имеют общие для этих объединений интересы, находящиеся в той или иной степени корреляции с индивидуальными и общенародными потребностями. Нормативное поведение *homo sapiens* является важнейшим и, возможно, одним из первых достижений человеческой культуры: нормы и правила служат необходимости воздействия общества на индивида с целью определения границ возможных для него деяний.

Ценности, как и нормы, не существуют в природе, они формируются индивидами под воздействием климатических и географических условий жизни людей, религии, особенностей исторического развития общества и других факторов. Бесконечное разнообразие этих факторов обуславливает существование большого количества социальных ценностей и, как следствие, множества охраняющих их социальных норм. Они определяются человеком (и человечеством) исходя из его потребностей, условий фактического бытия, чувственного (получаемого в ходе наблюдения) и эмпирического (рационального, получаемого через синтез чувственной и мыслительной деятельности) опыта [10, с. 5–13]. Ценности непостоянны, обществу присущ ценностный релятивизм, что обычно рассматривается как отрицательное явление. Разрушение традиционных ценностей связывают со снижением в обществе значения духовного и ростом роли материального. Релятивизмом ценностей объясняются процессы утверждения новых общественных моделей и социальных систем. Крахом неких «высших ценностей» интерпретируется, например, стремление к росту прибыли и материальному благополучию в рамках объективно существующей глобализации, также упоминаемой, как правило, с отрицательными коннотациями [12, с. 12–18]. Вместе с тем трансформация ценностей неизбежна, поскольку она является движущей силой развития общества и цивилизационных процессов в целом.

Вопрос о ценностях, охраняемых законом и особенно уголовно-правовыми средствами, всегда был крайне актуальным как в теории права, так и в практике правоприменения. Определение ценности тех или иных объектов и общественных отношений является основанием для криминализации деяний, причиняющих им вред. По объекту преступного посягательства структурирован уголовный закон; иерархия ценностей, которым причинен вред, влияет на характер юридической

ответственности, вид наказания, его меру и степень. Изучение и оценка современного состояния сферы борьбы с преступностью, объективированной в уголовном законе и уголовной политике, невозможны без определения иерархии подлежащих охране (по закону) и реально охраняемых (в силу практики правоприменения) ценностей и благ. Эволюция уголовно-правового воздействия, опосредованная уголовным законом и уголовной политикой, может рассматриваться как последовательный процесс трансформации ценностей, целей и видов наказания. Уголовное законодательство (как и право в целом) представляется феноменом, обладающим свойствами статики, упорядочивающим общественные отношения, сообщающим им качества стабильности и предсказуемости. Уголовная политика (как и политика вообще) – явление более широкого порядка. Это динамичная область, зависящая от многих сложно прогнозируемых факторов. На нее влияют, в том числе, и психологически обусловленные детерминанты: личные качества (ценности, цели и мотивы) правоприменителей и лиц, представляющих властные элиты и наделенных возможностью влиять на процессы применения права.

Аксиологический подход к пониманию движущих сил историко-правовой реальности основывается на определении ценностных доминант в процессах возникновения и развития тех или иных явлений, феноменов и событий. Формулирование и интерпретация «социальной полезности» может быть крайне широкой и неоднозначной. Толкование ценности, целесообразности и желательности как разных сторон полезности является индивидуальным для различных социальных классов, общественных страт и групп, а также для самих индивидов. Уголовные законы в государстве любой эпохи выражают существо экономического уклада, особенности общественного строя, религиозные и идеологические представления социума и, прежде всего, государственных элит о должном (правомерном) и недолжном (преступном). Этот подход позволяет не только описать историко-правовые трансформации, но и выявить их истинный смысл, определить их бенефициаров, обнаружить позитивные и негативные качества. Таким образом, ценностные начала в исследовании позволяют изучать сущность правовых явлений, исходя из осмысления отношения субъектов права к формированию той или иной правовой реальности.

Ценности у индивида и социальной группы служат основой для целеполагания своей деятельности, а цели могут достигаться различными методами, на выгоду и эффективность которых существуют, как правило, множество разных, иногда противоречащих друг другу, точек зрения. Каждый этап формирования ценностей индивидов и общества, должных целей и методов их достижения в немалой степени зависит от субъективных предпочтений, взглядов и идей субъектов политики и права.

Эффективность воздействия норм и правил поведения на общественные отношения можно оценить по тому, насколько позитивными являются изменения объективной реальности в результате применения требований юридических норм в жизни. Уже на данном этапе оценки изменений мы сталкиваемся с проблемой субъективизма. Отнесение тех или иных явлений к «позитивному» либо «негативному» подчиняется лишь самым общим представлениям о должном, сформированным культурой в обществе на определенном этапе его развития. При приближении к конкретным явлениям и обстоятельствам понятия «позитивное» (положительное) и «негативное» (отрицательное) формируются в индивидуальном сознании в зависимости от личных предпочтений, социального статуса, образования, возраста, жизненного опыта и многих иных обстоятельств реальной действительности. Указанные факторы, преломляясь в результате психических процессов в сознании индивидов в устойчивые убеждения, формируют у них определенный тип мировоззрения, влияющий на ценностные установки. Общая сумма индивидуальных ценностей детерминирует у социальной общности и, в конечном счете, у общества в целом, определенный целеполагаемый идеал, закрепляемый в морали и религиозных заповедях. Однако любые нормы и заповеди всегда относительны: даже самые известные и, казалось бы, концептуально важные, перманентно нарушаются с момента их провозглашения. Так, например, наиболее известные в мире заповеди «не убий» и «не укради» не сыграли видимой роли ни в бытовой повседневности (о чем свидетельствует статистика преступности), ни в предотвращении массовых убийств и передела собственности в результате войн, революций, геноцидов и других подобных социальных потрясений. Это обстоятельство актуализирует проблему правовых ценностей, т. е. тех достижений регулятивной культуры, которые невозможно игнорировать в силу их защиты государством.

Анализ эволюционных изменений в области уголовного права позволяет не только выявлять общие закономерности развития уголовно-правовых ценностей, обнаруживать заблуждения, свойственные индивидуальному и общественному правосознанию, порождающие дефекты правового регулирования в этой сфере, но и дать прогноз о перспективах развития общества и государства в будущем. Осмысление уголовного права в его развитии, восприятие прошлого правового опыта позволяет оценить его текущее состояние, сформировать актуальное современности правопонимание и правоприменение. Отечественное уголовное право, являясь основным инструментом обеспечения правопорядка с момента возникновения государства в IX в., следовало целям его становления и укрепления. В течение последующих девяти столетий верховная власть, обеспечивая и закрепляя процессы централизации государственной власти и

сословного расслоения общества, формировала и наращивала репрессивную уголовную политику. Уголовное законодательство развивалось по пути последовательной криминализации все большего количества деяний и многократного ужесточения ответственности за их совершение. Например, при князе Владимире в 996 г. смертная казнь применялась лишь за несколько преступных деяний (в основном, за убийство и разбой) [13]. По Соборному уложению 1649 г. основанием для применения этого вида наказания были уже 60 составов преступлений [16]; при Петре I таких деяний стало уже более сотни [15].

Законодательная отмена табу в отношении легального и массового причинения человеку смерти и калечащих наказаний навсегда положила конец эпохи криминальной невинности народа. Жестокость законов и безжалостность наказаний изменили правосознание населения. По образному выражению Дж.Б. Шоу, казнь есть самая отвратительная форма убийства, потому что совершается с одобрения общества. Став возможными в сознании людей, антигуманные перверсии в культуре сыграли свою отрицательную роль в переломные моменты развития общества и государства, наделив войны, революции и другие социальные потрясения признаками особой жестокости.

К субъективным факторам, определяющим содержание и состояние уголовной политики, относятся не только текущие интересы и рациональные цели правящих элит. Так, государственная политика Ивана IV («Грозного») в 1565–1572 гг., известная как «опричнина», была, по мнению большинства историков, обусловлена его психическим нездоровьем и проявлением тиранических наклонностей [6]. Заклучавшаяся в ужесточении власти и репрессиях в отношении любых несогласных, она привела к разорению государства и системному общественно-политическому кризису, поставившему страну на грань распада в Смутное время. «Оберегая государя, она колебала самые основы государства. Направленная против воображаемой крамолы, она подготавливала действительную» [7]. В этом кратком определении В.О. Ключевского содержится емкий вывод о причинах неблагоприятного состояния социума, применимый, к сожалению, не только ко времени правления Ивана IV и выходящий далеко за пределы отношений, регулируемых уголовным правом.

С середины XVIII в. в России можно наблюдать процесс «смягчения нравов» в обществе, непосредственным образом отразившийся и в праве. Этот краткий по историческим меркам полуторавековой период в истории отечественного права следовал общецивилизационной тенденции, подчинившейся импульсу рационализма и гуманизма эпохи европейского Просвещения XVII–XVIII вв.

Ф. Гегель говорил о том, что благодаря прогрессу образования смягчаются воззрения на преступления и в настоящее время наказания далеко не так суровы, как сто лет назад: другими стали не преступления или наказания, а отношение между ними [3, с. 144–145]. Однако и в этот период право продолжает охранять ценности сословного общества: отечественная уголовная политика следует закреплению идеалов этатизма, обеспечивая потребности всемерного укрепления центральной государственной власти. Население страны в таких условиях получает роль ресурса для достижения политических и иных (экономических, идеологических и т. д.) целей властных элит, состоящих в обеспечении их благополучия и безопасности на основе поддержания стабильности общественного устройства.

Прогрессивные либеральные реформы Александра II практически во всех сферах жизни общества позволяли решить давно наболевшие социально-экономические проблемы. Россия, получив во второй половине XIX в. зачатки гражданского общества и правового государства, имея в проекте прообраз Конституции (пусть и со всеми оговорками в ее неполноценности), очень быстро утратила все это с приходом к власти Александра III, имевшего иные ценностные консервативно-охранительные установки, реализованные им в политике и праве. Реакционные меры правительства, направленные на стабилизацию общественно-политической ситуации в России, ослабив революционное движение, обострили социальные противоречия и увеличили тяжесть грядущих социальных катастроф 1905 и 1917 гг. [4, с. 437–440].

Занимавший высший пост во властной вертикали СССР с 1922 по 1953 гг. И. Сталин был основателем тоталитарной диктатуры и организатором массовых репрессий, унесших жизни миллионов людей [17]. Сегодня сложно не согласиться с тем, что законодательство этого периода было кровавым, отбросившим принципы законности, гуманизма и справедливости в средневековую бездну [9, с. 44]. Уголовная политика государства, основанная на идеологической целесообразности, позволяла во внесудебном порядке применять ссылки (в том числе, семьями, населенными пунктами и национальностями) и казни. Смерть И. Сталина остановила продолжавшиеся (и набравшие силу в послевоенный период) репрессии и изменила политический облик и правовую действительность в стране. Однако отягощение социума этим историческим грузом многие историки считают одной из причин краха государства менее чем через сорок лет после кончины диктатора.

Исторический анализ уголовной политики России свидетельствует о том, что акцентуация на уголовно-правовом устрашении в борьбе с преступностью способна дать положительные результаты лишь в краткосрочном периоде. Долговременное легальное насилие, зачастую

принимающее формы террора (1565–1584, 1698–1725, 1881–1894, 1899–1910, 1917–1953 гг.), лишь обостряло социальные противоречия, являющиеся основными криминальными детерминантами. Неизбежно возникающий за этим рост криминальных деяний, одновременно смещался в сторону тяжких и особо тяжких преступлений.

Проводя репрессии в отношении своих граждан, государство само становится преступником, совершающим деяния, несоизмеримые по своей тяжести и вредности последствий с «традиционной» преступностью. Разрыв между фундаментальными целями общества и методологией властного управления неизбежно оборачивается разрушительными кризисами: культурным, экономическим, социальным и, наконец, политическим. Уже в среднесрочной перспективе такая политика всегда приводит к культурной и правовой деградации общества, а в долгосрочной – может быть одним из важнейших триггеров, запускающих процессы государственного распада. Отечественная история дает примеры таких событий: Смутное время (1598–1613 гг.), революции (1905–1907 гг., 1917 г.), распад государства 1991 г.

Политические кризисы, в основе которых всегда лежат внутренние социальные противоречия, подрывают доверие общества к закону и власти. Детерминанты возникающего на этом фоне роста преступности являются очевидными и не могут быть устранены методами устрашения и ужесточения уголовной политики. Жесткая карательная практика на протяжении столетий удаляла из общества сотни тысяч человек путем смертной казни (в том числе без суда), каторги и тюрьмы (приводящих не к исправлению, а к десоциализации и совершенствованию криминальных навыков). Такая правовая политика исторически являлась одним из факторов, вызывавших тяжелейшие социальные кризисы, угрожавшие государству либо прекращавшие его существование.

Государство должно быть сильным; эта аксиома имеет древние корни. И на заре цивилизации в догосударственный период, и позднее шанс на выживание в противостоянии с природой, другими людьми и их группами имели только сильные сообщества: стадо, род, община и т.д. Любопытный подход к пониманию цели формирования определенной уголовной политики и уголовного права как инструментов обеспечения ценностей сильного государства имели Ю.Е. Пудовочкин и М.М. Бабаев: сильное государство рассматривается как способное не только противостоять своей мощью угрозам (внутренним и внешним), но и доминировать во всех сферах общественной жизни [14, с. 131–144]. Действительно, практика государственного строительства издревле связывает понятие «силы» с «насилием»: чем выше насилие, чем строже законы, жестче наказания, суровее правоохранительная действительность, тем, как предполагается,

сильнее государство. Индуцированное властными элитами, такое понимание силы нередко поддерживается и населением. Это особенно характерно для государств с недемократическими политическими режимами, сосредотачивающими власть в руках правящего меньшинства и отличающихся единой идеологией, политизацией общественной жизни и жестким полицейским контролем над всеми социальными процессами. Такая концепция «сильного государства» в современном мире вряд ли справедлива: судьба СССР, который с подобной точки зрения был, безусловно, очень сильным государством, более чем красноречива. Представляется, что сегодня сила государства определяется не его способностью к насилию, а его успешностью в осуществлении собственных функций, основной из которых является обеспечение благополучия и безопасности граждан.

Глобальные социальные достижения в сфере производства, распространения и потребления информации, резкое увеличение коммуникативных возможностей людей, в том числе и связанных с невиданной ранее легкостью их физического перемещения по миру, привели к тому, что сословные общества, все еще сохраняя свои позиции в некоторых государствах, неизбежно уступают место человеческим объединениям, основанным на принципах свободы и равенства. Сегодня люди могут формировать мировоззрение и определять свою позицию по отношению к происходящему в государстве, праве и общественной жизни, составлять личное мнение к указанным явлениям в категориях «законно»–«незаконно», «справедливо»–«несправедливо».

Показательно, что политика уголовного устрашения, которая должна была прекратиться вместе с исчезновением сословного общества и неправового государства, и сегодня находит поддержку в современном российском обществе. Так, принцип равного возмездия за преступление (талиона), известный с древности и лежавший в основе классической школы уголовного права XVII – начала XIX вв.: «Карающий закон есть категорический императив» [5, с. 256], до сих пор сохраняется в общественном правосознании и общественной реакции на громкие преступления. Более того, этот древний принцип продолжает присутствовать и в теории наказания [8], и в законодательстве (через формулировку «восстановления социальной справедливости» как цели наказания в ч. 2 ст. 43 УК РФ) [1].

Вместе с тем, как показывает анализ исторического развития государства, права, эволюции уголовной политики и успехов в борьбе с преступностью, существует и обратная связь: чрезмерно жесткое применение специально-юридических, а не социальных мер (криминализация все большего количества деяний, ужесточение видов и сроков наказания и т.д.), оборачивается для общества потерями, многократно превышающими вред от самой преступности. Если право в

его позитивном понимании перестает служить прогрессу и гармонизации общественных отношений, оно автоматически становится инструментом, разрушающим стабильность общества и безопасность государства; законодательство перестает быть правовым, а социум возвращается в состояние, свойственное неэффективной архаике прошлого.

Пенологическая доктрина устрашения содержит в своем фундаменте жестокость законов. Общая превенция противоправных действий основана на инициировании страха перед наказанием у лиц, склонных к таким действиям, однако дегуманизация законодательства необратимо приводит к расчеловечиванию общества. Направленная на «запугивание» потенциальных преступников и не достигающая в этом значимых результатов, эта политика неизбежно оборачивается нарушением прав и свобод невиновных лиц.

Право создается государством, функции которого выполняют соответствующие законодательные органы и должностные лица, представленные людьми, составляющими властную (правлящую, политическую) элиту. В государстве с любым политическим режимом властные элиты составляют крайне незначительную часть населения, однако, чем более демократическим является в государстве политический режим, тем точнее создаваемое право и следующая за этим политика (в данном случае уголовная) соответствуют ценностям и запросам широких слоев населения [2].

Рациональность, целесообразность и эффективность уголовной политики современного государства не может быть достигнута ни посредством реализации принципа талиона, ни путем устрашения. Обе эти доктрины закрепляют в общественном правосознании возможность существования насилия для достижения неких социально-полезных целей. Длительная эволюция уголовного права сформировала его новый облик, в котором отказ от телесных наказаний, смертной казни и каторжных работ, появление наказаний, альтернативных лишению свободы, увеличение количества оснований освобождения от ответственности и наказания являются несомненными преимуществами. В современных условиях уголовно-правовая политика, право в целом и государство вообще могут быть эффективными только в том случае, если в фокус своего внимания включает индивида и его права, не наделяет граждан свойствами ресурса, который можно расходовать для достижения каких-либо целей (экономических, политических, идеологических и т.п.), а присваивает ему качества капитала, который требует заботы и приумножения.

Социально-политические трансформациями в конце XX в. обусловили качественные изменения в уголовном законодательстве и уголовной политике России. Сегодня является общепризнанным вывод социологов и криминологов о том, что основной (но не единственной)

причиной преступности являются социальные противоречия, отражающиеся на условиях существования индивидов. Преступления порождает система; отсюда «лучшая уголовная политика – это политика социальная» [11, с. 76].

Тренды уголовной политики России сегодня настолько разнонаправленны, что порождают сомнение в существовании единого направления данной сферы социальной деятельности. Достаточно сказать, что Уголовный кодекс России с начала его действия в 1997 г. до настоящего времени претерпел тысячи изменений, внесенных в него более чем тремястами федеральными законами и постановлениями Конституционного суда РФ¹. Общие тенденции в развитии современной отечественной уголовной политики говорят об отсутствии четко сформулированных концептуальных основ в этой сфере. Иллюзия гуманизации, признаваемой прогрессом в эволюции права, не согласуется с криминализацией и пенализацией деяний, не обладающих достаточной для уголовного преследования степенью общественной опасности, а ужесточение ряда уголовно-правовых норм и практическое усиление уголовной репрессии не соответствует имеющейся в стране криминальной ситуации.

Закон прямолинеен, политика тонка и выражает суть личных, групповых и общесоциальных интересов. Но она является не только фокусом экономических и иных потребностей, но и характеризует понятие властных элит о «должном», не всегда основанное на рациональности права и закона. Специально-юридические средства могут иметь успех только в том случае, если в их основании будут лежать меры социального характера, направленные на сглаживание социальных противоречий.

Рациональный разворот от карательных идей к правосстановительному мировоззрению возможен лишь при условии внедрения в правовую культуру общества и его элит современных взглядов на право. Мудрость законодателя и правоприменителя в сфере борьбы с преступностью состоит в соблюдении баланса, в непричинении действием закона вреда большего, чем причинено преступлением. Очевидным следствием из аксиомы о приоритете прав человека (ст. 2 Конституции РФ) как исходной нормы для формирования всего законодательства, является постулирование главной задачи уголовной политики: защита прав и свобод человека и гражданина.

¹ СПС «Гарант». URL: <https://base.garant.ru/10108000/?ysclid=lluo8nkwi8975739867> (дата обращения: 07.11.2023).

Список литературы

1. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 г. № 63-ФЗ (ред. от 25.12.2023 г.) (с изм. и доп., вступ. в силу с 30.12.2023 г.) // СПС «КонсультантПлюс».
2. Антонченко В.В. Право и демократия в политической системе общества // Вестник Российской правовой академии. 2023. № 2. С. 148–157.
3. Гегель Г.В.Ф. Философия права. М.: Мысль, 1990. 504 с.
4. История России с начала XVIII до конца XIX века / под ред. Сахарова А.Н. М.: Институт Российской истории РАН, 1997. 578 с.
5. Кант И. Метафизика нравов. Соч. в шести томах. Т.4. II. М., 1965. 478 с.
6. Карамзин Н.М. История государства Российского: в 3 кн. (12 т.). СПб.: Золотой век, Диамант, 1997. Кн. 3. (Т. 9–12). 702 с.
7. Ключевский В.О. Сочинения. В 9 т. Т. 2. Курс русской истории. Ч.2. М.: Мысль, 1987. 447 с.
8. Корсаков К.В. Модель возмездия в криминологии и уголовно-правовой доктрине. М.: Юрлитинформ, 2007. 224 с.
9. Курс уголовного права. Общая часть. Том 1: Учение о преступлении / под ред. Н.Ф. Кузнецовой, И.М. Тяжковой. М., 2002. 624 с.
10. Лебедев С.А. Чувственное и эмпирическое знание в науке: сходство и различие // Известия Российской академии образования. 2019. № 1 (49). С. 5–13.
11. Лист Ф. Учебник уголовного права. Общая часть (перев. с нем.). М., 1903. 358 с.
12. Малыгина Г.В. Трансформация ценностей в эпоху глобализации как социально-философская проблема // Гуманитарные и социальные науки. 2010. № 2. С. 12–18.
13. Повесть временных лет / Подгот. текста, пер., ст. и коммент. Лихачева Д.С.; под ред. Адриановой В.П. СПб.: Наука, 1996. 668 с.
14. Пудовочкин Ю.Е., Бабаев М.М. Уголовная политика и уголовное право сильного государства // Актуальные проблемы российского права. 2023. Т. 18. № 2. С. 131-144.
15. Российское законодательство X–XX вв.: в 9 т. Т.4. Законодательство периода становления абсолютизма / отв. ред. А.Г. Маньков. М.: Юрид. лит., 1986. 511 с.
16. Тихомиров М.Н., Епифанов П.П. Соборное уложение 1649 года. М.: изд-во МГУ, 1961. 414 с.
17. Хлевнюк О.В. Хозяин. Сталин и утверждение сталинской диктатуры. М.: РОССПЭН, 2012. 480 с.

Об авторе:

АНТОНЧЕНКО Вадим Викторович – кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры гуманитарных и социально-экономических дисциплин Дальневосточной пожарно-спасательной академии – филиала ФГБОУ ВО «Санкт-Петербургский университет государственной противопожарной службы МЧС России» (690922, Российская Федерация, г. Владивосток, о. Русский остров, п. Аякс 27), SPIN-код: 5358-1098, ORCID: 0000-0002-0319-562X, Researcher ID: AAB-4863-2022, e-mail:

antovadim@yandex.ru

HISTORICAL AND THEORETICAL APPROACH IN UNDERSTANDING THE CRIMINAL POLICY OF RUSSIA

V.V. Antonchenko

St. Petersburg University of the State Fire Service of the Ministry of Emergency
Situations of Russia, St. Petersburg

The object of the study is the nature of the means and methods of combating crime, reflecting the essence of social relations at different stages of the development of society. The subject of the study is the value content of criminal policy, determined by both objective and subjective determinants. The aim is to establish the relationship between the nature of criminal policy and the result in the field of law enforcement. Using the historical-legal method and the value-legal approach, the method of description and interpretation, the author concludes that the talion principle and the concept of intimidation, which have dominated the strategy of combating crime for centuries, are not consistent with the foundations of a social democratic rule of law, the highest goal of which is to ensure human rights. The harsh punitive policy of the state does not achieve the goal of crime prevention; on the contrary, the tightening of criminal repression provokes its growth. The multiplication of legal violence, inadequate to criminal threats, puts the state in the place of the criminal. The modern approach to understanding the state and law requires a rational paradigm of restitution of the right violated by the crime, which is not subject to political, ideological and any other conjuncture. This paradigm is inevitably associated with the liberalization of the criminal law and the humanization of criminal policy.

Keywords: *crime, punishment, law, punishment, talion, criminal law, criminal policy, history of punishment, history of criminal law, goals of punishment, humanization, correction.*

About author:

ANTONCHENKO Vadim – PhD in Law, Associate Professor, Associate Professor of the Department of Humanitarian and Socio-Economic Disciplines of the Far Eastern Fire and Rescue Academy - a branch of the St. Petersburg University of State Fire Service of the Ministry of Emergency Situations of Russia (690922, Russian Federation, Vladivostok, o. Russian Island, Ajax 27), SPIN code: 5358-1098,

ORCID: 0000-0002-0319-562X, Researcher ID: AAB-4863-2022, e-mail: antovadim@yandex.ru

Антонченко В.В. Историко-теоретический подход в осмыслении уголовной политики России // Вестник ТвГУ. Серия: Право. 2024. № 1 (77). С. 144–155.

Статья поступила в редакцию 13.09.2023 г.
Подписана в печать 14.03.2024 г.

К ВОПРОСУ ОБ УСЛОВИЯХ ФОРМИРОВАНИЯ И РАЗВИТИЯ ПРОФЕССИОНАЛЬНОЙ ПРЕСТУПНОСТИ В ДОРЕВОЛЮЦИОННОЙ РОССИИ¹

К.А. Зарубина

ФГБОУ ВО «Юго-Западный государственный университет», г. Курск

Определены специфические условия формирования и развития профессиональной преступности как опасного криминального явления в дореволюционной России. Дана общая характеристика социально-экономических, политических и культурных условий, влиявших на трансформацию профессионального преступного мира в рассматриваемый период, обусловивших консолидацию преступной среды и упрочение криминальных связей между преступниками-профессионалами в России к концу XIX – началу XX вв.

Ключевые слова: профессиональная преступность, криминальная специализация, преступная квалификация, профессиональный преступник, вид преступности, криминальный мир, наказание, преступление.

Профессиональная преступность прошла долгий путь становления и развития. Принято считать, что впервые термин «профессиональный преступник» появился в научной среде в XVIII в. Причем как особый самостоятельный вид преступности профессиональная преступность впервые была выделена на Гейдельбергском съезде криминалистов в 1897 г. [3, с. 211] Однако формирование и развитие этого опасного антисоциального явления в России началось задолго до появления понятий «профессиональный преступник», «профессиональная преступность» и выделения этой разновидности преступности в самостоятельный вид.

Зарождение и развитие профессиональной преступности в российском государстве имело свой особый эволюционный путь. Трансформация профессиональной преступности в России в дореволюционный период происходила в специфических социально-экономических, политических и культурных условиях, что было предопределено влиянием на развитие это вида преступности в стране различных факторов, обусловивших формирование в России к концу XIX – началу XX вв. уникального, монолитного и сплоченного преступного мира «профессионалов». По справедливому замечанию

¹ НИР подготовлена в рамках государственного задания на 2024 год «Трансформация частного и публичного права в условиях эволюционирующих личности, общества и государства» (номер 0851-20200033).

исследователя А.И. Гурова, во Франции, Италии, Германии, Англии консолидация преступного мира началась гораздо раньше, чем в России. При этом профессиональная преступность в российском государстве в дореволюционный период занимала совершенно иное, отличное от западноевропейского положение [5]. На это хотелось бы обратить особое внимание в данной статье.

Для начала выделим особенности экономического развития российского государства. Так, в дореволюционный период экономика России была, в первую очередь, ориентирована на сельское хозяйство, а большинство подданных империи проживало в сельской местности, что не могло не оказать влияние на специфику организации преступного мира [14, с. 12]. Из-за того, что уровень урбанизации в дореволюционной России был очень низким, имущественные преступления, совершившиеся преимущественно в городской среде, были не характерны для общеуголовной и профессиональной преступности России. В Западной Европе, напротив, особую распространенность еще в Средневековье имели иные разновидности преступной деятельности корыстной и корыстно-насильственной направленности, например магазинные кражи, карманничество, «процветающее» на крупных рынках, базарах, ярмарках; в то время как в российском государстве, начиная с древности, наиболее «профессионализированными» были другие разновидности преступности, например конокрадство, распространенное именно в сельской местности, за которое преступников приговаривали к высшей мере наказания (по Русской правде за кражу коня назначалось такое наказание, как «поток и разграбление», позднее – смертная казнь). Особо преследовалось законом повторное совершение кражи лошадей, что указывало на профессиональный характер этой разновидности преступной деятельности [7, с. 61–65].

Еще одним условием, оказавшим большое влияние на трансформацию профессиональной преступности в дореволюционный период, было продолжительное существование в России крепостничества (до второй половины XIX в.). Поскольку крепостное право тормозило экономическое развитие российского государства, это отрицательно сказывалось на материальном положении большей части населения – крестьянства (в первую очередь, крепостного), а значит, усиливало социальную напряженность и обуславливало рост преступности [21, с. 25]. В подтверждение этому укажем, что в дореволюционной России процент осужденных крестьян был всегда достаточно высоким, более половины осужденных принадлежали именно к крестьянскому сословию [20, с. 36–42]. При этом многие из крестьян становились самыми настоящими профессиональными преступниками, находясь в составе шаяк воров, разбойников и грабителей.

В связи с тем, что процесс закрепощения крестьян уже в XVII в. окончательно был завершён (в связи с установлением бессрочного сыска беглых крестьян Соборным уложением 1649 г.) [22, с. 99–102; 18, с. 161], бегство крепостных стало настоящей проблемой для российского государства [10, с. 188–192; 13, с. 51–54]. Однако «лучшей» свободной жизни беглые крестьяне чаще всего не находили, ввиду чего обращали свои взоры к противоправной деятельности как к единственной возможности обеспечить для себя и своей семьи нормальное существование. Преступный образ жизни позволял беглым «зарабатывать», пусть и весьма специфическим способом. Яркий пример – криминальная деятельность известного вора XVIII в. крепостного крестьянина Ивана Осипова (Ваньки Каина), который с детства воровал у барина, соседей, матери, а в юности бежал и примкнул к одной крупной воровской шайке, стал специализироваться на карманных кражах и обрел «славу» одного из самых удачливых карманников России XVIII в. [1, с. 46]. Так, по справедливому замечанию исследователя А.И. Гурова: «Огромная армия бродяг постоянно пополнялась беглыми крестьянами, автоматически превращавшимися в потенциальных преступников» [5]. При этом с отменой крепостного права в 1861 г. положение бывших крепостных значительно не улучшилось. Крестьянство, не успев адаптироваться к экономическим преобразованиям и новому свободному статусу, беднело. Это также сказалось на криминогенной ситуации. Часть крестьян обратилась к преступной деятельности, найдя в этом единственно возможный путь обеспечения для себя и своей семьи безбедного существования. В этой среде появлялись и профессиональные преступники. Согласно данным официальной судебной статистики, в пореформенный период в России отмечен рост числа крестьян, осужденных за разбой, грабеж, кражу [2, с. 285–319]. Как видим, бывшие крепостные крестьяне больше «специализировались» на преступлениях корыстной и корыстно-насильственной направленности, что указывало на особый мотив совершения противоправных деяний – материальное обогащение, получение от преступной деятельности дохода. Кроме того, по утверждению И.М. Мацкевича, крестьянская реформа 1861 г. вызвала миграционные процессы, вследствие чего в преступной среде стали появляться профессиональные преступники из купцов и дворян, совершавшие подлоги кредитных бумаг, карточное шулерство, превратив его в финансовое мошенничество [12, с. 127–135].

Вследствие этого можно заключить, что известная крестьянская реформа 1861 г. имела как позитивный результат, так и негативный. Если до отмены крепостного права многие крестьяне считали преступную деятельность единственно возможным средством заработка, средством обеспечения безбедного существования, ввиду

тяжелого экономического бремени «крепостной жизни», то после обретения долгожданной свободы на преступный путь бывших крепостных крестьян толкали высокие выкупные платежи, малоземелье, недостаточная подготовленность большей части крестьянства к самостоятельному ведению хозяйства в условиях развивающегося капитализма и, как следствие, неустойчивое материальное положение.

Еще одним важным фактором, оказавшим влияние на становление и развитие профессиональной преступности в России, можно назвать особенности отечественного дореволюционного уголовного законодательства, а именно сложившейся системы наказаний. Общеизвестно, что карательные меры по отношению к особо опасным преступникам в России в этот период были крайне суровыми, что априори исключало возможность возвращения «оступившихся» к нормальной жизни, даже если «профессионал» только начинал свою криминальную «карьеру». К примеру, в Уставной книге Разбойного приказа 1555–1556 гг. (главного розыскного органа страны) сообщается о массовости разбойных шаек, а также оправдывается казнь потенциальных профессиональных преступников в связи со сложностью воспитательного воздействия на них уголовно-исправительной системы [19]. По Судебникам XV–XVI вв. смертная казнь применялась по отношению к ворам, пойманым с поличным, разбойникам и другим «категориям» опасных преступников. Причем особо устрашающей была квалифицированная смертная казнь – четвертование, колесование, распятие на кресте, сожжение на костре и т. п. Для большего эффекта наказание приводили в исполнение публично на площади, при большом стечении народа, перед этим преступника «торжественно-позорно» приводили к месту смертной казни. Не менее устрашающими были и телесные наказания: избиевание преступника кнутом на площади (торговая казнь, которая нередко приводила к смерти осужденного), биение батогами и др. [11, с. 28–33]. Одним из наиболее распространенных наказаний в XIX в. становится тюремное заключение (в соответствии с нормами Уложения о наказаниях уголовных и исправительных 1845 г.), которое, по утверждению современников, не «исправляло» преступников, а наоборот, только «укореняло» в них желание совершать новые преступления [4, с. 73].

Так, существовавшая в дореволюционной России система наказаний имела главную цель – устрашение [16, с. 9–15]. В связи с этим преступники, однажды преступившие черту закона, как правило, осознавали невозможность возвращения к нормальной, законопослушной жизни и навсегда связывали свою жизнь с опасным преступным промыслом. Исправительная цель наказаний также не приводила к необходимым результатам. Вследствие этого преступники продолжали свой криминальный путь и становились с годами настоящими

«профессионалами» своего «дела». По сути, закон сам ориентировал преступников к приобретению особых криминальных знаний, умений и навыков, по большей мере отрицая возможность исправления самых «закостенелых» преступников, промышлявших общественно опасным «ремеслом».

Отдельно отметим, что российские дореволюционные правоохранительные органы, как правило, плохо справлялись со своими прямыми обязанностями по противодействию преступной деятельности. Общеизвестно, что раскрываемость преступлений в дореволюционный период была крайне низкая, и даже невысокий уровень развития криминального мастерства в это время гарантировал преступнику неуязвимость от уголовного преследования. Например, разграничение направлений деятельности разных отделений полиции по признаку организации борьбы с конкретными разновидностями профессиональной преступной деятельности в России произошло только в начале XX в. Так, согласно Инструкции чинам сыскных отделений от 09.08.1910 г., регламентирующей организационную структуру и порядок деятельности сыскных отделений, работа сотрудников этих отделений выстраивалась по принципу криминальной специализации. Это позволяло личному составу усовершенствовать свои профессиональные умения, навыки и повысить раскрываемость преступлений, совершенных «профессионалами» [8]. Также в данный период правоохранительные органы начали «сбирать» коллекцию почерков преступников, при этом «автографы выдающихся профессиональных преступников» сохраняли особо [6, с. 56–61]. Однако и этого было недостаточно для того, чтобы противостоять уже хорошо организованному и консолидированному профессиональному преступному миру.

Как видно, до начала XX в. деятельность правоохранительных органов не была прямо нацелена на противодействие профессиональной преступности, которая к концу XIX – началу XX вв. уже находилась на высокой стадии развития. Как следствие, сотрудники органов внутренних дел не обладали необходимой квалификацией для организации борьбы с профессиональной преступностью на должном уровне, что не могло не способствовать развитию преступного мастерства в криминальной среде.

Иногда к отличительным факторам, детерминирующим развитие преступности, в том числе и профессиональной, относят и особое отношение населения к преступности, преступникам, а также к деятельности правоохранительных органов. Правовая активность населения в дореволюционный период была, как правило, невысокой, также как и уровень правосознания. В зависимости от социального положения, принадлежности человека к определенному сословию у населения формировалось особое отношение к общественному порядку.

К преступникам из низших слоев, в том числе и к профессиональным бандитам, вора́м, разбойникам и т. п., большая часть населения (в первую очередь, беднейшая) относилась либо нейтрально, либо положительно, но только в том случае, если они направляли свои преступные посягательства против высших сословий [17, с. 160–165]. Э́тих преступников чаще всего не выдавали полиции, им даже содействовали в совершении их общественно опасных деяний. Полагаем, что именно поэтому в Соборном уложении 1649 г. были зафиксированы такие составы преступлений, как «подвод» и «поноровка» (приискание места и времени совершения преступлений, а также укрывательство преступника).

С другой стороны, подобное нейтральное и даже позитивное отношение большей части общества к преступности формировалось за счет того, что и к самим правоохранительным органам население относилось более чем настороженно. Особо негативно население воспринимало деятельность сыскных учреждений, тайных органов государственной власти, а также жандармерии. Доносительство, различные провокации воспринимались в обществе отрицательно, хотя и поощрялись властью.

Так, если объектом посягательства становились собственные интересы городских и сельских «обывателей», то к преступной деятельности беднейшая часть населения чаще всего относилась негативно, но в случае совершения общественно опасных деяний, направленных на нарушение прав владельцев заводов и имений, помещиков, интересов самодержавия и т. п., к преступникам, как правило, относились или нейтрально, или положительно. Вследствие этого общественный порядок для беднейшей части населения не исключал преступную деятельность [15, с. 21–24]. Так, можно заключить, что правосознание и правовая культура у большей части населения России, представленного, в первую очередь, малообразованным крестьянством, было специфическим, оно ориентировалось на собственные представления о праве, поэтому преступления не всегда воспринимали как нарушения закона [9, с. 615–622], что не могло не «питать» активно развивающуюся в это время преступную среду, в том числе и профессиональный криминальный мир.

Таким образом, на формирование профессиональной преступности в России в дореволюционный период оказали влияние следующие специфические условия:

1. Ориентация экономики страны на сельское хозяйство, преобладание сельского населения над городским влияло на структуру преступности в России.

2. Большую распространенность среди наиболее «профессионализированных» преступлений имели общественно

опасные деяния, типичным местом совершения которых была сельская местность (например, конокрадство).

3. Среди преступников, в том числе и профессиональных, также преобладали крестьяне (особенно беглые крепостные).

4. Отмена крепостного права в 1861 г., в свою очередь, тоже способствовала криминализации общества, в силу того что материальное положение бывших крепостных в целом по стране ухудшилось.

5. Устрашающие цели уголовного наказания фактически предопределяли в дореволюционный период невозможность возвращения профессионального преступника к нормальной законопослушной жизни, а низкий уровень развития правосознания и правовой культуры малообразованного крестьянства, как основной части населения страны, при недостаточно эффективной деятельности сотрудников правоохранительных органов по противодействию как общеуголовной, так и профессиональной преступности, способствовали дальнейшему обострению криминогенной обстановки в дореволюционной России.

Указанные условия и факторы были обусловлены существованием и развитием российского государства в особом социокультурном, политическом, географическом, экономическом пространстве, оказавшем влияние на разные сферы общественной жизни, в том числе и на консолидацию профессионального преступного мира в России в конце XIX – начале XX в.

Список литературы

1. Акельев Е.В. Московские мошенники в XVIII в.: клички, язык, развлечения // Живая старина. 2007. № 1 (53). С. 46–48.
2. Безгин В.Б. Кражи в российском селе второй половины XIX – начала XX века // Юридические исследования. 2013. № 6. С. 285–319.
3. Гишинский Я.И. Криминология. Теория, история, эмпирическая база, социальный контроль. СПб., 2002. 384 с.
4. Гуров А.И. Красная мафия. Коммерческий вестник, 1995. 352 с.
5. Гуров А.И. Профессиональная преступность: прошлое и современность [Электронный ресурс]. URL: <http://yurpsy.com/files/biblio/gurov/05.htm> (дата обращения: 20.11.2023)
6. Жаров С.Н. Оперативно-розыскная деятельность уголовного сыска Российской империи // ЮП. 2007. № 4. С. 56–61.
7. Зарубина К.А. Конокрадство, как опасный криминальный промысел в дореволюционной России, или как наказывали за кражу лошадей? // Ученые записки Крымского федерального университета имени В.И. Вернадского. Юридические науки. 2023. Т. 9. № 3. С. 61–65.
8. Инструкция чинам сыскных отделений от 9 августа 1910 г. Отдельное издание. СПб., 1910 [Электронный ресурс]. URL: <https://knigi.studio/istorii-gosudarstva-shpargalki-rossii/instruktsiya-chinam-syisknyih-otdeleniy-191005.html> (дата обращения: 21.11.2023)

9. Кулачков В.В., Музычук Т.Л. Криминологические аспекты правового сознания крестьянства Западного региона России на рубеже XIX–XX веков // Всероссийский криминологический журнал. 2017. № 3. С. 615–622.

10. Лепшеев А.А. Политика правительства Анны Иоанновны в отношении беглых крестьян и дворяне // Научно-технические ведомости Санкт-Петербургского государственного политехнического университета. Гуманитарные и общественные науки. 2011. № 118. С. 188–192.

11. Лоба В.Е. Понимание преступления и наказания по Судебникам XV–XVI веков // Философия права. 2015. № 5 (72). С. 28–33.

12. Мацкевич И.М. Профессиональная преступность // Вестник Саратовской государственной юридической академии. 2008. № 1. С. 127–135.

13. Новая имперская история Северной Евразии. Часть 2: Балансирование имперской ситуации: XVIII – XX вв. / Под ред. И. Герасимова. Казань: Ab Imperio, 2017. 630 с.

14. Первая Всеобщая перепись населения Российской Империи 1897 г. Под ред. Н.А. Тройницкого. Т.1. Общий свод по Империи результатов разработки данных Первой Всеобщей переписи населения, произведенной 28 января 1897 года. СПб., 1905. 417 с.

15. Петров А.В., Девятов В.Ю. Полиция и общество в Российской Империи начала XX века // Вестник ЮУрГУ. Серия: Право. 2011. № 40 (257). С. 21–24.

16. Подройкина И.А. Система уголовных наказаний в истории России и в современном зарубежном законодательстве: Монография. М.: ЮРИСТ ИНФОРМ, 2018. 130 с.

17. Симонова М.В. Степан Тимофеевич Разин – государственный преступник или народный герой? // Вестн. Том. гос. ун-та. 2015. № 401. С. 160–165.

18. Соборное уложение 1649 года. Выверено по изданию: М.Н. Тихомиров, П.П. Епифанов. М.: Изд-во Моск. ун-та, 1961. 431 с.

19. Уставная книга разбойного приказа [Электронный ресурс]. URL: https://allpravo.ru/library/doc313p/instrum3943/item3948.html#_ftn47 (дата обращения: 28.10.2023).

20. Харсеева О.В. Преступность крестьян в губерниях Центрально-Черноземной России в конце XIX - начале XX в // Ученые записки. Электронный научный журнал Курского государственного университета. 2017. № 1 (41). С. 36–42.

21. Чхиквадзе В.М. Социализм и народовластие: справочник. М.: изд-во Полит. лит-ры, 1965. 176 с.

22. Шевченко М.М. История крепостного права в России. М.: Рипол Классик, 1981. 253 с.

Об авторе:

ЗАРУБИНА Кристина Александровна – преподаватель кафедры теории и истории государства и права ФГБОУ ВО «Юго-Западный государственный университет» (Россия, г. Курск, ул. 50 лет октября 94), SPIN-код: 6376-0807, AuthorID: 1058731; e-mail: kris1996z@mail.ru

**ON THE QUESTION OF THE CONDITIONS OF FORMATION
AND DEVELOPMENT OF PROFESSIONAL CRIME
IN PRE-REVOLUTIONARY RUSSIA¹**

К.А. Zarubina

South-West State University, Kursk

The article defines the specific conditions for the formation and development of professional crime as a dangerous criminal phenomenon in pre-revolutionary Russia. A general description of the socio-economic, political and cultural conditions that influenced the transformation of the professional criminal world in the period under review, which led to the consolidation of the criminal environment and the strengthening of criminal ties between «professionals» in Russia by the end of the XIX – beginning of the XX century.

Keywords: *professional crime, criminal specialization, criminal qualification, professional criminal, type of crime, criminal world, punishment, action.*

About author:

ZARUBINA Kristina – Lecturer of the Department of Theory and History of State and Law of the Southwest State University (Russia, Kursk, ul. 50 let Oktyabrya 94), SPIN-code: 6376-0807, AuthorID: 1058731; e-mail: kris1996z@mail.ru

Зарубина К.А. К вопросу об условиях формирования и развития профессиональной преступности в дореволюционной России // Вестник ТвГУ. Серия: Право. 2024. № 1 (77). С. 156–164.

Статья поступила в редакцию 27.11.2023 г.
Подписана в печать 14.03.2024 г.

**О ПОЧЕТНОМ НАИМЕНОВАНИИ ТВЕРСКОГО
ГОСУДАРСТВЕННОГО УНИВЕРСИТЕТА:
ЮРИДИЧЕСКИЙ АСПЕКТ**

С.Н. Смирнов, А.Н. Сухарев

ФГБОУ ВО «Тверской государственный университет», г. Тверь

Тверской государственный университет на протяжении большей части своей истории носил почетные наименования в честь выдающихся деятелей. Поэтому требует рассмотрения вопрос о придании ему почетного наименования, которое ныне отсутствует, с учетом новых исторических реалий. Цель статьи – раскрытие перспектив придания Тверскому государственному университету почетного наименования в рамках проводимой в Российской Федерации политики по патриотическому и духовно-нравственному воспитанию молодежи и государственной политики Тверской области как субъекта Российской Федерации. Рассмотрена роль почетного наименования образовательной организации в деле ее развития, патриотического и духовно-нравственного воспитания молодежи. Методами исследования являются комплексность и системный подход, формальная логика, сравнительный анализ, синтез. Существует необходимость реализации мер в рамках государственной политики, направленных на присвоение образовательным учреждениям почетных наименований, в том числе в честь выдающихся исторических личностей. Эти меры способствуют просвещению молодежи, повышению исторической культуры, популяризации истории Отечества, формированию духовно-нравственных ценностей, патриотическому воспитанию. Представляется целесообразным придать Тверскому государственному университету почетное наименование. Приоритетным на сегодняшний день представляется имя великого князя Михаила Ярославича Тверского, почитание выдающихся заслуг которого является важным опорным элементом сохранения исторических традиций и проведения эффективной воспитательной деятельности в Тверской области. Возможно использование в почетном наименовании светского титула Михаила Ярославича – великий князь. Возможно также использование в названии слов «Святой» и «Благоверный» или одного слова «Благоверный». Авторы полагают, что второй вариант почетного наименования не отрицает светскости образования и соответствует наименованию, используемому официально в наградных системах города Твери, Тверской области. Придание имени князя Михаила Ярославича Тверского Тверскому государственному университету приведет к появлению новых традиций вуза, направленных, в числе прочего, на патриотическое и духовно-нравственное воспитание молодежи.

Ключевые слова: *Тверской государственный университет, почетное наименование, император Александр II, Святой Благоверный князь Михаил Ярославич Тверской, Тверская область.*

История Тверского государственного университета (далее – ТвГУ) представляет собой не только непрерывное развитие потенциала и роли учебного заведения в образовательной, научной, культурной и социальной сферах, но и смену организационно-правовой формы учреждения. Соответственно, менялось и название образовательной организации. Более половины времени существования университета в его названии содержалось имя одного из двух деятелей: основателя, общественного деятеля П.П. Максимовича и революционера, государственного деятеля М.И. Калинина. И если в 1870–1872 гг. имя Максимовича присутствовало как указание на собственника частной учительской школы, то в 1872 г. согласно указа императора Александра II это имя присвоено школе в качестве почетного наименования: «школа Павла Павловича Максимовича» [7]. Почетное наименование отражало роль П.П. Максимовича как организатора народного просвещения, благотворителя, имело значительный воспитательный и имиджевый эффект. В 1917 г. было принято решение о присвоении имени П.П. Максимовича семинарии, создаваемой на базе учительской школы.

В Российской империи в XIX – начале XX вв. имелись примеры присвоения почетных наименований учебным заведениям. Так, в 1827 г. в столице Великого княжества Финляндского (г. Хельсинки) был основан Императорский Александровский Гельсингфорский университет (на базе передислоцированной Академии Або), получивший название в честь императора Александра I. Императорский Николаевский университет, основанный в Саратове, получил свое имя в честь императора Николая II. Помимо университетов, почетные наименования получали и учебные заведения иного уровня. В 1897 г. имя императрицы Екатерины II было присвоено горному институту в Санкт-Петербурге. В 1912 г. указом императора Николая II был создан Воронежский сельскохозяйственный институт императора Петра I. О присвоении имени Петра I сельскохозяйственному институту ходатайствовала городская Дума города Воронежа.

Открытый в 1917 г. Тверской учительский институт и созданный на его базе в 1921 г. Тверской педагогический институт почетного наименования не имели. В 1936 г. Калининский государственный педагогический институт получил имя председателя президиума ВЦИК СССР, в дальнейшем председателя президиума Верховного совета СССР М.И. Калинина (далее – КГПИ им. М.И. Калинина). Революционер, советский государственный деятель Михаил Иванович Калинин был, как известно, уроженцем Тверского края. В 1931 г. город Тверь был переименован в город Калинин. Почетное наименование не

только укрепляло имидж учебного заведения, но и имело идеологический и воспитательный контекст. Имя руководителя высшего законодательного органа СССР педагогический институт носил до момента преобразования в университет.

Таким образом, на протяжении своей более чем полуторавековой истории Тверской государственной университет неоднократно получал почетные наименования и назывался Тверской женской учительской школой имени П.П. Максимовича, Тверской учительской семинарией имени П.П. Максимовича, КГПИ им. М.И. Калинина.

Созданный на базе КГПИ им. М.И. Калинина в 1971 г. Калининский государственный университет не получил почетного наименования. Официального объяснения этого факта не последовало. При этом отметим, что почетные наименования университетов в советский период истории не были распространены.

В настоящее время в Российской Федерации практика присвоения образовательным организациям высшего образования почетных наименований является распространенной. Почетные имена присвоены вузам в честь руководителей государства и высших органов власти, выдающихся деятелей науки, культуры, общественных деятелей.

Почетные наименования в честь государственных деятелей в России носят следующие государственные вузы: Воронежский государственный аграрный университет имени Императора Петра Первого, Ивановский государственный энергетический университет им. В.И. Ленина, Новгородский государственный университет имени Ярослава Мудрого, Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова, Московский государственный текстильный университет имени А.Н. Косыгина, Петербургский государственный университет путей сообщения Императора Александра I, Санкт-Петербургский горный университет императрицы Екатерины II, Санкт-Петербургский политехнический университет Петра Великого, Ульяновский государственный аграрный университет имени П.А. Столыпина, Уральский федеральный университет имени первого Президента России Б.Н. Ельцина и др. Имеются примеры такого рода почетных наименований частных вузов, в частности, Московский университет имени С.Ю. Витте.

В честь выдающихся деятелей науки, культуры, общественных деятелей названы университеты в различных регионах страны. Перечень таких высших учебных заведений значителен, перечислим лишь некоторые из них: Балтийский федеральный университет имени Иммануила Канта, Брянский государственный университет имени академика И.Г. Петровского, Волжский университет имени В.Н. Татищева, Елецкий государственный университет им. И.А. Бунина, Ижевский государственный технический университет имени М.Т. Калашникова, Кабардино-Балкарский государственный

университет им. Х.М. Бербекова, Казанский национальный исследовательский технический университет имени А.Н. Туполева, Калужский государственный университет им. К.Э. Циолковского, Камчатский государственный университет имени Витуса Беринга, Костромской государственный университет имени Н.А. Некрасова, Красноярский государственный педагогический университет имени В.П. Астафьева, Магнитогорский государственный технический университет им. Г.И. Носова, Мордовский государственный университет имени Н.П. Огарева, Нижегородский государственный университет им. Н.И. Лобачевского, Омский государственный университет им. Ф.М. Достоевского, Рязанский государственный университет им. С.А. Есенина, Саратовский национальный исследовательский государственный университет имени Н.Г. Чернышевского, Северо-Осетинский государственный университет имени К.Л. Хетагурова, Сибирский государственный университет науки и технологий имени академика М.Ф. Решетнева, Таврический национальный университет имени В.И. Вернадского, Хакаский государственный университет им. Н.Ф. Катанова, Чувашский государственный университет им. И.Н. Ульянова, Ярославский государственный университет им. П.Г. Демидова и др.

При этом существует практика изменения почетных наименований с учетом различных обстоятельств. Так, из названия некоторых вузов были убраны имена государственных деятелей советского периода истории.

Почетное наименование в честь исторических деятелей не только способствует увековечению их памяти. Речь идет о стимулах и инструментах повышения исторической культуры молодежи, популяризации истории Отечества, формирования духовно-нравственных ценностей, патриотическом воспитании. Присвоение почетных наименований свидетельствует о признании заслуг образовательных заведений и их коллективов, а также является мощным стимулом (катализатором) развития этих образовательных учреждений, формирования у них новых традиций, появления новых возможностей. Придание образовательной организации почетного имени накладывает особую ответственность на коллектив, подчеркивает своеобразие ее истории и потенциала, выделяет ее среди других образовательных организаций.

Присвоение почетных наименований высшим учебным заведениям может производиться указами Президента Российской Федерации, решениями федеральных органов государственной власти и органов власти субъектов Российской Федерации. До сих пор сохраняет юридическую силу принятое в 1990 г. Постановление Совета Министров Российской Федерации, предоставившее право региональным властям присваивать имена государственных и

общественных деятелей предприятиям, учреждением и другим объектом [5]. Так, на его основании в 2014 г. постановлением губернатора Санкт-Петербурга Федеральному государственному бюджетному образовательному учреждению высшего профессионального образования «Санкт-Петербургской государственной политехнической университет» присвоено имя Петра Великого [6]. Имеются и иные решения региональных властей по присвоению федеральным учреждениям почетных наименований.

При выборе почетного наименования вузу следует учитывать, какие выдающиеся люди были с ним связаны, или оказали значительное влияние на развитие региона, в котором находится вуз, или внесли вклад в развитие тех или иных отраслей науки, близких к специализации образовательной организации.

Применительно к Тверскому государственному университету дело обстоит следующим образом. С Тверским государственным университетом на разных этапах его истории были связаны многие известные в России и за рубежом люди. Кто-то из них вел в нем педагогическую и научную деятельность, кто-то в нем учился. В их числе писатель, автор книги «Легенды и мифы Древней Греции». Н.А. Кун; композитор, автор гимна СССР и Российской Федерации, создатель знаменитого ансамбля А.В. Александров; математик и педагог, создатель известных математических таблиц В.М. Брадис; поэт, Заслуженный деятель искусств Российской Федерации, лауреат Государственной премии СССР А.Д. Дементьев; декан физического факультета, лауреат Ленинской премии (за синтез и исследование трансураниевых элементов) В.А. Друин и др.

Почетное наименование вузу в честь выдающейся личности можно присвоить не только в силу ее связи с вузом, но и в силу ее заслуг перед Тверским краем, учитывая, что Тверской государственной университет – это старейший и крупнейший вуз Тверской области, центр образования, науки, культуры. В этом плане в качестве почетного наименования возможно было бы использовать имена великого русского путешественника, автора книги «Хождение за три моря» Афанасия Никитина; математика Л.Ф. Магницкого; педагога и просветителя А.П. Куницына; филолога, лауреата премии имени А.С. Пушкина, автора известного «Словаря русского языка» С.И. Ожегова; писателей И.А. Крылова, М.Е. Салтыкова-Щедрина, Б.Н. Полевого; живописца И.И. Левитана; авиаконструктора А.Н. Туполева и других выдающихся людей.

В силу ряда обстоятельств не представляется целесообразным возвращаться к использованию имен П.П. Максимовича и М.И. Калинина.

Вопрос о присвоении Тверскому государственному университету почетного наименования в течение последних тридцати лет

периодически обсуждается в коллективе университета и в кругах научно-педагогической общественности Тверской области.

В последние годы данный процесс перешел в более «практическое русло». В 2022 г. вопрос о присвоении Тверскому государственному университету почетного наименования был рассмотрен на заседании ректората университета. Приказом по университету была образована соответствующая рабочая группа.

На рассмотрение коллег был вынесен целый ряд имен государственных, общественных деятелей, педагогов, ученых, деятелей культуры, имевших отношение к Тверскому государственному университету или Тверскому краю. Были рассмотрены и учтены различные обстоятельства, в том числе использование указанных имен в названиях других образовательных учреждений и иных организаций в России.

В итоге, с учетом работы указанной группы, в качестве приоритетных в коллективе Тверского государственного университета в настоящее время рассматриваются имена императора всероссийского Александра II и великого князя Михаила Ярославича Тверского.

Тверской государственный университет имеет исторические и правовые основания для присвоения имени императора всероссийского Александра II. Возможный вариант наименования в этом случае: Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Тверской государственный университет императора Александра II». К историческим основаниям относится создание в Твери женской учительской школы П.П. Максимовича именно в период правления Александра II на заложенной им нормативной базе. Законодательство этого периода санкционировало развитие всесословного женского образования. В мае 1858 г. Александром II было утверждено Положение о женских училищах. Император принимал личное участие в развитии тверского образования, участвовал в церемонии открытия Тверского Мариинского женского училища (в дальнейшем гимназии) в 1858 г.

Правовым основанием является следующее обстоятельство: наличие именного императорского указа, посвященного Тверской женской учительской школе. Это обстоятельство является неординарным для правовой практики того времени и позволяет говорить о личном санкционировании Александром II деятельности учительской школы в Твери.

Государственная деятельность и судьба императора Александра II имеют важное значение в воспитательной работе с молодым поколением в настоящее время. Именно в годы правления этого императора были проведены крупнейшие преобразования, включая отмену крепостного права, реформы системы образования, местного

самоуправления, суда, военную реформу. В результате активной внешней политики были сформированы границы Российской империи.

В числе аргументов против данного почетного наименования прежде всего следует назвать следующий. В период правления Александра II была начата работа по открытию Императорского Сибирского университета, переименованного в дальнейшем в Императорский Томский университет. Таким образом, именно Томский университет в настоящее время имеет своего рода неофициальный приоритет в наименовании в честь императора Александра II. Кроме этого, почетное наименование с использованием имени императора Александра II имеет прежде всего общероссийскую коннотацию, и в гораздо меньшей степени – региональную. Это не является позитивным моментом для регионального вуза.

Достойной кандидатурой для почетного наименования крупнейшей образовательной организации Тверского края является великий князь Михаил Ярославич Тверской. Михаил Ярославич – знаковая для Тверского края фигура. Первый правитель (после ордынского нашествия хана Батия), официально принявший титул «Великого князя всея Руси» (1305 г.). В годы его правления был сделан очередной шаг в восстановлении потенциала Верхневолжья, подорванного ордынским нашествием и золотоордынским игом. Именно в Твери, первом городе в Северо-Восточной Руси, возобновилось каменное строительство. Именно в Твери при Михаиле Ярославиче возобновилась традиция ведения летописных сводов общерусского характера.

В историческую память россиян великий князь Михаил Тверской вошел в качестве выдающегося представителя Тверского края, воина, полководца, защитника Руси. Его принято считать Небесным покровителем Тверской земли. В 1549 г. великий князь Михаил Ярославич Тверской был канонизирован Русской православной церковью. Образ князя Михаила Тверского запечатлен на памятнике «Тысячелетие России», установленном в Великом Новгороде.

Личность Михаила Тверского является одной из опорных фигур корпоративной памяти и духовно-нравственного каркаса воспитательной работы с молодежью Тверской области. Великокняжеская чета – Михаил Ярославич и Анна Дмитриевна – явили собой и своей семейной жизнью высокий образец нравственности. В связи с этим жизнь Михаила Тверского и Анны Кашинской выступает в качестве примера для молодежи Тверского края. Святой Благоверный князь Михаил Тверской является почитаемой фигурой для Русской православной церкви.

Проведение воспитательной работы является одним из важнейших направлений государственной политики. Дань памяти Михаилу Ярославичу, дань уважения к его нравственным постулатам вполне соответствуют концептуальным основаниям государственной политики

Тверской области как субъекта Российской Федерации. Поэтому придание Тверскому государственному университету как старейшему вузу региона имени великого князя явилось бы отражением такой политики. Присвоение Тверскому государственному университету почетного наименования Святого Благоверного князя Михаила Тверского является в некотором роде внутренним консенсусом, учитывая многопрофильность вуза, в котором реализуются более 170 образовательных программ высшего образования, действуют двадцать научных школ.

Особо отметим, что присвоение университету имени князя Михаила Тверского не требует проведения исторической экспертизы, т. к. его выдающиеся заслуги являются общеизвестными и общепризнанными. Поэтому не требуется специального доказывания относимости, допустимости и целесообразности присвоения имени князя Тверскому государственному университету. Историческая экспертиза была бы необходима в отношении спорных или малоизвестных широкой общественности личностей, чтобы избежать дискредитации вуза и нарушения российского законодательства.

Необходимо отметить литературное творчество ученых Тверского государственного университета, связанного с именем Святого Благоверного князя Михаила Тверского. Это, прежде всего, поэтические сборники, изданные доктором юридических наук, профессором юридического факультета В.И. Круссом. В 2020 г. им издано литературное поэтическое произведение «Святой Благоверный князь Михаил Тверской. Святая Благоверная княгиня Анна Кашинская» [8], а в 2022 г. – «Сохраняя духовный удел... Александр Невский. Михаил Тверской. Анна Кашинская» [9].

В ответ на официальное обращение ТвГУ в Департамент координации деятельности образовательных учреждений Министерства науки и высшего образования Российской Федерации получен ответ о возможности получения почетного наименования университета и о процедурных моментах этого процесса.

Переименование университета и придание ему имени князя Михаила Тверского поддерживает митрополит Тверской и Кашинский, глава Тверской митрополии Амвросий.

Возможны различные варианты содержания почетного наименования в честь Михаила Тверского. При формулировании почетного наименования необходимо учитывать различные соображения, включая соображения филологического порядка. Так, неоднозначным с точки зрения фонетики может выглядеть двукратное использование в наименовании университета слова «Тверской».

Один из вариантов связан с использованием светского титула «великий князь». Возможный вариант наименования: Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего

образования «Тверской государственный университет великого князя Михаила Ярославича».

Другой вариант предполагает использование понятий «Святой» и «Благоверный». Возможное указание в наименовании университета слов «Святой» и «Благоверной» не является отрицанием светскости образования, а соответствует официальному наименованию, которое используется в Тверской области и городе Твери. Так в наградной системе Тверской области установлена одна из наивысших наград Тверской области Почетный знак «Крест святого Михаила Тверского», которым награждаются лица за особо выдающиеся заслуги перед Тверской областью, высокие достижения в развитии экономического, социального и культурного потенциала области. В наградной системе города Твери учрежден памятный знак Главы города Твери «Во славу подвига святого благоверного князя Михаила Тверского».

Слова «Святой» и «Благоверный» используются в названии центральной площади города Твери – площадь Святого Благоверного Князя Михаила Тверского, на которой расположены административные здания Правительства Тверской области. На этой площади стоит и памятник Михаилу Ярославичу. В декабре 2023 г. на Соборной площади Твери был установлен памятник Великому князю Михаилу Тверскому в композиции с первым епископом Тверской епархии Симеоном. Таким образом, использование в наименовании университета слов «Святой» и «Благоверный» соответствует существующей традиции города Твери и Тверской области и может присутствовать в имени Михаила Ярославича при наименовании Тверского государственного университета.

В Конституцию Российской Федерации в 2020 г. было внесено изменение, включающее в себя поминание о Боге. Статья 67.1 провозглашает сохранение памяти предков, «передавших нам идеалы и веру в Бога» [1]. Это не противоречит ст. 14, которая определяет Российскую Федерацию как светское государство, что предполагает запрет на установление какой-либо религии в качестве государственной или обязательной, а также отделение религиозных объединений от государства. Использование в наименовании учебного заведения слов «Святой» и «Благоверный» не противоречит федеральному закону «Об образовании в Российской Федерации» [4], который не содержит каких-либо запретов и ограничений и отражает культурные традиции, признаваемые в Российской Федерации.

В Указе Президента Российской Федерации от 09.11.2022 г. № 809 «Об утверждении Основ государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей» поставлена задача защиты традиционных российских духовно-нравственных ценностей, культуры и исторической памяти [2]. Придание Тверскому государственному университету имени Святого

Благоверного князя Михаила Тверского отражает проводимую в Российской Федерации политику, направленную на усиление патриотического и духовно-нравственного воспитания молодежи, и послужило бы мощной доминантой в защите провозглашаемых ценностей [3]. Без сомнений, следует придавать огромное значение этому вопросу. Патриотическое и духовно-нравственное воспитание молодежи не является какой-либо кампанией, это то, что должно и будет проводиться в Российской Федерации в целях сохранения российской государственности и территориальной целостности.

При изменении названия любой организации, в том числе Тверского государственного университета, могут возникнуть вопросы о необходимых финансовых затратах. Изменение название предполагает изготовление новых бланков, указателей, рекламной продукции и пр. Попробуем дать ответ на вопрос, насколько такие затраты существенны. По мнению авторов, при принятии нового названия Тверского государственного университета следует в качестве сокращенных его вариантов указать как прежние сокращенные варианты, так и полное его нынешнее наименование, но в качестве сокращенного наименования. Поэтому в качестве сокращенных вариантов наименования вуза необходимо установить названия: Федеральное государственное бюджетное учреждение высшего образования «Тверской государственный университет»; ФГБОУ ВО Тверской государственный университет»; Тверской государственный университет; ТвГУ. Такой подход не приведет к возникновению у вуза дополнительных затрат. Новое название будет появляться на документах и табличках постепенно, по мере необходимости. Массовое изготовление новых бланков и указателей не потребует. Обычно при переименовании учебных заведений вообще, как правило, не ставят в качестве проблемы финансовые затраты.

Также следует обратить внимание, что Тверской государственный университет периодически меняет свое полное наименование. Это связано со сменой названия города Калинина на город Тверь, добавлением в название вуза слова «федеральное», исключение из названия слова «профессионального» и проч. Все это не порождает каких-либо существенных затрат, кроме, может быть, затрат символического характера (изготовление новой печати и штампа, государственной регистрации).

Также следует отметить, что Тверской государственный университет в 2023 г. в рамках государственного контракта выполнил для Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации экспертно-аналитическое исследование на тему «Анализ работы образовательных организаций и НКО в сфере патриотического и духовно-нравственного воспитания молодежи. Разработка рекомендаций по совершенствованию нормативного правового

регулируемая». Этот государственный контракт включает двухлетнее сопровождение Государственной Думы Российской Федерации со стороны Тверского государственного университета. Было бы логично, чтобы вуз на практике реализовал результаты, полученные в своем исследовании, в деле патриотического и духовно-нравственного воспитания молодежи.

Подытоживая вышеизложенное, можно сделать следующие выводы.

Во-первых, существует необходимость реализации государственной политики, направленной на придание образовательным учреждениям почетного наименования, в том числе в честь выдающихся исторических личностей. Это будет способствовать просвещению молодежи об этих лицах, повышению исторической культуры, популяризации истории Отечества, формированию духовно-нравственных ценностей, патриотическому воспитанию.

Во-вторых, представляется целесообразным придать Тверскому государственному университету почетное наименование в честь императора Александра II или великого князя Михаила Тверского.

В-третьих, приоритетным в силу ряда обстоятельств представляется почетное наименование в честь князя Михаила Ярославича. Возможное использование в почетном названии слов «Святой» и «Благодетельный» не отрицает светскости образования и соответствует наименованию, используемому официально в наградных системах города Твери, Тверской области, названии одной из центральных улиц города Твери и проч.

В-четвертых, придание имени Святого Благодетельного князя Михаила Тверского Тверскому государственному университету приведет к появлению новых традиций вуза, направленных, в числе прочего, на формирование патриотического и духовно-нравственного воспитания молодежи.

Список литературы

1. Конституция Российской Федерации: принята всенародным голосованием 12 декабря 1993 г. с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01 июля 2020 г. // СПС «КонсультантПлюс».

2. Указ Президента РФ от 09.11.2022 г. № 809 «Об утверждении Основ государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей» // СПС «КонсультантПлюс».

3. Указ Президента РФ от 20.10.2012 г. № 1416 «О совершенствовании государственной политики в области патриотического воспитания» // СПС «КонсультантПлюс».

4. Федеральный закон от 29 декабря 2012 г. № 273-ФЗ «Об образовании в Российской Федерации» // СПС «КонсультантПлюс».

5. Постановление Совета Министров РСФСР от 30.09.1990 г. «О передаче некоторых вопросов на решение Советов Министров автономных республик,

крайисполкомов, облисполкомов, Московского и Ленинградского горисполкомов, министерств и ведомств РСФСР» // СПС «КонсультантПлюс».

6. Постановление Губернатора Санкт-Петербурга от 23.06.2014 г. № 42-пг «О присвоении имени Петра Великого федеральному государственному бюджетному образовательному учреждению высшего профессионального образования “Санкт-Петербургский государственный политехнический университет”» // Электронный фонд правовых и нормативно-технических документов [Электронный ресурс]. URL: <https://docs.cntd.ru/document/822403535?ysclid=Isovi44e2x842795849> (дата обращения: 10.02.2024).

7. Именной указ, объявленный Сенату министром народного просвещения «О наименовании открытой в Твери школы для крестьянских девочек «школою Павла Павловича Максимовича» от 10 июня 1872 г. // Полное собрание законов Российской империи. Собр. Второе. СПб., 1875. Т. XLVII. № 50 974.

8. Крусс В.И. Святой Благоверный князь Михаил Тверской. Святая Благоверная княгиня Анна Кашинская. Тверь, 2020. 49 с.

9. Крусс В.И. Сохраняя духовный удел... Александр Невский. Михаил Тверской. Анна Кашинская: литературно-художественный коллаж в тридцати фрагментах. Тверь, 2022. 77 с.

Об авторах:

СМИРНОВ Сергей Николаевич – кандидат юридических наук, доцент кафедры теории права, директор Института непрерывного образования ФГБОУ ВО «Тверской государственной университет» (170100, г. Тверь, ул. Желябова, 33), ORCID: 0000-0003-0758-7521, SPIN-код: 5101-9484, e-mail: Smirnov.SN@tversu.ru

СУХАРЕВ Александр Николаевич – доктор экономических наук, профессор кафедры конституционного, административного и таможенного права ФГБОУ ВО «Тверской государственной университет», г. Тверь (170100, г. Тверь, ул. Желябова, 33), SPIN-код: 2416-1054, e-mail: su500005@yandex.ru

**ABOUT THE HONORARY NAME OF TVER STATE UNIVERSITY:
THE LEGAL ASPECT**

S.N. Smirnov, A.N. Sukharev

Tver State University, Tver

Throughout most of its history, Tver State University has carried honorary titles in honor of outstanding figures. This requires consideration of the issue of giving it an honorary name, which is currently missing, taking into account the new historical realities. The purpose of the article is to reveal the prospects of giving Tver State University an honorary name within the framework of the policy on patriotic and spiritual and moral education of youth in the Russian Federation and the state policy of the Tver Region as a subject of the Russian Federation related to the veneration of the outstanding merits of the Holy Prince Mikhail Tversky. The role of the honorary name of

an educational organization in its development, patriotic and spiritual and moral education of young people is considered. The research methods are complexity and a systematic approach, formal logic, comparative analysis, synthesis. There is a need to implement a state policy aimed at giving educational institutions an honorary name, including in honor of outstanding historical figures. This helps to educate young people about these people, enhance historical culture, popularize the history of the Fatherland, form spiritual and moral values, and patriotic education. It seems advisable to give Tver State University an honorary name in honor of the Holy Prince Mikhail Tversky, the veneration of whose outstanding achievements is an element of the state policy of the Tver region. The name in the name of the words "Holy" and "Blessed" does not deny the secularism of education and corresponds to the name used officially in the award systems of the city of Tver, the Tver region, the name of one of the central streets of the city of Tver, etc. Giving the name of the Holy Prince Mikhail of Tver to Tver State University.

Keywords: *Tver State University, honorary title, Holy Prince, Mikhail Tverskoy, Tver region.*

About authors:

SMIRNOV Sergey – PhD in Law, associate professor of the department of Legal Theory, director of the Institute of Continuous Education of Tver State University (170100, Tver, Zhelyabov str., 33), ORCID: 0000-0003-0758-7521, SPIN-code: 5101-9484, e-mail: Smirnov.SN@tversu.ru

SUCHAREV Alexander – Doctor of Economics, Professor of the Chair of Constitutional, Administrative and Customs Law of Tver State University (170100, Tver, Zhelyabova street, 33), SPIN-code: 2416-1054, e-mail: su500005@yandex.ru

Смирнов С.Н., Сухарев А.Н. О почетном наименовании Тверского государственного университета: юридический аспект // Вестник ТвГУ. Серия: Право. 2024. № 1 (77). С. 165–177.

Статья поступила в редакцию 10.02.2024 г.
Подписана в печать 14.03.2024 г.

Вестник Тверского государственного университета. Серия: Право решением Президиума ВАК включён в Перечень российских рецензируемых научных журналов в редакции 2022 года, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученых степеней доктора и кандидата наук.

Контактные данные редакционной коллегии:

170021, г. Тверь, ул. 2-я Грибоедова, д. 22, каб. 222.

Тверской государственной университет: телефон/факс: (4822) 70-06-57.

Главный редактор – Ильина Ольга Юрьевна (8-968-968-6161);

технический редактор – Огаркова Наталья Олеговна;

law.vestnik@tversu.ru

Вестник Тверского государственного университета

Серия: Право

№ 1 (77), 2024

Подписной индекс: **85714** (подписной интернет-каталог «Пресса России»)

Подписано в печать 14.03.2024. Выход в свет 21.03.2024.

Формат 70 x 108 ¹/₁₆. Бумага типографская № 1.

Печать офсетная. Усл. печ. л. 15,58.

Тираж 500 экз. Заказ № 47.

Издатель – Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Тверской государственной университет».

Адрес: Россия, 170100, г. Тверь, ул. Желябова, д. 33.

Отпечатано в издательстве Тверского государственного университета.

Адрес: Россия, 170100, г. Тверь, Студенческий пер., д. 12, корпус Б.

Тел.: 8 (4822) 35-60-63. *Цена свободная.*